

№ 1
2013

КАЗАХСТАНСКИЙ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ

НИВА

Журнал — лауреат высшей общенациональной премии
Академии журналистики Казахстана за 2007 год

Зам. главного редактора Р. К. БЕГЕМБЕТОВА

Редакционный совет:

Р. К. БЕГЕМБЕТОВА (зам. главного редактора), **Б. М. КАНАПЬЯНОВ**
(г. Алматы), **Г. К. КУДАЙБЕРГЕНОВ** (г. Астана), **А. Ю. КУРЛЕНЯ**
(г. Петропавловск), **Р. Ю. МАХАТАДЗЕ** (г. Караганда),
Ю. Д. ПОМИНОВ (г. Павлодар), **В. И. РЫЖКОВ** (г. Караганда),
Т. И. СЫЗДЫКОВ (г. Кокшетау), **А. Ю. ТАРАКОВ** (г. Астана),
И. Б. ТЕТЕРИНА (г. Астана), **В. В. ШУПЕЙКИН** (г. Алматы),
Л. Ю. ЮРКОВА (г. Усть-Каменогорск).

В номере:

Поэзия

- Н. Оразалин.** Из сборников «Прощание с веком» и «Время музыки».
Стихи 3
Г. Ударцев. «Не даром ем свой хлеб насущный...». *Стихи* 36
В. Мальшко. «И я взрослел, шагая по дорогам...». *Стихи* 46

Проза

- Р. Рябцовская.** Удивляешься, открывая. *Отрывок из романа* 15
В. Зубов. Два рассказа. (*Беспальный; Старче*) 41
А. Лысенко. Люська-путана; Поздняя встреча. *Рассказы* 54

Память

- А. Матвеев.** Я с ним просто дружил... 64

Документальная проза

- Е. Мосина.** Когда реки текли в гору. *Воспоминания о том, чего
многие не заметили* 68

© «Нива», 2012, Астана

Культура. Общество. Личность

В. Владимиров. ... А книги его читают и письма к нему идут 91

Искусство

С. Беккулова. Гармония жизни и природы 99

К 60-летию целинной эпопеи

В. Владимиров. Оглянись не в досаде. Ещё раз о том, что такое Целина 102

Параллели и меридианы

А. Волков. Дневник отдыхающего путешественника 123

Критика и литературоведение

Я. Абдеева. Акбилек, дочь Маркаколя 141

Далёкое — близкое

А. Иминов. Меня благословил Джамбул 149

В семейном кругу

Г. Лысенко. Спелой рябины вкус 154

Приключения. Детектив. Фантастика

Н. Кенжегулова. Затерянный аул. *Научно-фантастическая повесть* 157

Сатира и юмор

А. Лопатин. Жезл сержанта Палкина; Про литературу 186

Изоальбом «Нивы»: из работ Кадырбека Каметова. На первой странице обложки – «Разрезание пут», на четвёртой – «Дом художника».

К сведению читателей

В ноябре 2012 года сайты нашего журнала www.niva-kz.narod.ru и www.niva.ucoz.kz посетили 2327 читателей из 20 стран: 1487 из них — жители Казахстана, 441 — россияне. Остальные представляют Германию, Украину, Исландию, США, Францию, Польшу, Беларусь, Армению, Кыргызстан, Бельгию, Болгарию, Узбекистан, Азербайджан, Китай, Эстонию, Грузию, Израиль, Австралию.

Нурлан ОРАЗАЛИН

Из сборника «Прощание с веком»

***

Моя заветная мечта —
скакун, стреноженный петлёю..
Храпит в степи — и неспроста
копытом бьёт и жаждет боя!

**Нурлан
Мыркасымович
ОРАЗАЛИН**

родился 13 июня 1947 года в Уйгурском районе Алматинской области в ауле Улкен Дихан (в настоящее время Кокбастау). В 1970 году окончил филологический факультет Казахского государственного университета.

Первые стихи появились в печати в середине шестидесятых годов прошлого столетия, в республиканских газетах и журналах. В 1969 году его стихи были опубликованы в коллективном сборнике молодых авторов «Жас керуен».

Трудовой путь поэт начал в 1970 году в газете «Казахстан пионеры» литературным сотрудником. В 1972-1984 годах работал в Министерстве культуры редактором, старшим редактором, главным редактором репертуарно-редакционной коллегии. С 1984 по 1986 годы работал директором Республиканского кукольного театра. В 1986 году был избран первым секретарём Союза театральных деятелей Казахстана. В том же году на Всесоюзном съезде театральных деятелей СССР, который проходил в Москве, вошёл в состав Правления Союза театральных деятелей СССР. Депутат Верховного Совета Казахской ССР 12 созыва (1990-1994 годы). В Верховном Совете исполнял обязанности заместителя председателя Комитета по развитию национальной политики, культуры и языка. В 1991-1992 годах исполнял обязанности заместителя председателя Комитета по науке, образованию и культуре Верхней Палаты Верховного Совета СССР. В 1993-1996 годах работал главным редактором газеты «Егемен Казахстан». В 1996 и в 2012 годах на очередных съездах Союза писателей Казахстана избран Председателем Правления.

Автор сборников стихов «Беспокойный характер», «Весенний звон», «Седьмой континент», «Мысли-аргамаки», «Послание человечеству», «Стужа-Куралай», «Прощание с веком», «Время музыки», «Истребление», книги статей и публицистических заметок и эссе «Просторы независимости». В 2006 году в издательстве «Жазушы» вышел в свет трёхтомник избранных стихов.

Автор пьес «Ночь при свечах», «Каменные олени», «Легенда о белой птице», «Возмездие», «Лихая година» (по роману М. Ауэзова), «Последний день», «Тревожный век», «Памятный вечер весны», с успехом идущих на сценах республиканских и областных театров Казахстана и за рубежом.

Его произведения переведены на многие языки мира. В 2002 году за сборник стихотворений «Прощание с веком» поэт стал лауреатом Государственной премии Республики Казахстан. Н. Оразалин – Заслуженный деятель Республики Казахстан, Почётный гражданин города Алматы.

Он так метался под зарёй,
но вот смирился одиноко...
Я тоже бился головой
о камни атомной эпохи.
Звучал спасительный кобыз,
поэту душу сотрясая,
а голос неба падал вниз,
как бы дождя стена кося.
Се — век, и он неумолим,
он заставлял метаться горы!
Зачем же я сразился с ним,
вступая в сумрачные споры?
Мой голос в зябком ноябре
в густом тумане потерялся...
И неужели я расстался
с высокой правдой на заре?
Храпит скакун моей мечты...
Куда несётся всадник вещей?
Среди безмерности зловещей
слова бессмертны и чисты.

***

Древний голос спросил у меня:
Кто ты? Зачем ты живёшь в этом мире?
И для чего ты играешь на лире
с сердцем, заполненным пляской огня?..

Что за мелодия рвётся в ушах
звоном, которого нету чудесней...
Словно бы всадник несётся во мрак,
я устремляюсь за собственной песней...

Мучаюсь, каюсь, страдаю, казнюсь...
Мне не хватает бесстрашной отваги:
я на слова беззащитные злюсь,
чтоб отыгратся на белой бумаге!

Так же, как вы, я земной человек:
мил — для одних, а другим — ненавистен...
Только в груди моей пепел, как снег:
жизнь моя — жар отгорающих истин...

Жизнь моя — призрак, горящая ночь.
Чую мелодии сладость и горечь...
То вдохновенье уносится прочь,
и не смолкает мучительный голос.

***

Кровь пролита. Душа и разум в шоке,
отяжелело сердце, как свинец...
Не понимаю суть моей эпохи,
весь мир перевернулся, наконец.

Кровь пролита. И сразу песни смолкли,
любимый век становится чужим,
я вижу жизнь, как будто бы в бинокле:
о, алчный и безжалостный режим!..

Кровь пролита — несчастье на пороге,
и мысль о том стонет и скорбит:
эпоха огнестрельная в дороге —
в нас целится с космических орбит.

Кровь пролита... Доверчивые дети
обмануты во имя ложных «Сур»,
а пастыри плетут ревниво сети
И прячут ложь в загадочный прищур..

Кровь пролита... И будущее в страхе,
Так гордый спотыкается рысак,
на лошадях безумцы мчат во мраке...
Везде царит безумный кавардак.

Распластаны, в крови родные горы.
Кто в будущее целится грозя?
Что нам сулят вселенские просторы?
О, мир, которым и дышать нельзя..

***

Опустело сердце: улетела песня...
Не хватает воздуха, и на свете тесно:
вместе с песней этой, тихо пригорюнясь,
исчезает в прошлом пламенная юность...

С песней исчезают, господи, помилуй,
радостные тени молодости милой...
Сумерки чернеют — на глазах повязка,
только горы снежные светятся, как сказка.

В январе морозно, — просвистит ли полоз,
из степи заснеженной раздаётся голос,
и, неувовима, некоей тайной вестью
из ночного дыма ускользает песня...

Ну, куда, несносная, от меня стремится,
под луной выпархивая, как ночная птица?
Не река ли плещет? Или глас небесный?
Песня лебединая в этой жизни пресной!

Я застыл как камень: грудь моя не дышит,
и душа уставшая ничего не слышит...
Я зову беглянку под скалой отвесной —
эхом возвращается то, что было песней.

***

Жестокий век! Страдание моё, —
от ран твоих не в силах излечиться,
летят больные мысли, словно птицы,
звон денег заполняет бытиё.

Сегодняшнее — адовый пожар,
грядущее — безжалостное пламя...
И я мечусь, раздвоенный, меж вами:
вот две струны — печаль и божий дар.

Темнеет ночь. В душе покоя нет.
Безмолвны Аруахи в жарком дыме...
Я так хотел постигнуть Белый свет,
мои мечты, увы, неисполнимы...

Играет кровь и дело есть уму.
Никто не скажет, что себя жалею...
Мои слова — вот золото, чем владею,
дарю его Алашу моему.

Я и болел, я и горел в огне,
душа моя галактикам внимала...
Покажет время — много или мало,
но выпадала Истина и мне!

Жестокий век! Огнём охвачен дух.
Как горы грусти — песни вверх взлетают,
но боль от ран и без лекарств стихает,
когда шепчу я эти строки вслух...

Жестокий век! Я ухожу, мой друг!

***

Скакуном понеслась моя мысль в небеса —
белой ночью я думаю стихотвореньем...
Голос в сумерках бредит про те чудеса,
что волнуют поэта прохладой и тленьем...

Город... улица... голос небесный окреп,
это — ответ зари по горам расплескался...
Саз небесный звучит из ночного пространства
так, что отзвук ложится на горы и степь.

Зазвучала, безмолвно сияя, Луна.
Голоса Алатау взвились ей навстречу!
Мир воспрял ото сна ораторией речи!
Сердце ритм отбивает, как шаг скакуна.

В этом сердце живёт вдохновенная дрожь,
тёмный космос свои посылает сигналы,
звёзды над Алматы, зазвучав, замерцали,
вырываясь из жарких небесных ладош.

Так рождаются песни в кромешных ночах,
так летят голоса скакунами восторга!
Словно в синих небесных озёрах Востока,
отражаются чувства в горящих глазах...

***

Минует ли счастье? Придёт ли остуда?
Слова опостылят когда-нибудь, вдруг...
Неужто душа отлетит, словно чудо,
и вздрогнешь от горя, любимый мой друг?

Столетние рощи споткнутся однажды,
не выдержав мощи бегущих годов...
Поймёшь ли, мой друг, умирая от жажды,
что прочит прощанье нам шелест дубов?

Создатель сурово диктует вердикты —
Неужто землянам его не понять?
А истина — вечнозелёная пихта! —
врывается в сердце поэта опять!

Проходят века и несутся эпохи,
а истина снова, как молния, бьёт!
Поймём ли, танцующие скоморохи,
что спросится с нас за бездарный пролёт?

Пусть громко звучит, что явилось поэту.
Что спросит Вселенная — строгая мать?
Грядущее нас призывает к ответу.
Но как этот зов без ошибки понять?

***

Холодный ветер Желтоксана,
душа — как ночь, в ней плачет совесть...
О, жизнь моя, сплошная рана,
моя мучительная повесть.

Зачем-то грудь моя стеснилась?
Снисходит с неба голос чести...
Послушай, сердце, сделай милость,
смягчись немного и воскресни!

Ты друга узнаёшь по речи,
в глазах врага — туман обмана...
Такие дни! Такие встречи!
О, жизнь моя — сплошная рана.

Спокойствия и примиренья
не знает Желтоксана ветер,
и снова одинокий вечер,
и вновь терзание творенья...

Мои победы и пороки.
Обетованные пустыни.
И непутёвые пророки,
и путь, неведомый поныне...

Возвращение к Абаю

Когда покоя нет, когда соврёт домбра,
от дома вдалеке я слов не понимаю,
тем более тогда — в стремлении добра! —
опять тянусь душой к великому Абаю.

Бессовестная жизнь в униженной степи,
где души продают и не стремятся к раю,
где сам себе шепчу: «Смирись же и терпи,
чтоб сердце обратить к великому Абаю...»

Лекарства не найду от мелкоты людской.
Охваченный огнём, я тихо угасаю...
Смотрю на земляков с надеждой и тоской
и словно бы живу страданьями Абая.

Вселенная вокруг... Её прекрасна речь,
которую, увы, не часто понимаю...
Но чтоб навек любовь от гибели сберечь,
я тороплюсь в ночи к великому Абаю.

Как много ненависти на моей Земле,
я жадности и зла душой не принимаю,
я примиряю всех, кто заплутал во мгле,
О боже, как мне стать похожим на Абая.

Когда соврёт домбра оборванной струной,
и, бедолага, вдруг от боли зарыдаю,
так хочется быстрее попасть к себе домой:
вернуться навсегда к великому Абаю.

Из сборника «Время музыки»

Из цикла «Эпоха-аргамак летит»

***

Эй, вы, прозрачные капли!
Плывущие тучной тучей,
Шумящею весной,
Не совладеет с мыслью грустной
И великан могучий.
Вы душу мне очистите
От тяжести земной.

Вздохну, и горечь источает мой язык...
Очистите меня от страшных бед!
За то, что в тайны тайные проник,
Не оставляйте вы меня
В пустыне знойных лет.

Одиночество — как признак горя,
Едва ли подойдёт джигиту,
Не подойдёт оно и вам, о, горы,
Но — одинокие — стойте...

Оно и мне не подойдёт,
А к тополю, что — одинок,
Подходит страждущий народ,
Чтоб к ветке привязать платок...

В наш век совсем не актуально
Быть одиноким, не любимым.
Из миллионов капель малых
Дождь собирается обильный.

Коль в доме есть очаг с огнём,
С дымком небесным из трубы,
Тогда аул и есть твой дом,
Начало жизни и судьбы.

От одиночества – спасите!
От этой степи безоглядной!
Я гор, но не пустыни житель,
Быть одному – что неприглядней?!

Никто не сможет разлюбить
Ни эту жизнь, ни это время.
Меня спасите, так уж быть,
В иное увезите племя!

Спасите! Увезите прочь
Туда, где ураганы жгучие,
Где льётся дождь, мрачнеет ночь,
Где великаны есть могучие!

***

Улетают дни...
Дни растворяются, сгорают,
Как первый снег,
Что стал добычею воды...
Сгорают дни...
В глазах моих сверкают,
Словно осенние ярчайшие сады.

О, юная весенняя пора,
Как сны, красивые золотые вечера,
Несутся в небе кони белогривые,
Как мои мысли, добрые, счастливые...

Мою печаль взвалила ночь на плечи,
Создав из воздуха прелестницу Луну,
В пространстве этом чувством бесконечным
Не ухватить нам тишину.

Улетают дни...
Догадка и прозрение,
Заметные останутся следы.
Сгорают дни...
Сгорает следом жизнь, как привидение,
Жить продолжают вешние сады.

Клокочет сердце, возрождаясь вновь,
Шумят леса, озёра в камышах.
Сжигая в теле яростную кровь,
Эпоха скачет, словно аргатак.

***

В бесконечные ночи и тишину
Жаждал строчек я выпить поток,
Свод небесный пугая и в небе Луну,
Дождь на степи пролиться ли смог?!

Омывают реки свои берега,
И горят тростники небреженья,
Ожидала ль ночью моя строка
Неизвестного продолженья?!

Погружаясь в небесной лазури мираж,
Горизонт в ярких красках горит;
В лёгкой дымке туманной горный пейзаж
Тянет руки ко мне и молчит.

Отчего взволновались степные холмы,
Здесь кочуют сайгаки с давних веков?!
И старик-саксаул один, как и мы,
Сбережётся ль зимой от ветров?

В ожерельях цветочных сады с ранних зорь,
Жаждал строчек я выпить поток,
И коснулась ль печаль этих гор,
Дождь на степи пролиться ли смог?!

Послание

Город-сад скрыт под снегом,
Слава снегам!
И в белёсой степной дали
Спит округа, закутавшись в снег,
В час полночный сна, и прозрений и нег,
Вспоминаю, скучаю по вам...
Снег до самого края земли...

Я отправил к тебе утро белое,
Я отправил с надеждою смелою,
Чтоб сквозь горы великие смог
Ты пройти, одолев сто дорог.

В ночь красивую звёздный свет
Посылал я к тебе, мой свет,
Чтоб дошли лучи до тебя,

В этих белых снежных степях
Пусть дойдет до тебя сердца стук,
Не боясь этих бешеных вьюг,

Небо эхом ответило мне,
Обновились город, сады,
Ночью в снежной той тишине
Грохоча от горной гряды,

Мысль приходит, и всё о тебе...
Я к тебе посылаю, как птиц...
Посылаю к тебе пору пламенную,
Опалённый огнём каждый стих.

Вот ноябрьский ветерок...
Мои чувства с собой он увлёт,
Утащил с собой шумный поток.
И на плотный тяжёлый снег
Пролилась дождём сотня строк.

Страсть

Я жажду страсти...
Смех твой долгожданный
раскроет тайны, страсть так глубока.
И может потому...
Тебя я жажду,
Что от меня ты нынче далека...

Брожу один
В ночных садах рассеянно,
Безмолвно сердце
тяжесть всю несёт,
Мелодию прекрасную, весеннюю,
Понятную лишь нам, оно поёт.

Как нежен и прекрасен мир!
И в этом мире
Ты — покорительница и кумир!
Как жаль, проходит лучшая пора,
Печаль в глазах, произнесу лишь имя...
Тянусь к тебе, ведь ты — моя опора,
Моя гора...
Так тянут травы склонами цветными.

И моё сердце всё волнует страсть,
Гогочут гуси на озёрах страсти,
К ногам твоим мне б поскорей припасть,
Чтоб озеро любви испить, как счастье...
Чтоб дождь пошёл, как многоточье, частый...

И всё же время то ушло в забвенья час,
Забилось всё, осталась лишь печаль,
На блеск твоих прекрасных чёрных глаз
Накинуло забвенье злую шаль.

В молчанье горы...Вешние сады
 Молчат, как ты. Они, возможно, ты.
 И только звёзды этой вот вселенной
 Всё слушают стихи про миг весенний...
 Любовь же машет облачком мечты...

Памяти Мукагали

Придёт весна,
 Степь, зеленея, оживёт...
 Воспрянут небеса...
 Улыбчивее станет наш народ.

Цветы покроют долгие холмы,
 Глаза завороживши красотою,
 Придёт весна, вздохнём свободно мы,
 Горды своею независимой землёю.

И журавли, планируя крылами,
 Парят над сочными родимыми полями,
 И лебеди, рассыпав белый пух,
 Переведут от путешествий дух.

Я горы взглядом обниму горбатые,
 Гусей и уток на озёрах гам,
 Взлетают крылья, как ножи крылатые,
 Врезают воздух тут и там, и там...

Придёт весна...
 Бел нежный птичий пух.
 Природа празднует весну, любовь.
 Вот древо чёрное...
 Возможно — дуб...
 Сад спины исправляет у стволов.

Поэт любил сиреневое утро,
 Которое встаёт над Алатау.
 Заплачет Нургиса, учитель мудрый,
 По брату младшему, запев жоктау*.

Расправит спины вдохновенный сад,
 В лучах макушка ели стала синей...
 ...Земля и небо вдруг заголосят,
 Ища среди живых поэта-сына.
 Задвигается всё, как райский сад,
 Заплачет небо,

---

*Жоктау – поминальная песня.

Люди...
Их глаза...
Придёт весна, она вернёт назад
Святые корни, чтоб цвела лоза...

Тоска природы, расслабляя нас
Любви великой сильными словами,
Растает в яблоне,
В полыни... в час,
Когда мы вспомним о поэте сами...

Вот вишня...
Вот урюк...
Или... Ишим...
Иртыш с Жайыком, волны рассыпая...
Вот Алатау...
Алтай...
Готовы к встрече с ним,
От зимней спячки бодро просыпаясь.

Заговорят зелёные равнины,
И недра гор взволнуются, скорбя...
Вчера...
Сегодня...
Завтра...
В дни иные
Степь затоскует, потеряв тебя...

Поэта голос до степи дойдёт
Вместе с весной, утешит наш народ,
Когда волна ударит грозно в русло,
Когда дожди польются без надежды,
Когда вернутся на озёра гуси,
Когда печаль настигнет нас, как прежде,
Когда живущие на свете грешные
Завоют от постигших дум... Тогда
Вернёшься ты, землёю вешнюю,
И всякий раз весной
Ты будешь возвращаться к нам, сюда.

Перевод Сергея МНАЦАКАНЯНА.

Раиса РЯБЦОВСКАЯ

Удивляешься, открывая...

Отрывок из романа

От автора.

Я довольно долго размышляла над тем, писать ли мне это вступление или не писать. И, если бы у меня уже не было издано несколько серьёзных книг, я бы, скорее всего, на это не решилась.

Однако во второй части романа, которую я назвала «Гегемон», было два энергичных, поэтому запомнившихся мне эпизода. Надеюсь, их будет интересно почитать и любителям моего творчества, которые – слава Богу! – уже появились.

Эпизод № 1.

Когда я написала эту вещь (речь идёт, напоминая, о второй части данного романа), решила отправить печатный экземпляр рукописи одному из ведущих прозаиков в Казахстане. Довольно скоро я получила от него ответное письмо, в котором была ключевая фраза: «Мопассану до вас далеко!». Несколько минут я весело смеялась, толком, однако, не «догоняя», похвала это или порицание?

Вскоре в наш город прибыл с деловой поездкой и сам этот классик-прозаик. К тому моменту я была уже в разводе, и мне ничто не помешало пригласить его к себе домой. В гости к нам напросился, узнав о его приезде, ещё один страждущий литератор – историк из школы. Он писал какой-то исторический роман.

Я быстро приготовила всё для приёма, накрыла стол, и мы втроём сели трапезничать и одновременно общаться. Автор-историк оказался настолько говорливым, что фактически никому из нас не давал ни малейшей возможности устно изложить какое-либо своё кредо. Истинно чьё-то изречение: «Когда человеку нечего сказать, он говорит слишком много». Историк всё вещал и вещал о своих грандиозных замыслах, самозабвенно заглядывая при этом высокому гостю не в глаза, а прямо в рот, как будто рот гостя мог его как-то и чем-то конкретно обнадёжить. Лишь изредка он перемежал свою непрекращающуюся речь одним и тем же вопросом: «А как вы думаете?». И не удосужившись услышать чьё-либо мнение и не дожидаясь от гостя вразумительного ответа, потому что у того совершенно не было ни времени, ни возможности обдумать поток туманной информации, продолжал молотить свои тезисы...

Вскоре в своей собственной квартире я сильно заскучала. Гость, судя по индифферентному выражению лица, испытывал аналогичные эмоции. Лишь одна доминирующая мысль способна была родиться в моей, обычно такой активной, голове:

Раиса РЯБЦОВСКАЯ

родилась на Алтае. Школу и университет закончила в Киргизии. Уже более тридцати лет живёт и работает в г. Актау (бывший г. Шевченко). По специальности переводчик с французского языка. Продолжительное время работала с иностранцами. Увлекается живописью. Автор 30 написанных книг, в том числе романов «А жаль», «Встреча в сентябре», «Французские нюансы», «Потрясающе!», фантастического романа «Земной рай», поэтических сборников «Рубай», «Ах, любовь».

Давний автор «Нивы».

«Как всё-таки противно, когда один мужик с откровенным подобострастием заглядывает в рот другому мужику». Сама я в рот гостю не заглядывала. Без надобности! Если даже Мопассану до меня далеко! Хотя я замечала, что классик с большим интересом приглядывается ко мне во время редких пауз навязчивого оратора. На вид ему было лет около шестидесяти. Мне – сорок.

И совершенно напрасно пожилые мужчины думают, что молодые женщины способны искренне заинтересоваться джентльменами при такой разнице в возрасте. Разве только глупышки бросаются на их имя или на их кошелёк. Но это опять-таки интерес в чём-то вне его самого. Старость чаще всего бывает обычной, изредка так называемой благородной, если мужчина умён, образован или талантлив, строен, глубок и ненавязчив.

Но в любом случае старость никоим образом не может быть физиологически привлекательной, если кожа мужчины больше не источает озон страсти...

Увы, но жизнь так устроена, что каждому овощу – свой сезон. Кто мудр от природы, тот мирится с этим. Кто глуп, тот и в своих неумных стремлениях выглядеть фанфароном всё так же неизменно глуп. И более того, смешон.

Хотя так уж ведётся в жизни, что мужчина, как правило, обращает внимание на женщину как минимум на десяток лет моложе себя. Получается, что я ему для объекта интереса подходила по всем статьям, потому для данной интриги у меня было двойное преимущество. А он мне – ну никак! Ни по каким показателям. Потому что я, к его печали, никогда не любила старых мужчин, особенно в молодости, хотя у них на сей, и в том числе свой счёт, совсем другое мнение: они до самого песка мнят себя привлекательными «вьюношами». Это всем известно.

Я просто сидела и терпеливо ждала, когда же, наконец, схлынет поток исторических выкладок второго автора. Но это была тщетная надежда. Теперь мы уже совершенно определённо и открыто заскучали на пару с классиком. Когда моё, то есть хозяйкино, терпение полностью иссякло, я после чая предложила им прогуляться по вечернему городу, ибо другого средства как-то минимизировать блудословие и само присутствие не на шутку распалившегося историка я не видела.

Мы вышли на улицу. На небе светила огромная, особо приветливая, мангышлакская луна. И только тут историку, к нашей несказанной с классиком радости, стало несколько некомфортно в нашем обществе, и он довольно быстро откланялся, забрав перед этим и положив себе в карман весь наш литературный вечер.

А мы с классиком так и не успели разговориться и обменяться мнениями ни по одному из интересующих нас вопросов, не говоря уже о животрепещущих темах. Но луна есть луна. Она на всём земном шаре, вне зависимости от привязки к местности, одинаково побуждает, хоть зачастую и к неоправданной, но влюблённости.

И вот классик, видимо, решил, если женщина способна в прозе писать такие вольные вещи, стало быть, она доступна сама. Он без всяких нежных и долгих преамбул, которые в данном конкретном случае показались ему полным излишеством, сразу же уложил свою давно перезревшую длань на мою талию. Судя по этому несказанно красноречивому жесту, он предполагал сделать энергичную рокировку обратно в квартиру. Не медля ни секунды, я сняла его руку с этого интимного в женском теле места и выразительно посмотрела на него. Этот взгляд яснее-ясного говорил ему: «Красивому и молодому, скорее всего, подобная вольность была бы позволена безоговорочно, но вам – увы!».

После его стариковски-авантюрной выходки и в подтверждение своего несогласия не то что на интим, а даже на дальнейшее общение, я решительно озвучила ему прощальный ориентир: «Идите вот так прямо, прямо и прямо, никуда не сворачивая, и там будет гостиница «Актау», где вы и остановились».

Больше я его не видела.

Эпизод № 2.

Однако, окрылённая вдохновляющим отзывом классика, я решила дать рукопись ещё одному творческому человеку – местной журналистке. Она вернула мне рукопись с сильно поджатыми губами и никак толком не прокомментировала свой отзыв. Я сочла, что она слишком загруженный работой человек, чтобы дополнительно тратить время на тогда ещё неизвестного автора.

Вернулась домой, начала просматривать текст и просто оторопела от её карандашных заметок на полях. Буквально через две-три страницы от начала вся рукопись была криво изрисована одними и теми же словами: «Фу, дрянь!», «Фу, гадость!», «Фу, пошлость!».

Я испытала такой шок, что буквально с ужаснувшим меня «самоё» остервенением забросила папку с понравившимся классику произведением на дальнюю полку и не прикасалась к ней несколько лет.

Не стану уже говорить о её журналистской этике, когда человек, если ему не понравилась вещь, просто возвращает её с дежурными словами, что над ней надо поработать. Или вообще без слов.

В связи с этим в моём сознании всплыл один эпизод из реальной жизни. Работала у нас в отделе одна очень миловидная женщина, её можно было бы без всякой натяжки назвать красивой, настолько она была хороша собой. Идеальная фигура, большие голубые глаза и вся сама женственная до невозможности. От макушки до пяток.

И как-то в один из праздников за накрытым в отделе столом она разоткровенничалась, что у неё была большая и единственная в жизни любовь, хотя она уже была замужем. Мы все с необычайным вниманием слушали её историю, хотя обычно она слыла довольно скрытным человеком. Наверное, потому, что до нас доходили слухи, что её муж – настоящий деспот и даже изверг. Чему вскоре мы получили подтверждение.

Валентина, так звали эту женщину, купила как-то себе новый костюм, а он оказался ей слегка узковат в бёдрах, и она предложила ещё одной нашей сотруднице пойти к ней домой и примерить его. Та согласилась. Затем эта предположительная клиентка на костюм буквально в ужасе рассказывала: «Ну и гад же у неё мужик! Представляете, девчонки, мы слегка завозились с примеркой, и она забыла поставить в холодильник квас. И он, увидев, что она занята со мной, так орал на неё прямо при мне. Мне даже показалось, что он ударит её прямо в моём присутствии. Какой там костюм, я буквально пулей в шесть секунд вылетела из их квартиры безо всякого костюма. Ещё и на улице долго не могла прийти в себя. Представляете, устроил такой хай только из-за кваса?!».

Так вот, влюблён был в Валюшку один симпатичный, по её словам, мужчина. Она и в самом деле была достойна самой высокой любви. Он привозил и вставлял в ручку двери её квартиры розы, за что муж стабильно буцкал её, и она приходила на работу с тщательно замазанными тональным кремом синяками. А влюблённый мужчина умолял её поехать с ним просто покататься по городу, клятвенно обещая ей, что и пальцем её не тронет, будет только смотреть на неё и любоваться. Она неизменно отказывалась. Однажды он, узнав, куда она взяла путёвку на время отпуска, последовал за ней. Они гуляли по аллеям, но она даже не позволила ему подержать себя за руку. Валентина с порозовевшими щеками и

горящими от романтических грёз-воспоминаний глазами вещала нам, как он то и дело восклицал: «Ты – святая! Святая!».

Однако женские установки, подтверждённые сермяжной правдой жизни, гласят, что хранить верность достойному во всех отношениях мужу – это естественно и похвально, а хранить верность такому идиоту, каким являлся её муж, не есть ли это ещё больший идиотизм?!

Всё кончилось тем, что её муж нашёл более молодую, более строптивую и непокорную, чем его бывшая жена, женщину и развёлся с Валентиной. А влюблённый мужчина тоже нашёл менее святую. Шло время, Валентине никто больше не вставлял цветов в ручку входной двери и не приглашал её покататься. А сама она, навсегда потеряв возможность испытать хоть маленькую толику настоящего женского счастья в объятиях именно любящего и любимого мужчины, превратилась в самую зловную и бескомпромиссную ханжу в отделе.

Она напропалую, по поводу и без повода, злословила о любой женщине, поведение которой не укладывалось в рамки её «святости», о которой уже никто и никогда не вспоминал, кроме неё самой. Она злобно осуждала любой, с её точки зрения, неблагоприятный поступок других, буквально исходя жёлчью по поводу и без оно, дошло даже до того, что она стала казаться всем нам менее симпатичной. Почему у меня в памяти всплыла эта ассоциация? А не была ли злобная журналистка точно такой же матёрой ханжой? И чего было «лепить» в рукописи свои гадостные эмоции? Чтобы унижить меня? Или возвыситься самой?

Но когда у меня уже было издано, повторяю, несколько серьёзных романов, в том числе моя, полагаю, главная книга – фантастический роман «Земной рай», и пришло время проявить себя в разных ипостасях, чтобы порадовать какой-то новой гранью творчества своих дорогих читателей, я решила написать иронический роман «Удивляешься, открывая».

Тогда я достала ту папку с рукописью, и поскольку полученный тогда шок был по-прежнему силён, начала читать рукопись точно под тем же самым впечатлением, то есть глазами той самой злой журналистки. И что мне самой было любопытно, почти с теми же самыми эмоциями: «Фу, дрянь», «Фу, гадость...». Но что удивительно, быстро дочитала её до конца. И каково же было моё изумление, что и она в прошлый раз дочитала всё до конца. Здесь напрашивается элементарная логика: не было бы ей интересно, не читала бы!

Я решила кое-что «подшаманить». А в остальном всё оставила в прежнем виде. Почему? Потому что, к сожалению, далеко не всегда люди окружающего нас социума, да и сама жизнь взаимодействуют с тобой в соответствии с твоими собственными представлениями о том, каковы должны быть эти самые взаимные контакты. Будь ты хоть какой перфекционист, то есть совершенный по натуре и стремящийся к совершенству человек, увы, далеко не все таковы, как ты сам, не говоря уже о взаимодействиях отдельных, в том числе и неожиданно появляющихся на твоей жизненной траектории людей.

И вольно или невольно тебе приходится мириться с тем, что предлагает тебе сама жизнь, это ведь часто происходит вне сферы твоего влияния. Равно как нас всех в течение дня буквально «бомбардируют» тысячи чужих мыслей независимо от того, знаем ли мы об этом или нет. И от этих мыслей ты чаще всего неспособен защититься ни физически, ни духовно, ни ментально. Так и отношения. Ни для кого не секрет, что человеческие отношения, иногда вне твоего желания или воли, принимают весьма различные, а то и извращённо-экзотические формы, в том числе уродливые, жалкие или даже откровенно скотские. И особенно мучительны, а потому и достойны всяческого сожаления те отношения, когда один из партнёров явно достоин и заслуживает большего.

В подтверждение подобной невозможности можно привести ещё один пример. Может быть, он слегка и не в тему, но зато понятен, потому как физиологичен.

Так бывает с людьми старше пятидесяти и даже сорока. Смотрит на себя человек в зеркало в ванной комнате (будь то мужчина или женщина). Смотрит на лицо, шею, плечи – вроде бы всё терпимо во внешности: и овал лица пока что сохранился, и шея ещё стройная, и плечи в порядке. Смотрит на ноги, тоже вроде бы всё приемлемо. И тут же в глубокой печали опускает он свой взор на свою, назовём её любовно, «среднюю часть», которую уже никуда не денешь: потому как ей на тебе – понравилось! И она, словно зная свой собственный секрет самосохранения и самовывживания, благополучно существует на тебе. И получается, что не она при тебе, а как бы ты – при ней. И ей не страшны ни внешние катаклизмы, ни твои собственные жизненные перипетии и передрыги, ни тем более твои собственные потуги и ухищрения «во что бы то ни стало» избавиться от неё. На улице мировой кризис, а ей – хоть бы хрен по деревне, как говаривал один пожилой сосед. «Средняя часть» не только не мельчает, а даже умудряется крепчать и набирать силу. Более того, у многих она лихо, прямо тараном выдвигается вперёд. Понаблюдайте сами за человеком с сильно – выдающимся! – «авторитетом». Весь комизм впечатления заключается в том, что сам человек как бы приклеился или прилепился к своему животу... Но даже в этом вопросе, где всё, казалось бы, зависит только от человека, далеко не всё гладко и совершенно.

Однако есть одно такое железное понятие, как соответствие. Этот закон работает неизменно на любом уровне и в любом аспекте жизненной реальности. Всем нам – ленивым опять-таки, к примеру, по нраву такая последовательность: сначала любовь, стимул и только потом физические упражнения, а закон соответствия диктует совсем иную стратегию: сначала физические упражнения – много! – только затем любовь. И если у тебя большие и даже амбициозные требования к жизни и к партнёрам, стань достойным сам или, в свою очередь, смиришься настолько, чтобы всё, что тебе предлагается или достаётся от жизни, воспринять и принять в том виде, как оно есть.

Итак, в своём ироническом в этот раз произведении предлагаю вам, мои уважаемые и дорогие читатели, несколько эпизодов, которые произошли с героиней в описываемых событиях. Они расположены как чёрточки в гексаграмме из «Книги перемен»: несколько коротких и одна длинная – «Гегемон».

ЧАСТЬ I

Цветок в картошке

Глава I

Эта короткая, но достаточно эмоциональная история произошла в пору повального пищевого и вещевого дефицита. Не успела Виктория, ведущий инженер техотдела крупного промышленного предприятия, вернуться из отпуска, как её «вставили» в список для работы на овощной базе ОРСа.

Как известно, на овощных базах, а также на полях всей нашей бывшей необъятной родины шла заготовка плодов и овощей на зиму, где вынуждены были трудиться все граждане работоспособного возраста. И простые смертные, и даже, частично, непростые.

Потому что один из начальников какого-нибудь отдела или не особо важного подразделения обязательно становился, а если точнее, то назначался руководством – ответственным. И контролировал прибытие и убытие батраков на базе во время так называемых сельхозработ.

Не являлся исключением «для сельхозки» и технический отдел крупного в городе предприятия, где ведущим инженером отдела работала Виктория. Хотя каждый старался по той или иной причине энергично «отнекаться», но график – это, как всем известно, суровая штука. Поэтому было принято решение отработать, чтобы не пустовал отдел, каждому – по неделе.

В назначенный день Вика – привлекательная, светловолосая, кареглазая, приятная во всех отношениях стройная женщина тридцати пяти лет надела свои родные джинсы, которые от частого использования уже несколько подутратили свою первозданную свежесть и прелесть, зато запомнили (как поёт Земфира), все складочки и трещинки её тела. Надела свежую трикотажную блузку и отправилась на базу отрабатывать «галочку», поставленную напротив её фамилии в списке принуждённых добровольцев.

Она вяло стояла в рядах первых энтузиастов, ожидая, пока к проходной подтянется достаточно много публики, и их, наконец, впустят в вождеденное лоно дефицитов – знаменитую городскую базу ОРСа. Начальствующий быстро провёл переключку, как это делается по утрам в «местах не столь отдалённых», и все двинулись по заданным траекториям.

В этот день Виктория, к её большому сожалению, не увидела никого из близко знакомых, к кому можно было бы припарковаться. И она равнодушно поплелась в одиночку искать место приложения своих трудовых рук.

База была огромная и многофункциональная. Каждый день на её платформы загонялись новые вагоны, из которых нещадно тёк различного рода сок, в том числе и арбузный, который «как варенье сладкий». Чуть поодаль стояли другие вагоны, из которых тёк капустный сок, уже не такой ароматный, ещё дальше – помидорный, виноградный или – дынный... Разные полезные соки, с той только разницей, что ни под одну из этих струй как-то не хотелось подставить стаканчик...

По крайне суровым базовым законам ничего ни выносить, ни вывозить с базы не разрешалось, поскольку приходилось в обязательном порядке миновать проходную и утром и вечером. Зато есть можно было, как говорится, «от пуза» всё, что попадалось из сыросъедобного в виде овощей и фруктов, поэтому вся эта разношёрстная братия энтузиастов-недобровольцев жадно устремлялась (и это так естественно!) к тем платформам, где стояли вагоны с полосатыми красавцами-арбузами.

Утомлённые дефицитом, изголодавшиеся граждане, если им отваливалась везуха «захватить» вагон с вождеденными арбузами и дорваться до дармовщины, поголовно и независимо от социального статуса с наслаждением проделывали одну и ту же операцию. Поскольку в радиусе примерно 1,5 км не было никакой воды, они беззлобно расколачивали о коленку один арбуз, «освежали» его сочной, ароматной мякотью руки, колотили второй – поналивистой, попривлекательней, а потому и посолидней, но уже не о коленку, а об пол или о стенку вагона и вволюшку насыщались этим бесценным даром природы – арбузным нектаром, не думая о последствиях «отлива».

Поскольку Вика в этот день была без группы поддержки, о захвате вагона с арбузами нечего было и думать. К тому же в нём уже орудовал «полный комплект». И она, без сколько-нибудь явно внешне проявляемого

энтузиазма, поплелась дальше искать себе другое пристанище. Но начальник перехватил её по дороге к ещё одному тёплому местечку – складу с яблоками и грушами и “переориентировал” на склад с капустой. Вика подошла к работающим женщинам и ужаснулась: бедные горожанки-прихожанки поголовно с невообразимо грязной “передней частью” туловища рылись в контейнерах с гнилой капустой, вылавливая оттуда то, что ещё можно было держать в руках, как-то очищать от полностью сгнившего верха, как-то общипывать и закидывать уже менее осклизлые кочаны в другой контейнер.

Вика с безразличием подумала: «Вот уж точно, в этой капусте – море достопочтимых нитратов. Ибо где это видано, чтобы свежесрезанная капуста так быстро покрывалась неопознанной слизью?». Она вспомнила, как в детстве собирали и заготовливали её родители капусту на зиму. Вилки к вилкам, вся – белая, сочная, сладкая. И можно было есть кочерыжки, которые чистили и давали детям родители. А это что?! Но делать нечего, она присоединилась к женщинам и начала отлавливать в общей массе липкие скользкие кочаны, точнее то, что ещё осталось от них.

Вика не была, по сути дела, белоручкой, и матушка приучила её к труду с самого детства, но от этого действия, этого зрелища, этого форменного безобразия её вольно или невольно слегка подташнивало. Тут уж выказывай своё рвение или нет, а работать надо. Чем ты лучше других?! И она начала методично “нырять” в отвратительное месиво с полусгнившей капустой.

К её счастью, к ним вскоре подошёл какой-то мужчина, по внешнему виду “складской приказчик” и сказал:

– У кого рукава в одежде длинные, идёмте за мной на склад с картошкой, там совсем мало людей.

Длинные рукава на трикотажной блузке оказались у Вики и ещё у одной светловолосой женщины с располагающим лицом. Они истерично ускоренно принялись их откапывать в доказательство своей непричастности к предательству по отношению к другим женщинам, вынужденным оставаться здесь. И чуть ли не вприпрыжку и чуть ли не с гиканьем, хоть скакунов под ними не было, устремились за ним по длинному коридору, из которого, однако, всё основательней “веяло прохладой”. Есть же такое еврейское выражение: “Так хитрил, что сам себя перехитрил”. Именно это случилось и с нашими искательницами новых складских впечатлений. Их радость была весьма недолгой: ибо на этом складе, как и во всей овощной природе, “хрен редьки не слаще”.

Здесь тоже лежали горы полусгнившей картошки, и её тоже, по той же самой методе надо было перебирать, складывать в коробки, а затем высыпать в контейнеры, только к этой экзотике добавлялся ещё и собачий колотун.

Вика улыбнулась новой знакомой:

– Выгадали, называется! Там хоть на солнышке стояли, а здесь как в преисподней холодом несёт.

Соседка, которую звали Нина, ответила:

– Да ещё и фан далеко не радостный стоит.

Но делать нечего, принялись за работу. Виктория сказала, чтобы хоть как-то поддержать разговор:

– В прежние годы нас, бывало, целыми отделами сюда засылали, веселее было, можно было хоть похохмить, это был совсем другой колленкор.

Соседка продолжила с сожалением:

– Да, самое престижное здесь местечко – это вагоны с арбузами. Бывало, трахнешь его об пол, помоешь в нём руки, а затем вкушаешь уже тот, на который у тебя душа глянет.

Вика улыбнулась:

– Зато у кучи гнилой картошки на эти глупости, называемые созерцанием, душа не отвлекается. Я смотрю, вы точно такие же проводили манипуляции, как и мы, – и с улыбкой продолжила, – да-а, не далеко же мы пошли в своём интеллектуальном развитии, только называем сами себя – гомо сапиенсами. Я видела по телевизору, как обезьяна добывала себе пропитание, кладёт орех на один камень, а другим долбит по нему, пока не расколет. А мы то же самое проделывали с арбузом.

Через некоторое время Вика почувствовала, что тонкая трикотажная рубашка, которая якобы счастливо спасла её от слизи на капусте, совершенно не спасает от этого ледящего воздуха, который неизвестно чем и как нагнетался по всему складу. Нина словно прочитала её мысли:

– Слушай, здесь такой ужасающий дубильник. Эдак мы здесь через часик-другой полностью задрогнем.

Вика подхватила:

– Или инеем покроемся так, что нас можно будет, как те овощи, оставить здесь на длительное хранение. Да, перепад температур для физического тела, коим мы являемся, значительный. Но я скорее предпочту превратиться здесь в сосульку, чем ковыряться в слизи. Бр-р-р!

К тому же им опять повезло: подошёл бригадир и сказал, что надо набрать два контейнера лука для отправки в магазин.

Женщины не менее охотно, чем в первый раз, припустились вслед за спасителем. В отделение склада с луком всё же поступало с улицы какое-никакое тепло. Да и лук не успел ещё сгнить. Недаром же существует мудрая фраза: “Всё познаётся в сравнении”. Этот жизненный опыт им как раз и пригодился здесь: они не сказать что с удовольствием, но уже без отвращения брали золотистые упругие луковицы и бросали их в металлический контейнер на колёсиках. Вика присела на перевернутый деревянный ящик и продолжала делать то, что было велено. Так как обозревать в этом складе нечего – всё серое, мрачное, и лишь бесконечные ящики и контейнеры с подгнившими овощами.

И вдруг её словно лёгким током дёрнуло: она так и осталась с золотистой головкой лука в руке. В дверь вошёл высокий, статный красавец с яркими чёрными глазами и густой шевелюрой. Лицо чистое, свежевыбритое. Ей даже показалось, что её картофельно-луковые «глюки» посетили, и вовсе не от марева, как это бывает в пустыне.

Особенно бросались в глаза его тёмные страстные очи. Такую глубину и выразительность тёмному взгляду обычно придают папы кавказской или еврейской национальности, хотя мамы и русские. И если учесть, что всеми складами и престижными доходными местами управляли в то голодное время именно кавказцы, не исключено, что и это диво дивное было, как минимум – полукровкой, счастливо вобравшей в себя бесподобную красоту обоих родителей. Незнакомец был одет в “отпадную фирму”. На нём был светло-голубой, супермодный по тем временам джинсовый ансамбль: джинсы и котоновая рубашка. Джинсы характерно подчёркивали длинные стройные ноги. Сверху рубашки был надет чёрный кожаный, тоже суперный, жилет. Обут незнакомец был в фирменные, не менее дорогие кроссовки «Адидас».

Наша героиня жила не на опушке леса в мазанке и мгновенно оценила, что весь его прикид стоит уйму денег, а он сам, этот витринный образец, да ещё в своём супермодном антураже, вполне достоин самого романтического дамского внимания. Если даже не самого пылкого дамского сердца, которое уже сидело здесь же, на деревянном перевёрнутом ящике и не сводило с него восторженного взгляда, вместо того чтобы брать луковицы в одном месте и кидать их в другое.

И в самом деле, такой разительный и просто “бьющий по глазам” контраст между вопиющей убогостью обстановки и внешним видом вошедшего красавчика кого угодно мог бы вывести из равнодушного, а тем более угнетённого состояния.

Было такое ощущение, что где-то на складе, как минимум, снимается какой-нибудь криминальный боевик, и этот актёр просто заблудился.

Он прошёл мимо них молодой упругой походкой на платформе новых кроссовок и скрылся за рядами дальних контейнеров.

Вика, как только смогла перевести дух, сказала Нине:

– Вот это да! Вот это экземпляр! Интересно, откуда он здесь взялся?!

Нина, не менее мечтательно, как эхо, повторила:

– Да! И в самом соку! На вид ему лет тридцать.

– Или тридцать три, короче, в возрасте Христа. Не мне судить, хороши ли женщины в бальзаковском возрасте, но мужчина в возрасте Христа – дивно как хорош! В полной силе и красоте своей мужской сути, но уже кое-что и в голове есть, уже с ним интересно поговорить между ласками. Но откуда он здесь, среди гнилой картошки, взялся, как ты думаешь?

Нина ответила:

– Никаких идей на этот счёт! Представления не имею, даже никаких догадок нет по этому поводу. Не может же он с такой внешностью работать здесь. Как он мог оказаться в этом мрачном подземелье, ума не приложу! Этот склад с его затхлостью и неприветливостью явно не для него. И потом ты посмотри: вокруг многие молодые мужчины, им всего лишь чуть за тридцать пять, а они уже с полными и покатыми, как у евнухов, плечами, подушечным задом и животом, глыбой нависающим над ремнём. А владелец такой крайне «выразительной визитной карточки, сразу бьющей по шарам», ещё и бравировать умудряется неизвестно чем. У кого есть кошелёк, тот привлекает особой противоположного пола при помощи этой безотказной подмоги при своём физическом несовершенстве, а для остальных полных мужчин, считай – полный финиш.

Вика согласилась:

– Потому что в мужской фигуре испокон веков ценились узкие бёдра и крепкие ягодицы, ибо только при этих условиях женщина, на уровне подсознания, чувствует его мужскую дееспособность. Когда мужские ягодицы аки наливные яблочки, от них даже взгляд не хочется отводить, – сказала она мечтательно. – Равно как в фигуре женщины во все времена ценилась разница между объёмом бёдер и талии, именно она всегда привлекает мужской взгляд. – И энергично добавила: – Но этот мэн – само совершенство.

Виктория, ничего не видя и не слыша, продолжала сидеть с открытым от удивления ртом, благо она это сделала не при нём, а когда он уже слегка миновал её, но за считанные минуты своего “явления народу” он, конечно же, успел ей понравиться. В подобных случаях иных эмоций не бывает.

Она радостно подумала: “Хорошо хоть какое-то впечатление появилось”. Хотя незнакомец не обратил на неё вообще никакого внимания: мало кто сидит

здесь, на ящике, в трикотажной рубашке и линялых джинсах и грязными перчатками орудует в куче лука...

А она, раз за разом вспоминая его внешний вид, неотступно думала: “Прямо чудеса какие-то творятся в этом склепе...”.

Через некоторое время незнакомец снова вошёл с каким-то мужчиной, и они скрылись в том же направлении, что и раньше, а когда возвращались, Вика отметила, что он всё же скользнул по ней взглядом, и удовлетворённо подумала: “Значит, флюиды моей интенсивной симпатии начали действовать...”.

Но свою речевую, так сказать, заинтересованность, она решила пока придержать, пока он ещё как минимум пару раз не продефилировал перед ней...

А когда он появился в энный раз, она, так как уже была частично ориентирована на его появление, словно на солнышко, решила, что пора действовать, ибо сам господин Шанс снова шагнул ей навстречу.

Виктория демонстративно развернулась к нему на своём деревянном пьедестале (хотя традиционные пьедесталы подобных особенностей не имеют) и задела его сладким голосом:

– Уважаемый, позволительно ли мне будет обратиться к вам с вопросом?

Он вскинул на неё свои прекрасные томные глаза, остановился и молча ждал.

Она продолжила:

– Поскольку я имею честь лицезреть вас здесь уже не в первый раз, смею предположить, что вы имеете, о прекрасный незнакомец, какое-то отношение к здешним местам?

Грубая лесть возымела своё действие, ибо сказано, что “для лести наше ухо открыто, словно широко раскрытая дверь, а для правды – словно игольное ушко”. Он стоял и ждал, уставившись на неё уже достаточно дружелюбно, затем через некоторое время всё же молвил:

– Ну, допустим.

Она, добавив в голос значительную толику елтя, продолжила мысль:

– А если мне дозволено это допустить, то сам собой напрашивается ещё один вопрос. Имеют ли местные сотрудники сострадание к ближнему своему?

Он явно не понял вопроса, и ей пришлось повторить:

– Я смотрю, вы так равнодушно ходите мимо в кожаном жилете на мужественных плечах, а простые граждане уже задубели в вашем морозильнике. А что касается меня, так я вообще зверски мёрзну, – и она подчеркнула бархатным голосом, – моя нежная женская сущность ещё не успела адаптироваться к таким перепадам температур. Может быть, вы проявите ко мне сострадание и принесёте мне какую-нибудь курточку на время работы? Не то я уже начинаю покрываться инеем, но не уверена, что иней мне – к лицу.

Он только улыбнулся и ушёл. Она так и не поняла: либо ей оставили надежду, либо надо продолжать мёрзнуть. Вика уже было смирилась со своей участью постепенно формирующейся сосульки, как он показался снова. Незнакомец принёс ей чей-то пушистый шарф и сам накинул его Виктории на плечи.

Она посмотрела на него с невыразимо-выразительной признательностью и сказала:

– Благодарность моя за вашу доброту буквально не имеет никаких границ.

А сама подумала: “Неплохо было бы, чтобы этот “оренбургский пуховый платок”, накинутый таким заботливым и изящным жестом, стал поводом к более близкому знакомству”.

Нина подтвердила её мысль:

– Поздравляю. Ты делаешь явные успехи. “Лёд тронулся, господа присяжные заседатели”, – как сказал бы легендарный Бендер.

– Да уж, – неопределённо ответила она, – как сказал бы не менее легендарный Воробьянинов.

Но с этих самых пор собственноручно накинутый обожаемым объектом шарф как бы уже давал ей некоторое основание считать себя чуть ни его родственной душой, и Вика выразительно улыбалась ему, когда он снова появлялся на складе.

Работа теперь тяготила её гораздо меньше, поскольку ей было уже абсолютно всё равно, какой осклизлый овощ брать в руки и куда его метать, ибо все её мысли уже были заняты только прекрасным незнакомцем. И к тому же на полную мощь включилось её неуёмное романтическое воображение: “Ах, как хорош собой! Ах, как же дивно хорош...”. Да и у разума появилась не менее интенсивная работа: “Кто такой и откуда здесь взялся?..”.

В очередной раз, когда он входил на склад и уже обращал на неё свой благосклонный тёмный и томный, и в целом влекущий взгляд, Вика не выдержала, и когда он приблизился, с лукавой искоркой в глазах спросила:

– Могу ли я, месье, задать вам ещё один вопрос?

Незнакомец приостановился и, обратив на неё свой действительно завораживающий взор, от которого женская душа обычно воспаряет до небес, выжидательно молчал.

Виктория, добавляя трепетной энергии в свой взгляд и в слова, продолжала:

– Знаете, я вот уже битых два часа, как только у меня появилась счастливая возможность лицезреть вас здесь, поскольку вы время от времени заходите сюда и проходите мимо моего бесконечно заинтригованного взора, задаю себе один и тот же мучительный вопрос: “Как, каким образом, как вообще такое могло случиться в реальной жизни, чтобы среди этих гор прелой картошки мог расцвести такой дивный, прекрасный, невиданной красоты цветок?! Пощадите бедную страдальицу и ответьте мне на него, иначе мне придётся ломать голову над этим вопросом до самого конца работы.

Незнакомец несколько смутился, но по его польщённому выражению лица было видно, что вопрос лёг ему прямо на сердце, потому что последовала адекватная, хоть и сильно неожиданная для неё, реакция. Он подошёл к ней и без всякого видимого перехода и необходимого для этого случая складского политекса спросил:

– Ты картошку умеешь жарить?

Она, даже не успев до конца “просечь” ситуацию, но вполне полагаясь на свою природную реакцию и сообразительность, которую она любовно называла – автопилот, проворковала нежным голосом:

– Как можно не уметь-с?! В лучшем виде-с! Несколькими способами, как прикажете-с? Любую, любой конфигурации: кубиками, соломкой, пластиками, в виде пюре, котлет и запеканки... – начала она по такому случаю катастрофически преувеличивать свои возможности!

Он довольно ухмыльнулся, обнажив при этом два ряда белоснежных зубов, к которым вполне применимо название: “два ряда белоснежных кораллов” или какие ещё в мире существуют неподражаемые, но понятные для всех сравнения?! А! Вот! Два ряда жемчугов!

Пока незнакомец “переваривал” такую быструю победу, наша героиня энергично тараторила:

– Готова ублажать картофелем ваше бесценное величество с любой минутой! Жареной, варёной и даже в мундирах! Как угодно-с?!

Но он ответил просто, не обращая внимания на её выпендрёж:

– Да как пожарите. Вот вам ключ.

Она с космической готовностью уточнила:

– О'кей. Замётано! А где это должно свершиться?

– По правой стороне на двери написано “Завсклад”, пройдёте несколько дверей отсюда. Там всё, что нужно, найдёте.

Виктория подумала: «Так вот она где собака зарыта, наш герой, оказывается, завсклад, вот почему на нём такие фирменные шмотки».

Завсклад! В то время это звучало гордо для многих тщеславных душ. Информация отозвалась и отпечаталась в её душе, однако она не стала вникать в её суть, так как её манил (и исключительно!) только таинственный флёр его мужской красоты!

Всё, что очень красиво – лишь это всегда было и остаётся по её части. Её всегда привлекали загадка и соответствие внешней и внутренней гармонии в человеке, особенно в мужчине.

Но завсклад неожиданно сказал:

– Хотя нет, идём, я провожу тебя.

По дороге к пункту назначения он представился ей. Нашего героя звали Игорь. Называя своё имя, он внимательно посмотрел на неё одним из своих “kozyрных” взглядов, от которых женское сердце слабеет и без сопротивления отдаёт себя на попечение этих бархатно-любезных глаз. Викино сердце не было исключением, и она всеми работоспособными и действующими фибрами мигмом настроилась на исполнение его распоряжения. В этот раз действительно неожиданно приятного задания. К тому же она поняла, что на сегодня спасена от этого ненавистного заготовоохлаждильника.

Идя рядом с потрясающе красивым мужчиной, высоким брюнетом с ослепительно-красивыми глазами, она не шла, а скорее – легко ступала рядом. Не такое уж утомительное дело – приготовить обед, тем более – для такого потрясающего мачо!

Он открыл дверь и жестом пригласил её вовнутрь. Комната была довольно большая и, по всему было видно, предназначенная для служебного персонала. Помещение обустроено всем необходимым для такого места и такого случая. В центре стоял довольно длинный стол со стульями. У одной стены кушетка, застеленная тонким, уже достаточно полинялым велюровым ковриком и парой валиков для изголовья, поскольку завскладам в пору заготовительной кампании приходилось, судя по всему, и дневать и ночевать на работе, так как постоянно подгонялись новые вагоны с овощами и фруктами.

На окошке цветные занавески. А в углу ещё один стол, с кухонным инвентарём, плитка, сковорода и посуда. У стола сетки с картофелем, луком и овощами. Хорошо что в комнате имелась раковина с водой.

Игорь сказал:

– Ну вот, располагайтесь. Здесь есть всё, что нужно. На обед к нам придёт ещё и начальник базы.

Это “к нам” музыкой прозвучало в её романтическом сердце. И Виктория, засучив и без того по дороге засученные рукава, с невероятным энтузиазмом принялась за дело. Она помыла и почистила картофель и овощи, начала делать салаты, всё время, естественно, думая о внезапном даре небес, не уставая при этом удивляться: “Чудеса, да и только! Как можно с такой внешностью, внешностью актёра, и не просто актёра, а супергероя в чистом виде, быть всего лишь картофельным завскладом?! При его импозантной, накачанной фигуре, при его

изящных и упругих бёдрах и царственной осанке, как это вообще возможно?! Просто нонсенс какой-то! Когда ему прямая дорога в кинематограф, причём на роль героя-любownika», – щедро авансируя его, размышляла она.

Её конструктивно кощунственные мысли неожиданно прервал Игорь, как раз тогда, когда она “лепила” его образ, его личность и его первое прикосновение...

Он вошёл, поставил на стол бутылку коньяку, бутылку вина и сразу вышел. Она проводила опытным взглядом ценителя мужской красоты его молодую стройную фигуру, с которой так гармонировала вся его яркая внешность, и продолжила удивляться. Яркие бархатные глаза, обрамлённые густыми, подаренными, видимо, мамой ресницами, потому что – очень уж красивыми! Густые волосы, яркие алые губы, открывающие белоснежные зубы прямо в голливудской улыбке. Весь мужчина – ярчайший! От и до!

И действительно, оставалось только изумляться такому разительному несоответствию между внешностью и должностью. В её жизни подобный прецедент был впервые: такого она ещё не встречала, оттого и пребывала в столь тупиково-заинтригованношоковом, но в целом упоительном состоянии.

Когда он в очередной раз вошёл и спросил, не надо ли чего-нибудь ещё, она уже в который раз не удержалась и высказала своё полное недоумение:

— Месье, я всё продолжаю удивляться, теперь уже убедившись, что это и есть ваша вотчина, этой метаморфозе вашего здесь присутствия, и никак не могу найти в ней разгадку.

Он ответил односложно:

– Ну и чем?

– Я всё поражаюсь тому, как вы могли с вашей внешностью оказаться заведующим складом картошки? Ваш экзотически привлекательный облик до такой степени и ни по каким параметрам не вписывается в эту атмосферу холода, пыли, этих сырых и серых складских помещений и грязной картошки, – с искренним изумлением в голосе повторила она.

Но он, видимо, уже привык к такому вопросу, или это она попала к нему такая дотошная, поэтому он только самодовольно ухмыльнулся. Во всяком случае, Вике не удалось выудить из него членораздельного ответа. Может быть, потому, что его просто не было?! К тому же разговор прервала молодая женщина, которая ступила на порог комнаты. Игорь представил её:

– Это Люся, знакомая начальника базы, – и с улыбкой сказал, – трудитесь, девочки, а я на время снова покину вас.

Люся управлялась здесь как заправская хозяйка, и Вика охотно согласилась с ролью второго плана. “Главное, чтобы кавалер мой был на первом!” – подумала она.

Женщины быстро накрыли стол, сделали пару салатов, нарезали овощи, приготовили бутербродики. Картошку поставили на подставку, прямо на большой сковороде, потому что Люся сказала со знанием дела:

– Пусть прямо так стоит. Мужики любят, чтобы картошка плавала в масле.

Никто не возражал. Виктория легко сходилась с людьми до определённого предела. Особенно тогда, когда ей не было до них никакого дела, как в данном случае.

Вика спросила у Люси:

– Людок, скажи, а можно ли у них купить здесь хотя бы пару килограммов картошки? Может быть, в районе проходной продают? Сейчас картошка – такой дефицит, её ведь в магазинах нет. Я так понимаю, что её только начали завозить в город, а со складов в магазины ещё поступлений не было. Сейчас не знаешь, чем семью кормить, уже всем надоели вермишель да крупы.

Люся философски молвила:

– Ты лучше скажи, что сейчас – не дефицит?! – затем по-свойски добавила, – да ты с Игорем поговори, может, он что-то и придумает. – Она оценивающе посмотрела на Викторию и продолжила. – Раз уж он пригласил тебя на обед. А так – нет. На проходной, наоборот, все сумки проверяют. Даже мы сами, кто здесь работает, ничего взять не можем. Там такие церберы на проходной сидят.

Вика подумала, глядя на невыразительную, совершенно обычную внешность светловолосой и светлоглазой Люси: “Значит, тебя не очень-то балует начальник базы, если ты, будучи в фаворитках у самого босса, сидишь без картошки”.

А Люся наоборот, очень заинтересованно посмотрела на яркие карие глаза Виктории, нежную кожу, пышные русые волосы и, окинув её ладную стройную фигурку, в целом очень привлекательную для мужчин (на войне как на войне), поинтересовалась:

– А ты Игоря давно знаешь?

Виктория, понимая, что Люся ей не конкурентка и тем более не соперница, небрежно обронила:

– Да вот уж пару часов, наверное, будет, как познакомились.

Люся неопределённо хмыкнула в ответ и сказала:

– Ну ладно, я сейчас быстро в буфет за хлебом сгоняю, они вот-вот придут. Да, а ты знаешь, – добавила она многозначительно, – что директор базы придёт к нам на обед?

– Проинформирована, – ответила Вика равнодушно.

Когда Люся вышла, она подумала: «Вот дела! Нежданно-негаданно попала в общество местной элиты». Но больше всего её всё же занимала мысль об Игоре: всё же что-то «не срасталось» между его таким неотразимым и ярким внешним обликом и тем затхлым душком, который исходил от всей этой территории. Он незримо присутствовал везде, даже в их гостиной-столовой.

Вскоре пришли хозяева этой «суперфазенды». Начальник базы, тоже необычайно импозантный, холёный, хорошо одетый азербайджанец. С массивной, как и положено для его статуса, золотой цепью на груди, массивным золотым браслетом на запястье и с массивными золотыми печатками на безымянных пальцах обеих рук.

Компания уселась за стол. Вика постоянно чувствовала на себе взгляд умных, проницательных глаз хозяина элитного по тем временам подразделения-заведения, который яснее ясного, красноречивее всяких слов обычно говорит женщине, что его обладатель хорошо знаком с природой и сутью женщины. По подобному взгляду сразу можно определить, что мужчина много чего уже повидал в своей жизни и, в частности, на этой фазенде. Алику на вид было лет сорок.

Беседа за обедом, перемежаемая обильными мужскими тостами, проходила вполне непринуждённо. Оба мужчины были дивно хороши собой. Каждый по-своему, но оба – одинаково привлекательны для женского глаза.

Вика никогда не злоупотребляла спиртным. Но в этот раз, после настоятельной просьбы-рекомендации мужчин, слегка захмелев от пары рюмок коньяку, когда Алик с Люсей куда-то на минутку отлучились, с улыбкой сказала Игорю:

– Да, сегодня мне выпала неожиданная удача. Прямо во время трудового дня. И если вы окажетесь так же умны, – при этом она выразительно посмотрела на него, – как и красивы, то я могу считать, что день у меня не пропал даром.

Ответа не последовало, но Викторию это нисколько не смутило. Тем более что в эту минуту вернулись в комнату Алик с Люсей.

Поскольку Вика, на взгляд опытного Алика, была внешне «позаковыристей», читай – посодержательней его подружки, он снова начал окидывать её примеряющими к себе взглядами, переводя глаза с Вики на Игоря. Поскольку в подобных случаях, то есть при первом знакомстве, а тем более случайном, мужчины и женщины мало чем отличаются друг от друга. Поначалу женщина будет смотреть на того мужчину, который моложе и красивее, даже если – глупее. Если у женщины есть возможность пообщаться подольше с этими же людьми, то она, разумеется (и это – бесспорно!), выберет более достойного, потому что женщина от природы умна и логична, и пусть мужчины сколько угодно тешат себя иллюзией, что женский разум алогичен.

Что касается Виктории, она впервые находилась на неизведанной для себя территории, в такой непривычной для себя компании. Обычно у неё поклонники были на три-четыре порядка выше по качеству и по содержанию. Но делать нечего. Тем более на неё возложена определённая роль чуть ли не временной хозяйки застолья.

Веселье за столом усиливалось и раскрепощалось по мере выпитого спиртного, но Вика больше молчала. В чужой компании всегда полезнее понаблюдать за спикерами-завсегдатаями, даже за завскладами и начальниками баз. К тому же молчащему легче наблюдать за говорящим. А изучение и наблюдение природы человеческих поступков, мыслей, предшествующих побуждениям или уже самим поступкам, было её излюбленным занятием.

Когда мужчины были уже под приличным хмельком, она всё же не отказалась от меркантильного вопроса:

– А скажите, господа, нельзя ли у вас тут купить картошки?

Она всё же воздержалась от слова – «по благу». На что Игорь сказал с видом не только обладателя, но и хозяина произнесённого ею слова:

– Там посмотрим.

Вика больше свой вопрос не повторила.

Глава II

Мужчины пили охотно, Люся – умеренно, а Вика только приподнимала свою рюмку. Так за лёгкой и весёлой болтовнёй время обеда проскочило как на ускоренной киноплёнке.

В конце обеда Виктория прочла в глазах Алика красноречивую фразу: «Если бы ты выбрала меня, не прогадала бы, а выиграла...». Но она ответила ему взглядом, полным милого недоумения. А про себя подумала: «Мечтать не только не вредно, а даже – где-то полезно: это так развивает воображение! Фантазии становятся такими яркими, красочными, необыкновенно красноречивыми и привлекательными... Тем более здесь... На складе с гнилыми овощами...».

Но к концу обеда она уже точно знала, что Алик намного содержательней, умнее и интереснее как мужчина. Потому что в его глазах светился тонкий ум, который проявлялся во всём: в облике, в разговоре и особенно в манерах. Манеры у него были явно не для этого места обитания. В этом мужчине, несомненно, была очень большая интрига...

Но время обеда закончилось, а вместе с ним – эмоции и наблюдения.

Игорь, видя какие многозначительные взгляды бросает на Викторию его шеф, вдруг резко встал и сказал:

– Посидите тут, попейте с Люсей чаю, а мы пойдём. Я дам распоряжения своему сменщику, сейчас вернусь.

Женщины остались одни. Разговор не клеился, потому что не только Игорь заметил, как на Викторию смотрел их босс, но и сама Люся. А женщину в этих случаях не проведёшь. На всём её теле, не преувеличивая, стоят невидимые датчики собственности, которые обрабатывают для неё всю поступающую визуальную и внешне скрытую информацию.

Вике хотелось утешить её, но как?! Так уж устроена мужская предательская натура, если он видит перед собой женщину лучше и моложе той, которая рядом с ним, непременно станет тайно или явно пялиться на неё, в зависимости от «уз», которые связывают его с собственной партнёршей.

Женщины молча допили чай и убрали со стола. Вика, чтобы избежать возникшей неловкости и оттого, что дальнейших распоряжений не поступало, уже подумывала о том, чтобы снова вернуться на склад. Но здесь вошёл Игорь и спросил, без всяких условностей, околичностей и, с его точки зрения, излишнего здесь «миндальничанья»:

– У тебя дома кто-нибудь есть?

Прямой вопрос, как правило, предполагает прямой ответ, и она ответила машинально:

– Нет.

И про себя подумала: «Хорошо что сын ещё не вернулся от родителей». Виктория приехала раньше и вышла на работу, а он должен был прилететь только через пару недель.

Тогда Игорь сказал на правах её полноправного обладателя:

– Пошли.

А она просто сделала то, что было велено.

Он помог ей подняться в кабину грузовой бортовой машины. А когда они поравнялись с бетонным возвышением у дверей его склада, сказал водителю так же односложно, как и ей:

– Притормози.

Тот тоже подчинился. Тогда Игорь дал указание одному из работников склада:

– Закинь в кузов машины мешок картошки, который стоит у двери.

Тот молча выполнил распоряжение, и они тронулись в путь. Вика никак не прореагировала на его действия, так как не знала, кому предназначается этот бесценный дар. И только когда они выехали за ворота склада, он спросил у неё так же бесстрастно и повелительно:

– Какой у тебя адрес?!

Она снова машинально назвала адрес и теперь уже как будто «догнала», что этот вожделенный мешок картошки имеет, по всей видимости, к ней прямое отношение. Но её «бытовая радость» была вмиг перекрыта новыми, гораздо более сильными и ценными ощущениями...

По дороге, пока они ехали, она чувствовала рядом его длинную стройную ногу, он намеренно пододвинул своё бедро ближе к ней. И она почувствовала, как её кровь, и без того разгорячённая усиленной игрой воображения и парой рюмок коньяку, не на шутку разволновалась... Многообещающий импульс, исходивший от их прикосновения друг к другу, не оставил равнодушными ни его, ни её...

Когда подъехали к дому, он велел водителю:

– Закинь картошку на третий этаж.

Вика подумала, поднимаясь по лестнице за водителем: «Надо же, даже этаж вычислил». И с улыбкой продолжила свою мысль: «В пору полнейшего, точнее

даже тотального дефицита, мешок картошки за меня – это довольно высокая плата! Почти – баснословная!». Вслух спросила:

– Сколько я вам должна?

Он ответил неопределённо резковато, с видом дарителя манны небесной, чем неприятно удивил её:

– Брось ты.

Только и всего! Дух противоречия её независимой природы чуть было не взбунтовался и не устроил бурю прямо в прихожей, которая могла бы успешно начаться со слов: «Что значит «брось ты?!». Но она вспомнила свои ощущения в кабине, когда он активно прижимался к ней бедром, и решила подавить восстание в самом зародыше.

К тому же он говорил властным тоном мужчины, которого вряд ли послушаешься. «Не забывай, – шепнул ей к тому же полуголодный меркантилизм, – что этот увесистый паёк весьма кстати для твоей возвращающейся семьи».

Игорь, видимо, сам почувствовал, что слегка переусердствовал в интонации, и сказал уже более мягким голосом, перенося мешок на лоджию:

– Не переживай. Это так, пустяки. Я велел ребятам положить в мешок отборную картошку и лук, – сказал он, как настоящий босс, – завтра посмотришь сама.

Слова его оказались чистой правдой, на следующий день она увидела, что примерно четверть мешка заполнена отборными золотистыми луковичками. «Чисто джентльменский набор, – подумала она, – здесь уж он силён и последователен, ничего не скажешь!».

А сейчас он с видом хозяина направился в гостиную, тем более что она обронила неосторожную фразу:

– Ну теперь я ваша должница, – сама того не ведая, выдала ему тем самым откровенный аванс. Правда тут же спохватилась и добавила, – за мной коньяк. Это – железно!

Он, весело потирая непомытые руки, ответил:

– Который уже с нами! – и вытащил из чёрной кожаной сумочки-барсетки бутылку коньяку.

Вика отправилась хлопотать по хозяйству. Быстро накрыла в гостиной журнальный столик: колбаска, сырок, бутерброды со шпротами, то да сё... Всё шло вроде бы по плану: на базе её накормили обедом, посадили в кабину, привезли мешок картошки, теперь за тобой – ответный реверанс.

Виктория снова невольно, но с удовлетворением подумала, что у неё теперь длительное время не будет проблем с кормёжкой, так как в магазинах – шаром покати! И подарок целого мешка картошки вполне мог быть расценен дамой как яркая мужская щедрость, как наивысшее расположение завсклада, чуть ли не признание в любви. Да и сами котировки имени «завсклад» были в то время, время полного, точнее, повального вакуума в потребительской корзине рядового гражданина, очень высоки. В любой сфере жизнедеятельности и жизнеобеспечения.

Всё шло вроде хорошо, единственное, что её смущало достаточно сильно: что у неё не было возможности освежиться перед свиданием, поскольку она была страстным приверженцем чистоты физического тела. Вика чувствовала дискомфорт: хотя она в холодильнике не очень-то и потела, но как это возможно – не освежиться перед встречей?! Но если бы она пошла принимать душ при нём, то это было бы расценено им как явное «йес!».

Сложно сказать, может быть, он интуитивно понимал, освежись она и перендётся, намного заметнее стала бы их разница во многих вещах, начиная с

самого качества общения, а так они оба сидели и “попахивали лёгким ароматом” его родного заведения.

Её это явно обескураживало, его – ничуть! Она всё же вошла в спальню и быстро переоделась перед тем как сесть за стол. Тот факт, что они остались невымытыми перед встречей, был первым настораживающим сигналом. Информацией, так сказать, для размышления, что партнёр, мягко говоря, на максимум ну никак не тянет. Но женщина, если уж она “закусила удила”, погрязнув в романтических иллюзиях, так легко не сдаётся.

К тому же, как это выяснилось несколько позднее, все эти “дамские штучки” с мытьём и переодеванием для данной встречи были полным излишеством, как шестой палец на руке. Нонсенсом применительно к данному случаю, издержками излишне романтической души. Пока её донимали внутренние размышления, гость тем временем осмотрел её квартиру и без всякого перехода сказал:

– Я смотрю, у тебя такая чистота, хотя мы зашли внезапно, стало быть, ты не убиралась перед приходом гостей. Всё у тебя – по местам, всё – в идеальном порядке. Молодец! Видно, что ты хорошая хозяйка, – он немного помолчал, как бы раздумывая, можно ли ей довериться, но всё же разоткровенничался, – а у меня жена – такая неряха, просто ужас. Такая грязнуля, дома – настоящий бардак, бедлам повсюду, даже домой не хочется идти.

Это был второй настораживающий женщину сигнал: ибо ни мужчины, ни женщины терпеть не могут, когда при них едва знакомые им люди начинают “хаять” свою вторую половину. Но Виктория, всё ещё продолжая находиться в ореоле романтической направленности, и на этот раз не обратила на это должного внимания. Хотя он снова повторил:

– И как это тебе удаётся поддерживать такую чистоту и порядок, у тебя всё – по своим местам...

Она попыталась отшутиться:

– Муж за чистоту гоняет.

Сама тем временем смотрела на него и думала: “Как же он дивно сложен!”. Потому что эта картинка особенно впечатляла. Она сидела на диване, он – напротив неё, в кресле, и она имела возможность взглядом эстета и тонкого ценителя мужской красоты незаметно любоваться этим дивным творением. В нём истинно было чем любоваться: его длинные стройные ноги, согнутые в коленях, так привлекательно обтягивали светлые джинсы, она тут же вспомнила прикосновение его бедра в кабине машины...

Она сидела и, не обращая внимания на то, что он говорил, любовалась частями его тела по отдельности и в целом: дивной посадкой головы, разворотом его молодых плеч и стройным накачанным торсом... Но его нетрезвый, ставший уже надоедливым голос упрямо продолжал:

– У меня дома и гарнитур тоже есть, совсем новый, и жену гоняю, но чистоты нет.

Вика пожалала плечами и, уже еле сдерживаясь, чтобы не оборвать его, ответила в его манере – односложно:

– Стараемся, как можем.

Тут гость, уже и без того откровенно захмелевший, опрокинул залпом ещё одну рюмку коньяку, пересел к ней на диван и так же без всякой преамбулы попытался обнять её по-хозяйски за плечи.

Рассчитываться за картошку своим телом, как говорится, натурой в её планы никак не входило, но пока ничего катастрофического не происходило, она

терпела. Гость, не сделав даже попытки поцеловать её, потянулся пьяными губами к шее и тоном человека, считающего, что он здесь уже в доску свой, сказал:

– Грудь дай!

И это при всём при том, что ими не было осуществлено даже ни одного поцелуя, не говоря уже об интимных прикосновениях!

Несколько секунд она думала, что ослышалась, и это обращение направлено вовсе не к ней, а к кому-то другому, или к ней обратились, как минимум, на иностранном языке. Она в полном смысле ошарашенно, скорее даже ошпаренно уставилась на него, то есть с неподдельным ступором и недоумением в глазах, совершенно не воспринимая суть того, что было высказано этой просьбой и что она собой подразумевала, переспросила:

– Что?! Что вы сказали?!

Он, видя почти суеверный ужас в её глазах, уставившихся на него, несколько смутился, затем полупримириительно, причём с интонацией, присущей только ему одному, пояснил:

– Ну как же я скажу иначе?! Я же не скажу: «Дай титьку...».

С этой самой секунды, при всём наличии дневных впечатлений и любований его внешностью, единственная мысль током пронзила её: «Вот я влипла так влипла! И теперь у меня могут возникнуть жуткие проблемы с его выпроваживанием отсюда. При таком речевом богатстве этого “дитя склада” я ещё и не то могу услышать!».

Весь её любовный “флёр” сдуло в одно мгновение! Даже не известно чем! Еле переводя дух от страха, она предложила ему осторожно сладким голосом:

– Игорёчек, давай прогуляемся немного, такой хороший вечер! Просто чудо какое-то, – невольно понизила она свою поначалу активную интонацию...

Продолжая в это время мучительно размышлять о возможных предстоящих осложнениях и даже потерях...

Но ничто в её разительно изменившемся облике и поведении ничуть не настораживало безмятежную уверенность гостя, и он, нимало не задумываясь, резанул правду-матку:

– Да чего это по темноте шастать? Я и так устал на складе, как собака. Сегодня целый состав картошки пришёл, несколько вагонов разгрузили, давай быстро постель расстелим да бахнемся туда...

Это полное отождествление женщины, которую он видит впервые в жизни и общается с нею всего несколько часов, по всей видимости, со своей женой, привело Викторю в кромешное замешательство. Она уже с неподдельным ужасом поняла, что вытолкать его отсюда будет не так-то просто. Так как его “танковые” наклонности, дополнительно подогретые бутылкой коньяка, уже явственно проскальзывали во властных нотках голоса. Мозг её лихорадочно работал. Вопрос: “Зачем он просил грудь и что собирался с ней делать” сам по себе более не занимал её, даже не возникал в сознании, хоть это так и осталось невыясненным. Все эти мысли лихорадочно были отодвинуты на второй план, так как приоритетной оставалась единственная: как же его всё-таки вытолкать отсюда?!

И она сразу, в одно мгновение почувствовала неприятный запах его носков, который уже заполонил всю гостиную и теперь накрывал с головой и её саму – хозяйку ухоженной гостиной.

К тому же она теперь уже точно знала, что цветы в картошке не растут! И теперь после этих слов отчётливо понимала, почему он работает на складе с картошкой, а не является супергероем в кинематографе. И что, к сожалению,

встречаются в природе и жизни столь разительные несоответствия между внешностью и должностью...

Нечаянный же гость, при уже приличном подпитии, по-прежнему абсолютно не замечал той кардинальной перемены, которая произошла в ней за считанные секунды. А в сознании Виктории беспорядочными всполохами металась только одна единственная мысль: «Как его выпроводить отсюда и не нарваться на откровенную грубость? И побыстрее выпроводить! Но как?!». Больше она уже ни о чём не думала и ни о чём не мечтала. Тем более что у неё больше не оставалось ни одного из прежних вопросов, которые так интенсивно занимали её в течение целого дня. Новых вопросов тем более не возникало!

Она продумывала все варианты отступления, но ни один пока не срабатывал. Гость явно не «догонял», в какой именно момент льдина, на которой они так удачно плыли по океану любви, дала неожиданную и большую трещину... Но любые её попытки расторгнуть мучительные узы этого знакомства натыкались на бетонную, как и в его складе, стену.

Из хаоса мгновенно нахлынувших на неё страхов выкристаллизовывался лишь один: «Как же мне теперь выпроводить его без «пыли и шума», то есть с наименьшими для себя потерями? Малой, так сказать, «кровью»? Так как, судя по преамбуле, он способен на многое, неведомое для простого смертного».

После этого его словечка, хоть речь шла о знакомых и понятных доселе вещах, как ни странно, она страшно перепугалась. В душе она была уже готова всё отдать, даже втридорога заплатить за тот злосчастный мешок картошки, но только на рынке, только бы вернуть то время, где ещё не звучали такие «прединтимные» выражения.

Глава III

Она успокоилась только тогда, когда после целого ряда чисто женских уловок, манипуляций и ухищрений ей удалось-таки выдворить его из квартиры. С огромнейшим трудом она доволокла его до дороги. Затем с не меньшими сложностями запихнула в первую остановившуюся машину. Сначала его самого, затем его шикарные длинные стройные, но уже столь ненавистные ноги, которые как назло никак не заталкивались в машину. Мало того, что сами в неё никак не помещались, но ещё и цеплялись за дверцу модными, но явно непослушными кроссовками 45-го размера. Потому что сам он походил уже не на прежнего красавца-мужчину, а скорее на развалившийся штабель мешков с картошкой.

Едва справившись с этой непосильной ношей и задачей, она с облегчением озвучила водителю традиционное:

– Шеф, вези по адресу.

Водитель было воспротивился:

– А знает ли он его?

Она поспешно заверила:

– Знает, знает! Явно не впервой! – затем всё же на всякий случай пояснила:

– У него два адреса: домашний и база ОРСа.

Как только машина с ним отъехала, и она поняла, что ей удалось-таки избежать опасности, Вика, идя через пустырь к себе домой, вдруг начала хохотать, останавливаясь через каждые несколько шагов и хватаясь за живот. Хохотала, как сумасшедшая, чуть ли не до колик в животе. Потому что неподдельный страх, так неожиданно и основательно сковавший её в собственной квартире, уже малость прошёл, и она могла теперь без помех прочувствовать весь комизм

ситуации... Тем более на фоне своих романтических «бредней» по поводу этого картофельного супермена.

К тому же воспоминания были «ещё слишком свежи», как говорится в любовной литературе. Она вспоминала саму его уникальную просьбу по свежим следам, и особенно последующую затем расшифровку к ней, так сказать, «перевод для не особо одарённых»!

Она то и дело останавливалась и хохотала, пока вдруг не подумала: «Досмеёшься на улице, пока ещё какое-нибудь приключение не поймает на свою задницу».

Вернувшись к себе, Виктория долго и с удовольствием стояла под тёплым душем, смывая с себя не только бесполезное, но, как выяснилось, пагубное любопытство.

Лёжа в постели, она то продолжала смеяться, а то думала: «Просто уму непостижимо. Ну ладно, можно было бы как-то его понять вместе с его “простотой”, если бы он, как в анекдотическом случае, то есть “по пьяни”, перепутал в постели во время близости её со своей женой, к которой он, видимо, и обращается с подобными словечками. Как это вообще может быть?! Он что, в чулане родился и живёт? Насколько внешность может быть обманчива!» – завершила Виктория свои тяжкие размышления.

И весь следующий день она провела попеременно в двух полярно-противоположных состояниях, то впадала в транс от шока и недоумения, то снова принималась истерично хохотать, если оставалась одна.

Вечером к ней пришла подруга, Виктория не выдержала и за чаем сказала ей:

– Танюша, я вчера с таким красавчиком познакомилась, и знаешь, что он мне “выдал”?!
Подруга с интересом вскинула глаза:

– Интересно, что?! Я – вся внимание!

Она знала, что Вика – отменная рассказчица, и ни над одним приколом уже смеялись вместе по работе или по жизни... Поэтому Вика, поскольку неведомые доселе впечатления и воспоминания всё ещё наполняли и даже переполняли её богатое воображение, пересказала ей вчерашнюю сцену с соответствующими эмоциями и картинками, причём в точности – с его интонацией...

Татьяна соскочила со стула, несколько раз то сгибалась, то разгибалась от хохота. Пока соседка реагировала на ситуацию, Вика сказала:

– Тебе смешно, а мне не до смеха было, мне и в голову не могло прийти, что в таком красивом мужике может оказаться столько девственной изобретательности.

Татьяна минуты три громко хохотала, затем через смех и слёзы изрекла истину:

– Ой, не могу! Вот дурак-то, ха-ха-ха! Кто ж её просит? Её ж – так берут!

В оставшиеся дни своего пребывания в этих “райских куцах” она просила руководителя направить её куда угодно, только не в элитное подразделение – на склад с картошкой. Сказано: «Лучший способ избавиться от искушения – это поддаться ему». Эту истину ей довелось проверить на себе. И теперь она, встречаясь иногда с Игорем в буфете и видя его намерение подойти к ней, останавливала его взглядом, который очень красноречиво говорил: «О чём это вы? Я вас в первый раз вижу!».

У неё была мысль вернуть ему мешок картошки, только она не нашла способа возвратить его без соответствующих объяснений. И решила оставить его баснословный подарок себе, в качестве морального утешения...

Геннадий УДАРЦЕВ

“Недаром ем свой хлеб насущный...”

Хлебушко

Недаром ем свой хлеб насущный —
Я существую, я живу,
И этим хлебушком живуший,
Его я батюшкой зову.

Не надо мне плодов заморских.
Мне не забыть, когда в войну
Муки ржаной, пшеничной горстка
Спасала жизнь, и не одну.

Случайно найденный сухарик...
Он в голодуху, в гиблый год
Шанс умирающему дарит,
И, глядь, тот на ноги встаёт.

Я к полю хлебному шагаю,
Колосьев спелых слышу звон.
На верность полю присягаю
И низкий мой ему поклон.
1963.

**Геннадий
Серапионович
УДАРЦЕВ**

родился в 1938 году на Алтае в крестьянской семье. Отец погиб на фронте. В школьные годы постоянно помогал матери на разных колхозных работах. Ходил в подпасаках, косил сено, убирал хлеба, работал на конюшне. В шестнадцать лет выучился на токаря, и до призыва в Советскую Армию трудился в Анисимовской МТС. Потом была учёба в Барнаульском машиностроительном техникуме. Все эти годы писал заметки и стихи в местную печать, и его пригласили на штатную работу в одну из районных газет края. Публиковался в краевых периодических изданиях, в том числе в журнале «Алтай».

В 1964 году переехал в Целиноград, работал в краевой газете «Целинный край», а после её упразднения заведовал экономическим отделом областной газеты «Целиноградская правда» до ухода на пенсию по состоянию здоровья – в связи с потерей зрения. Газетную работу сочетал с поэтическим творчеством. Печатался в коллективных сборниках, республиканских газетах и журналах «Простор» и «Шмель». С 1991 года является постоянным автором журнала «Нива». Геннадию Ударцеву принадлежат книги «Тропики сердца», «Свет далёких берёз», «Там, где цветёт багульник», «Прощание с веком» и другие. В 2011 г. его цикл стихов «На земле святой и грешной» опубликован в журнале «День и ночь» (г. Красноярск), в 2012 г. несколько стихов Г. Ударцева поместил на своих страницах известный российский журнал «Молодая гвардия».

Живёт в Астане и давно считает Казахстан своей второй родиной.

Выбор сердца

В. Г.

Товарищ мой, мы оба россияне,
Так было предназначено судьбой.
А вот живём полжизни в Казахстане,
Который стал нам родиной второй.

Нас взяли в плен великие просторы,
Где миражи, курганы, ковыли,
А на токах зерна золотые горы –
Плоды трудом обласканной земли.

Мы Русь свою, конечно, навещаем,
Там наши корни, первая любовь,
Но погостив с недельку, ощущаем,
Как Казахстан зовёт нас властно вновь.

И мы спешим, торопимся в дорогу –
Прости-прощай, родная сторона.
Прекрасных мест, мы знаем, в мире много,
Но сердцем выбор сделан – Астана!
2001.

Иван-да-марья

Таёжный край... За дальней далью,
Где нет ни тропок, ни дорог,
Цветёт в логу иван-да-марья –
Роскошный сказочный цветок.

Я зачарован и, как Будда,
Стою у нежного цветка –
Сорвать земное это чудо
Не поднимается рука.

Иван-да-марья... Два начала
Соединил в себе цветок,
И пусть цветёт он величаво,
Пока течёт в нём жизни сок.

А про ложок уединённый
Кому попало не скажу,
Лишь по секрету всем влюблённым
Координаты укажу.

Пускай придут полюбоваться
На двуединый стебелёк,
И дай вам Бог не разлучаться
На виражах земных дорог.
2009.

***

До золотой степи был путь не близким.
Держа на сердце руку, говорю:
Я, парень из глухих лесов сибирских,
Влюбился в казахстанскую зарю.

Лежит страна — нет ни конца ни края,
И ныне здесь не только ковыли —
Её вторым я домом называю
И новой хлебной житницей Земли.
2010.

Золотая облепиха

Возле станции Ключиха,
Солнцем вся прогрета,
Поспевает облепиха
На исходе лета.

Дружно, словно сговорились,
Бабы, девки, парни
В выходные устремились
В «золотой» кустарник.

Вот уж верно — облепиха!
Не ленись, и ягод
Поголовно вся Ключиха
Заготовит на год.

Делай на зиму варенье,
Масло — от болезней.
Для степного населенья
Ягод нет полезней.

Дышит осень — листья тихо
Облетают с веток...
До свиданья, облепиха,
До другого лета!
1983.

Пацаны

Время мчится слишком быстро...
Пацаны вы, пацаны,
Дружбе нашей бескорыстной
Просто не было цены.

Лето мы боготворили.
В речке маленькой своей,
Встав на зорьке, мы ловили
Чебаков и пескарей.

А потом, в жару, швыряли
Одежонку на песок
И, блаженствуя, ныряли
Гольшами в омуток.

Мы порой тайком курили
Доморощенный табак.
Кто «косил», мы говорили
Снисходительно: слабак.

Но отступников прощали.
А кого ругала мать,
Всей ватагой защищали:
«Только за уши не драть!»

Все мы выросли давненько
Из штанишек этих лет.
Кто остался в деревеньке,
А иных простыл и след.

И уверенности нету,
Что той дружбе все верны —
Разбросала жизнь по свету.
Где теперь вы, пацаны?
2004.

Живу, отец!

Не промотать бы жизнь бездарно,
Не испоганить, не сломать —
Не для того рожала парня
Вдовой оставшаяся мать.

Война, как танк прогрохотала,
Оставив горький чёрный дым,
И у меня отца не стало,
А был таким он молодым.

Но я живу, а это значит,
Дела отца мне продолжать.
Года идут, всё реже плачет
Над похоронкой страшной мать.

Нет, не прервётся жизнь земная —
Она всегда своё берёт,
Нет у неё конца и края,
И вечен зов её — вперёд!
1973.

Заведу себе коня...

Заведу себе лихого
Быстрого коня.
Оживут под ним подковы,
По булыжнику звеня.

Вот седло, узда и повод,
Я наездник ещё тот.
Растревожив сонный город,
Я пушу коня в намет.

Я умчусь как можно дальше
От родного городка,
Чтоб горячка эта, Даша,
Не смотрела свысока.

Ночь темна, но я не струшу,
Я с конём не пропаду.
И красавицу получше,
Попокладистей найду.

Я вернусь с прекрасной ношей
В свой любимый городок,
А горячка, если сможет,
Пусть кусает локоток.
1990.

***

Где мой весёлый звонкий смех,
Как колокольчик школьный?
За дымкой лет, как майский снег,
Пропал, и сердцу больно.

Ты где покоишься теперь,
Тех лет дружок-приятель?
Уже немерено потерь,
Утрата на утрате.

Неважно, млад ты или стар,
Своей судьбы не минешь.
Давно ли вышел я на старт,
А вот уж близок финиш.

Да, землю вечно не топтать,
Такого, брат, не будет.
И всё же грех на жизнь роптать,
Пока я с вами, люди.
2011.

Валерий ЗУБОВ

Беспалый

Карбид бурлил в бутылке, как будто захлёбывался. И её ещё минуту, а может быть, и полминуты назад в целях безопасности надо было швырнуть, как гранату. И как можно дальше. Напряжение нарастало. Первым не выдержали нервишки у конопатого Женьки. Он начал его уговаривать, потом вспылил:

– Бросай, Белый! Рванёт! Мало не покажется! Ты оглох, что ли, дебил!

Но Белый, оскорбившись, вступил в спор с Женькой. И, как жонглёр, начал вертеть перед его лицом этой самой бутылкой из-под водки. А в ней по всем законам химии или физики – какая разница! – полным ходом шла реакция. И жидкость в бутылке уже напоминала цветом молоко.

Но эти двое всё продолжали выяснять, кто из них дебил. Затем Белый, бравируя, развернулся для броска, но неожиданно споткнулся и упал вместе с «гранатой». Взрыв, назревший секунду назад, жажнул во время его падения. Он прозвучал для мальчишеских ушей настолько оглушительно, что зазвенело в перепонках. Все попадали на землю, инстинктивно прикрыв свои головы руками. Отдельные капли из разорвавшейся бутылки достались каждому лежащему, а кому-то ещё и кусочки стекла. После взрыва, поняв, что «всё очень плохо», как выразился Лёха, Валька вместе с друзьями опять упали на землю. И ползали по ней, шаря повсюду, в поисках двух пальцев с правой руки Белого. Они были подчистую срезаны стеклом бутылки...

Два обрубка наконец-то отыскались, их нашли возле поленницы сарая, принадлежащего тёте Дусе. Станным было видеть, но Белобрысый не плакал. Хотя можно было только представлять, какую же боль испытывает их товарищ в эту минуту. Он только периодически мотал головой, не

**Валерий
Николаевич
ЗУБОВ**

родился 21 июля 1956 года в городе Перми. Служил в рядах Советской Армии. В 1982 году закончил историко-педагогический факультет Семипалатинского педагогического института, затем экономический факультет КИМЭП при Президенте Республики Казахстан в городе Алма-Ате. Работал в педагогическом институте, в органах внутренних дел, был на комсомольской и партийной работах. Предприниматель с 1992 года.

Делегат XII Всемирного фестиваля молодёжи и студентов в городе Москве. Член Союза писателей Казахстана. Автор десяти книг стихов и прозы: «Сто стихов о любви», «Я подарил тебе звезду», «Вечный спор», «Мироощущение», «Сакристыя», «Избранное», «Цвет страсти», «Целуя пальцы любимой женщины, целуешь её душу», «У любви смех младенца, а плач старца», «Собака из далёкого детства».

В 2011 году интернет-издательством «Web-kniga» изданы 13 книг в электронном варианте.

С 2000 года постоянно печатается в журнале «АМАНАТ» (Казахстан) и в других изданиях.

В «Ниве» выступает впервые.

поняв ещё до конца, что же с ним произошло. Его два окровавленных пальца никто не решался поднять. Все «участники взрыва» только глазели на них, лежащих на большом расстоянии друг от друга. Тогда как на ладони они были гораздо ближе друг к другу и живее...

На прогремевший взрыв первым явился дядя Петя, отец Серёги.

– Нарисовался, блин! – тихо проговорил самый маленький, лопоухий Митя, спрятавшись за Вальку.

– Видно, не на смене батя твой! – ища глазами Таракана, хотел упрекнуть Серёгу Лёшка. Серёжка же, каким-то непонятным для других чутьём почувствовав появление отца, исчез. И этого никто не заметил. Его папашка чем-то напоминал всем без исключения бывшего наркома госбезопасности товарища Берию. Наверное, прежде всего модными, с позолотой, очёчками да величественной походкой, которую копировал у того же персонажа.

Ребята, живущие с ним в одном доме, а значит, и дворе, признавались сами себе, что этого дяденьку они побаиваются. Не совсем его, а больше всего его взгляда.

– Чем вы тут, интересно знать, занимаетесь?! – обеда внимательным взором притихших ребят и не найдя среди них своего сына, тот продолжил на выдохе: – Бандюганы маленькие! Что за взрыв в мирное время? Может, мне старшину пригласить?

Он, конечно же, имел в виду участкового инспектора, которого все местные мальчишки обзывали дядей Стёпой и совершенно не боялись за его доброту.

Даже Белобрысый напрягся, сделав попытку завести кровоточащую руку за спину, но бледность его лица как раз и притянула взгляд «Берии». Дядя Петя шагнул к нему. Взял руку пострадавшего в свою ладонь и, держа её на весу, вдруг сморщился, как от жуткой зубной боли. И тут же вдруг стал каждому из притихших мальчишек просто отцом. Он тихо так проговорил:

– Ну и дела, парни! А ты, спринтер, давай бегом! Давай, родной! Вызывай «скорую помощь»!

Он буквально вытолкнул из сложившегося круга Лёшку, самого высокого и, соответственно, самого длинноногого. Тот вмиг испарился. Благо, бежать до больницы всего-навсего метров триста: посёлок-то крохотный! Поэтому никто и не пытался разыскать телефон, большую редкость в то время: гораздо быстрее и сподручнее было добежать до врачей, чем вызывать их по телефону.

Спустя несколько минут «скорая» уже увозила искалеченного мальчишку. Подсаживая Белобрысого в машину, Валька обратил внимание, что его лицо не пострадало – на нём не было ни единой ссадины!

«Бог, и только он, оставил ему глаза, не притронувшись к ним!» – и Валька, сняв крестик, надел его на шею Белобрысого.

Пальцы в шестидесятые годы, к сожалению, ещё не пришивали. По крайней мере в таких провинциальных больницах, каковой была эта, их поселковая...

А Белого после этого случая стали звать по-другому: Беспальный. И это новое его прозвище, виделось всем, подходило ему гораздо больше.

А увлечение карбидом или, иначе, «коктейлем Молотова», прошло у них, детей послевоенного времени, раз и навсегда...

Старче

Дядя Яша – как тот старче. Только этот жил не у моря, а у загадочной речушки. И изба его стояла на самом её берегу, а название этой речке дали в своё время необычное – Ласьва. И станция, на перрон которой ступили Валька с Сашкой, сойдя с электрички, носила то же название. Дядя Яша приходился дальним родственником Валькиной матери, которая и попросила сына проведать старика:

– Зачастил болеть Яша, а нам, сынок, всё никак не выбраться. Свези гостинцы да передай привет от нас с папкой, – напутствовала мать.

Дверь им открыла старушка в белом, в цветочках, платке. Внимательно разглядывала мальчишек. И на их «Здрасьте!» сказала уверенно: «А ты Любин сын. Кажется, Валька?». Валька кивнул. И протянул гостинцы. Она приняла их с поклоном, чему Валька с Сашкой были удивлены.

– Мальчики, проходите в избу. Я покормлю вас свежим молоком. Только подоила козу Глашу.

– А как чувствует себя дедушка? – вспомнив, что забыл спросить самое важное, произнёс Валька.

– Дядя Яша пока не встаёт, но чувствует себя гораздо лучше, чем неделю назад.

Следом за бабушкой они вошли в избу. После жары снаружи здесь было прохладно и пахло как-то по-особенному. «Наверное, так пахнет только в деревне», – заключил Валька.

– Яша, к нам гости из Закамска.

Валька вошёл следом за бабушкой в комнату и увидел лежавшего на широкой кровати дядю Якова. Он был могучего телосложения, как кряжистое столетнее дерево. Седая борода, спадавшая на грудь, придавала ему сказочности. Глаза, в глубине которых осела вечность, казались тяжёлыми и уставшими. Он возлежал на подушках, и когда Валька приблизился, усадил его рядом. Провёл ладонью по белобрысой его голове, едва слышно проговорил:

– Шевелюра и цвет волос – как у меня в твои годы! Как мамка? А Петрович? Давно не навевывались что-то. Как учёба? Спорт не бросил, занимаешься?

На кучу вопросов, просыпавшихся на Вальку, тот отвечал односложно и так же тихо, как говорил старче. Освободила Вальку от любопытства деда его бабка, как называл её дядя Яков, позвав «сыночков» за стол. Так она ласково назвала Вальку с Сашкой.

Проголодались они с Санькой изрядно, поэтому и уплетали шанежки, запивая их козьим молоком, так, будто у них вот-вот должны были отобрать эти самые лакомства.

– Не спешите вы так, ведь за вами никто не гонится, – не впервые уже напомнила о себе бабушка Лизавета. Вместе с тем на её лицо уже легло и не сходило чувство удовлетворения. То ли от аппетита этих мальчишек, то ли от радости, что еёстряпина удалась, то ли от того, что вспомнила своих ребятишек, которые, проголодавшись, всегда ели точно так же, как эти неожиданные гости.

На прощание дядя Яша, едва двигая указательным пальцем, а получилось, как будто всей ладонью, пожелал-предостерёг:

– Вижу ваше нетерпение убежать скорее на речку. Поезжайте-ка лучше домой и обойдитесь нынче без купания. Купание как-нибудь в другой раз, а?

Мальчишки недоумённо посмотрели на старика и промолчали.

– Но если меня всё-таки не послушаете, то не переборщите с купанием: вода прогревается очень плохо, хотя и воды-то в нашей Ласьве по колено! Берег хоть и невысок, но крут, будьте осторожны... Да, Валька, не забудь передать поклон родителям! И пусть приедут сюда, погостят..

В ответ мальчишки закивали головами, как солдаты-болванчики, и радостно выскочили на улицу. После сытного обеда речка манила их больше всего. А она-то, родимая, была всего в нескольких шагах.

– Вот это течение! – восторженно гикнул Валькин друг. Действительно, вода находилась в постоянном движении и, несмотря на июль, температура в ней была майской.

Ребята ушли вниз по течению, к автогужевому мосту, выискивая место, где поглубже. Но везде было мелко и холодно. Два друга привыкли к озёрам у себя, в Закамске, в которых глубоко и тепло. И, найдя нечто приемлемое, Саша, отбросив одежду, которую нёс в руках, нырнул, Валька – следом. Пробыв в реке с минуту, друзья уже не ощущали ледяного холода воды. Плескались. Боролись. Беспечность детства охотно обнимала друзей.

Заметив мальчишек, идущих к месту расположения приезжих, Валька на мгновение упустил из виду друга, а повернувшись к нему, не сразу понял, что тот как-то странно начал плавать: то под, то над водой. И его уже потихоньку, медленно, но верно, сносило течением.

– Саша! Санька! Саш! – и только тут до Вальки дошло, что тот его не слышит.

Валька поднырнул под друга, приняв его состояние за игру, но Сашка не отреагировал и на эти движения. Испугавшись больше от того, наверное, что он скажет тёте Нине, матери Саньки, если с тем что-нибудь случится. Ведь он поехал с Валькой, так и не отпросившись у матери. Схватив обездвиженного друга под мышки, потащил его к берегу.

Тут только до него дошёл смысл сказанного дядей Яковом, а ведь старик посоветовал им ехать домой, не купаться сегодня. Почему он сказал об этом после того, когда задал ничего не значащий вопрос: «А это твой друг?». И внимательно так разглядывал его...

Вытащив и уложив Сашку на траву, Валька испугался его губ. Они были синюшного цвета, и казалось, что у него отсутствует дыхание. Запаниковав, Валька начал делать искусственное дыхание, как их этому учили в школе. А затем ему стали помогать подоспевшие местные ребята.

«Не мог он захлебнуться, находясь постоянно в поле моего зрения, ну никак не мог, чёрт побери!» – закипал Валька, не то оправдываясь, не то ища сочувствия у одногодков.

– Глубина в этом месте мне по грудь! – худощавый и самый высокий из них ребром ладони провёл по себе.

Деревенские, сменяя друг друга, раскидывали Сашкины руки в стороны, возвращали их на грудную клетку, вновь раскидывали и вновь возвращали... Но никакой воды из него не вытекло.

Тем не менее Саня всё же открыл синие, как губы, глаза, в которых трансформировался его приход обратно, в этот июльский жаркий день. И ещё в них неожиданно воскресло непонимание того, где он находился эти семь или десять минут из десяти прожитых на этом свете лет.

– Слышь, ты увози его отсюда! А может, покажем нашей врачихе? – предложил самый активный из спасателей.

– Не, нам надо домой, а то нас, поди, уже потеряли, – наотрез отказался Валька.

Сашка проморгался, привстал на локтях, затем сел. Валька рубашкой стёр с тела не осыпавшийся ещё песок, помог надеть ему футболку и шорты. Санька довольно резво поднялся, немного постоял, как бы заключая союз с землёй, и они всей группой направились на станцию.

Местные ребята хотели городских «задрать», о чём предупреждал дядя Яша, и это было видно по их развязному поведению, когда они ещё только направлялись в сторону, где расположились Сашка с Валькой, там, у моста. Но сегодня был не их день. Да и не городских. Это был день их благородства. Но никто из них этого не осознал. Они провели Вальку с Сашкой через всю деревню и расстались у самых путей... Что произошло с Саней, осталось их мальчишеской тайной. А зря.

Сашка был единственным ребёнком у дяди Вити и тётки Нины. Жили они в седьмой квартире, это была единственная в их доме коммунальная квартира с подселением, то есть в ней жило несколько семей. Дядя Витя был машинистом тепловоза, поэтому он часто отсутствовал дома, а тётка Нина вела домашнее хозяйство и занималась воспитанием сына. Вальке нравилось бывать у них. Их комната-квартира всегда была какой-то мягкой, уютной, и в ней всегда вкусно пахло жареными подсолнечными и тыквенными семечками, карамелью...

Тётка Нина слыла сердечницей – так говорили про неё взрослые. Валька переводил это слово «сердечница», и у него получалось, что у матери Сашки было больное сердце.

Саша умер спустя месяц. И когда его не стало, дядя Витя ушёл от жены, обвинив её во всех грехах, а главное – не простил ей потери любимого чада. Как будто в этом была повинна только она. Она и больше никто! А может быть, в этом и была его правда? Сашку, рассуждал Валька, надо было просто-напросто вовремя начать лечить. И он это знал, о чём не знали они, что об этом знает Валька.

Так распалась их, казалось бы, очень дружная семья. И Валька в этой трагедии не был сторонним наблюдателем. Он до сих пор считает, что ему ещё тогда следовало бы нарушить их «военную тайну», но возраст и воспитание не позволили этого сделать.

Спустя годы тётка Нина вышла замуж. Её нового мужа звали, как и прежнего, Витей. Они так же жили в этой же коммунальной квартире. Она вновь родила сына. А как его назвала – догадаться нетрудно...

г. Семей.

Валентин МАЛЬШКО

“И я вырослел, шагая по дорогам...”

Исповедь памяти

(Отрывок из поэмы)

Сорок седьмая осень века...
Едва закончилась война,
А над судьбою человека
Нависла вновь беда.

Она

В полях бродила суховеем,
Входила тихо в каждый дом,
И мы, от голода хмелея,
Траву щипали, а потом
Её на части мать дробила,
Плескалась в месиво вода,
На первое была крапива,
А на второе – лебеда.

Когда луна качалась в небе,
Стояла полночь у двора,
Я просыпался и о хлебе,
Голодный, думал до утра.

А хлеба не было ни крошки,
И голод мучил, как палач.
Я хныкал:

– Мама, хоть немножко...

**Валентин
Михайлович
МАЛЬШКО**

родился в украинском г. Синельниково. После окончания в 1960 году Днепропетровского инженерно-строительного института был направлен на работу в Казахстан (г. Караганда). Прошёл путь от мастера до начальника Главного управления по строительству и эксплуатации предприятий стройиндустрии – члена коллегии Минтяжстроя Казахской ССР. Почётный строитель Байконура.

Стихи начал писать в школе, на украинском языке. Первая публикация – в 1955 году в газете «Запорожская правда». С 1956 года пишет на русском языке. Печатался в различных республиканских периодических изданиях. Лауреат «Конкурса одного стихотворения», проводимого журналом «Простор». Автор книг: «Новые стихи» (1969, «Жазушы»), «Солнечные часы» (2000, «Эдельвейс»), «Старт» (2002, Караганда), «И смех и грех» (2010, «Искандер»), «Не отходя от главной темы» (2012, «Галым»).

Живёт в Алматы.

А мать:
– Не плачь, сынок, не плачь.
Терпи, – и к сердцу прижимала,
Ничем помочь не в силах мне.
И я терпел..

А мать устало
Роняла слёзы в тишине.

Однажды нам поведал как-то
Сосед, хромой старик Лука:
– За перегоном, в поле сжатом,
Осталось много колоска.
Но собирать не разрешают.
Как будто есть на то указ:
Кого хоть с зёрнышком поймают,
То за решётку спрячут враз.
Троих намедни изловили,
Никто не знает, где оне.
Видать, начальники забыли,
Что голод страха посильней...

Слова его запахло хлебом,
А тот неслышанный указ
Казался выдумкой нелепой,
Он был для сытых –
не для нас.

Не долго с братом мы искали
То поле, обогнув лесок.
За насыпью,
вдоль магистрали,
Что уходила на восток,
Лежала жёлтая заплатка
На серой скатерти земли.
И мы, мальчишки, как солдаты,
К ней по-пластунски поползли.

Не по чужой земле – родимой,
Уставшей от военных дней,
Свободной и непобедимой,
Но мы не шли – ползли по ней...

Колосья чахлые хватали,
Стерев с лица холодный пот,
В ладонях грязных растирали
И зёрна жадно клали в рот.

Потом карманы набивали.
Стерня колола, жгла огнём,
Но боли мы не замечали,
Мы позже эту боль поймём...

Объездчик нас давно приметил.
У края поля, в стороне,
В тени убогих старых вётел,
На государственном коне
Царём на троне восседал он —
Законов строгий казначей.
А за спиной ружьё сверкало
В потоке солнечных лучей.

Взлетела в небо птичья стая,
Грач одинокий закружил.
И тут же, за руку хватая,
Шепнул мне брат:
— Вставай, бежим.

А я лежал, не понимая,
Какой мы совершили грех.
К груди колосья прижимая,
Спросил:
— Зачем? Там — человек...

А человек играл глазами
И не спеша курил табак,
Уверенный, следил за нами —
Он на коне был как-никак.

Видать, не первый день дозорил.
Ружьё привычно снял с плеча,
Отвёл курки, коня пришпорил
И в нашу сторону помчал.

Мы, не раздумывая долго,
Рванулись к насыпи крутой.
А черноглазая двустволка
Гналась за нами с криком:
— Сто-о-ой!..

Перемахнули насыпь быстро,
Сверкнули рельсы под ногой.
И в тот же миг раздался выстрел,
А следом, тут же, и другой.

Свинец по рельсам расплескался,
Ударил в щебень и песок.
Я словно к матери прижался
К родной земле — бежать не мог.

К спине приклеилась рубаха.
Кровь барабанила в виски.
Я весь дрожал, дрожал от страха
Не за себя — за колоски.

Но всё же нас ждала награда:
Состав, колёсами звеня,
Неодолимою преградой
Остановил порыв коня.

Объездчик повернул обратно.
И, слёзы смахивая с глаз,
– Кто это был? – спросил я брата,
А он мне:
– Сталинский указ...

Умчался, сгинул, пыль вздымая,
Каратель детства моего.
А я и ныне вспоминаю
Лицо усатое его.

Памяти деда

Предок мой по матери – Аникий –
Был большой и крепкий землелюб,
С малых лет,
        как море Пётр Великий,
Землю бороздил.
        И вширь, и вглубь.

Ловок был мой дед
        в крестьянском деле,
Грамоту его достойно знал.
Он слова
        «ЗЕМЛЯ» и «ЗЕМЛЕДЕЛЕЦ»
Буквами заглавными писал.

Уведёт, бывало, за просёлок –
Ветерок колосьями шуршит,
Гордо скажет:
        – Нынче хлеб – весёлый,
Урожаи будут хороши.

Он поведал мне, как рожь родится
И зачем земле нужны дожди,
Поучал:
        – Не бегай за жар-птицей,
Крепче по кормилице ходи.

С дедом жить
        мне малый срок достался...
Но и той крупицы давних дней

Мне хватило, чтобы он остался
Жить навечно
        в памяти моей.

Я к нему частенько езжу в гости.
 За просёлком он в земле лежит.
 Хлебный дух витает над погостом:
 Ветерок колосьями шуршит...

Степная баллада

Я рос в степи
                   и с жаворонком звонким
 Рассветы запоздалые встречал,
 А в сорок третьем
                   по степным воронкам
 Добра и зла законы изучал.

Трубили рвы о болях Приднепровья,
 Скорбели голубые васильки,
 Степные маки пролитую кровью
 Багрили берега седой реки.

Врывалась юность в годы
                   без возврата,
 Крылатым ветром — просто и легко,
 А степь манила тайнами заката,
 Звала к себе в далёко-далеко.

И я ушёл, оставив отчий дом,
 Навстречу лихолетью и тревогам.
 Меня крестили молнии и гром,
 И я взрослел, шагая по дорогам.

За горизонтом снова степь легла,
 Истомой ноги наливались туго.
 Спасибо, степь, за то, что ты была
 Учителем моим и верным другом.

Пророки

Бессмертны вы,
                   пророки мирозданья,
 Воспевшие деяния веков,
 Любовь и слёзы,
                   радость и страданья
 Сердец
 и человеческих умов.

Гомер и Байрон.
                   Гоголь и Боккаччо.
 Шекспир и Чехов.
                   Пушкинская грусть...
 Я, внемля мудрости,
                   смеюсь и плачу,
 И сам чуть-чуть
                   мудрее становлюсь.

Технический прогресс

Кругом технический прогресс,
Асфальт утюжат иномарки...
А я хочу в сосновый лес,
Где пахнет хвоей
        в полдень жаркий.

Клокочет яростно прогресс
Дырой озоновой над нами...
А мне бы радуги подвес
Над серебристыми лугами.

Заполонил умы прогресс
Бездушным сленгом Интернета...
А мне бы на краю небес
Послушать музыку рассвета.

Нет, я, конечно, за прогресс,
Не мне ему сопротивляться,
Но у меня свой интерес:
Я не хочу с душой расстаться.

***

В садах медовая неделя,
Сады в сиреневом цвету,
Невеста-яблоня надела
Апрелем шитую фату.

Ковры цветные расстелила,
А чтобы было веселей,
Друзей на свадьбу пригласила:
Синичек, бабочек, шмелей...

Кузнечик ей играл на скрипке,
Скворец руладил, стрекоза
В прозрачной радужной накидке
Плясала, выпучив глаза.

Я был на свадьбе в роли дружки,
На свадьбе раннею весной,
Я выпил там росы две кружки
И до сих пор хожу хмельной.

***

А за окном опять весна,
Опять ручьи спешат куда-то,
И вновь душа моя полна
Надежда, как в юности когда-то.

Но, что — надежды, что — мечты
Неповторимых ранних вёсен?
На них поставила кресты
В висках гуляющая осень.

Одни забыты навсегда,
Другим заказана дорога.
Сегодня талая вода
Струится призраком былого.

Смирился с долею своей,
Живу, пригрев в руке сиңицу.
Но треугольник журавлей
Мне ещё долго будет сниться.

Из цикла «Зима в Боровом»

***

Накинув шаль пуховую,
Стоят деревья грустные.
Хожу я,
Ветки трогаю,
А холода —
Не чувствую.
Мне кажется, не холодом,
А буйностью весны,
Весёлым птичьим гомоном
Наполнены их сны.

***

Выйди на рассвете в зимний лес,
Молча стань под белую сосною
И послушай музыку небес,
Музыку, рождённую покоем.

Ты услышишь, как звенит звезда,
На краю у неба догорая,
Ветер просыпается в кустах,
Струны тишины перебирая.

Шепчется с берёзою сосна,
Снежный ком грохочет барабаном,
Падая, и снова — тишина,
Тишина, звучащая органом.

Что-то в ней особенное есть,
От чего вдруг сердце замирает.
Может, в этот час благая весть
Ангелом над лесом пролетает?

Санитарная рубка

Стоголосое эхо опушками бродит,
Топоры тишину — словно землю снаряды:
В непролазном бору, на задворках природы,
Лесорубы лихие наводят порядок.

Всё по плану идёт, всё рассчитано точно,
Соблюдая закон выживания строго:
Если в землю вцепился и держишься прочно,
Будешь жить, если нет — дай другому дорогу.

И покорно, усталые, падают сосны,
В белый саван озябшие руки роняя.
Ничего в их судьбе изменить невозможно,
Беспощаден топор: приговор исполняет.

Чтобы вечное солнце по лесу бродило
И ласкало живых, суждено умереть им.
Тихо кружится снег над их братской могилой.
... Память вечная вам, бытия имяреки.

Февральских дней непостоянство

Февральских дней непостоянство:
Снегов с дождями череда,
Небес прозрачное убранство
Сменяет мрачных туч гряда,
С утра волшебные узоры,
К полудню слёзы на стекле,
Капли тихой переборы,
А к ночи снова мир во мгле,
Ручей, рождённый в час погожий,
Уже в дорогу не спешит...
Дни февраля, как вы похожи
На состояние души!

г. Алматы.

Анатолий ЛЫСЕНКО

Люська-путана

Рассказ

Григорий Макарович, будучи человеком поклядистым, очень устал. Усталость давит на плечи, ноги как-то отяжелели, даже руль джипа казался не таким как обычно. В голове снова и снова прокручивались события дня. А они значительные. Будучи директором пищевого предприятия, он провёл беседы с поставщиками сырья. Пришлось кого-то убеждать, просить, а кое от кого совсем отказаться. Но теплело на душе при мысли, что едет он на свою дачу, где просторные комнаты, камин, сытный ужин. К одиночеству уже привык. Жена – Варвара Петровна – редко приезжает на дачу из города, она домоседка. А ему нельзя не бывать там: надо отапливать, да и сохранность проверить.

Выехав за город, директор облегчённо вздохнул: всё-таки не маячат светофоры, не мелькают перебегающие дорогу пешеходы. Солнце уже зашло, наступали сумерки, но на обочине дороги в разных местах стояли несколько человек, жаждущие уехать на попутке. Григорий Макарович обычно не останавливался, проезжал мимо, а на этот раз изменил своей привычке. У крутого поворота увидел девушку среднего роста; даже из кабины было заметно, как она, бедняга, замёрзла; мороз под тридцать, а она в лёгкой коричневой курточке, коротенькой юбочке, в осенних сапогах на высоких каблуках. У мужчины появилась жалость к ней. Притормозив, он открыл дверцу кабины и сказал: «Садись, небось зуб на зуб не попадает». Девушка быстренько вскочила в кабину, её колотило от холода. «Ты что же так легко одета, дорогуша?» – спросил водитель. Пассажирка, сильно грасируя, сказала: «Спа-а-сибо вам!». И начала у печки отогревать руки.

Некоторое время ехали молча. Взглянув на неё, Григорий Макарович увидел крутловатое лицо с одутловатыми, слегка накрашенными щеками, длинные искусственные ресницы, полноватые ноги в капроновых чулках.

Спустя несколько минут, согревшись, пассажирка ближе придвинулась к водителю и положила левую руку на его колено. Ничего не сказав, мужчина отодвинул ногу.

Стало совсем темно, на высокой скорости с яркими фарами проносились встречные машины. При их мгновенных освещенных было видно, что пассажирка держит в левой руке зеркальце, а правой подкрашивает помадой губы, чёрным карандашом – под глазами. Прихорашивается.

Пауза затянулась. Вдруг девушка спрашивает:

– Ты почему не останавливаешься?

– А тебе куда надо, в какое село? Мы несколько уже проехали, ты же молчишь.

Григория Макаровича удивило, что она его назвала на «ты».

Опять пауза.

– Ты куда едешь на ночь глядя? – снова спросил водитель.

– Останови, я выйду, с попутной уеду в город.

«Что за человек? – удивился Григорий Макарович. – Мороз под тридцать, ночь наступает, а она хочет на обочину дороги в лёгкой, почти летней одежонке».

– До города теперь полста километров, холодище, это опасно.

– А ты куда едешь? – спросила пассажирка.

– К себе на дачу, осталось километров двадцать.

– Останови, я выйду.

– Не понимаю, тебе куда надо?

Помолчав, девушка придвинулась к водителю и с улыбкой произнесла:

– Я Люська-путана, разве не слышал о такой?

– Милая, ты что городишь? Ты знаешь, что означает слово «путана»?

– Знаю, не дура.

При этом она снова положила руку на его колено. Григорий Макарович резко сбросил её и проговорил:

– Путана – слово французское, означает «вонючка», а по-русски, попросту говоря, проститутка.

– Я такая и есть, – нисколько не смущаясь, скороговоркой изрекла девушка.

«Вот это влип, – подумал Григорий Макарович. – Если высажу, обморозится, отвечать придётся».

– Ты Люся, что ли?

– Да, Люська-путана, – резко ответила она. И тут же добавила:

– Странно, что ты не слышал обо мне, я часто стою у этой дороги, ездила много раз.

Поразмыслив, Григорий Макарович предложил:

– Едем ко мне, переночуешь, а утром я отвезу тебя в город.

– Но я должна заработать, – всхлипывая, произнесла она. – Нас у мамы четверо, трое младше меня. Мать пьёт до одурения, я зарабатываю на хлеб.

«Боже мой, вот это встреча», – подумал водитель и повысил скорость джипа.

– Заработаешь, не беспокойся, а матери позвонишь по мобильному.

Люська молчала, но по всему было видно, что она согласна.

Дача удивила и поразила девушку, нельзя не залюбоваться коттеджем, напоминающим замок, сколько башенок, узоров из кирпича под самой крышей. Типичный забор из серого камня с фонарями наверху, во дворе просторная разукрашенная беседка овальной формы, в углу избушка из свежих сосновых брёвен. У расписной конуры лежала серая овчарка. Григорий Макарович открыл дверь коттеджа и быстро отправился к бревенчатому домику, из трубы которого поднимался дым.

Люська вошла в дом, сняла курточку и сапоги. Когда появился хозяин, она нетерпеливо спросила:

– Мы тут будем ночевать, зарабатывать?

«Какая бесцеремонность и наглость!» – подумал Григорий Макарович. Но спокойно, с достоинством ответил:

– Видишь дверь слева, там небольшая комната, переночуешь, но сначала мы поужинаем. – И ушёл на кухню.

Люська думала о том, что впервые встретила такого странного мужчину. Ничего не требует, не грубит, подкупает своей добротой и учтивостью. Неужели он так запросто и отвезёт её в город? Но тут же одолевала мысль, а как она вернётся домой без денег? Что скажет мать? Если будет в пьяном угаре, то может и поколотить. Бежать? Но куда? Ночь, мороз. Вдруг ей захотелось сделать что-нибудь хорошее для благодетеля, пригревшего её на даче. Увидев щётку с длинным черенком, она начала ею чистить палас. В этот момент хозяин дачи вышел из кухни с пакетом мусора.

– О, да ты работающая деваха!

Она кинулась к нему и сказала, что сама вынесет мусор.

Если бы кто увидел их на кухне за столом, то мог бы подумать, что ужинают отец и дочь. Она уплетала наваристые пельмени с острым бульоном и запивала томатным соком. При ярком свете Люська хорошо рассмотрела своего благодетеля. Он высокого роста, большой лоб, под которым отсвечивали огоньками голубоватые глаза, странно подстриженные волосы. Такую причёску она видела у соседа-десятиклассника. Вся голова острижена и только у шеи сзади оставлена гривка волос, спадающих на воротник белой рубашки. Хозяин дачи спросил:

– И много ты зарабатываешь на трассе?

Люська ответила не сразу. Она вздохнула, посмотрела на Григория Макаровича и тихо произнесла: «По-разному». И тут же спросила:

– А зачем вам это знать?

– Ты, наверное, дома всё делаешь? – последовал новый вопрос.

Опять пауза, но потом слово: «Приходится».

Как ни странно, в его сознании мелькнула мысль: «А если взять её в домработницы»? И тут же сомнения: «Вдруг обчистит квартиру». А сказал ей о другом: «В бревенчатом домике, что в углу двора, живёт охранник Алик. Один на весь кооператив. Хороший парень. Приехал из Узбекистана, был безработным, скитался по углам, где кто приютит. Предложил я ему место сторожа, и он сразу согласился. С того времени прошло лет пять, он молодец. Скоро российское гражданство получит».

– А зачем вы мне рассказываете о нём? – непринуждённо Люська перешла на «вы».

– Да так, к слову.

Ау самого опять мысль: «Нам нужна домработница». И тут же спросил:

– А хотела бы ты у нас поработать?

– Как это?

Опорожнив тарелку, она стала пить кофе. Раскраснелась, даже вспотела, отчего на пухлой щеке обозначилась тонкая чёрная дорожка из-под глаз.

– Будешь полы мыть, пылесосить, собачку кормить. Летом цветы польёшь во дворе, у нас несколько клумб.

Для Люськи предложение было полной неожиданностью. Она поставила стакан с подстаканником на стол, широко улыбнулась, а потом выпалила:

– Вы же меня совсем не знаете. А вдруг я воровка...

– Не похоже, – сказал Григорий Макарович. – К тому же Алик присмотрит, в чём-то тебе поможет. Он парень безотказный. Зарабатывать будешь не меньше, чем на трассе, это я обещаю.

Люська молчала. Она и сама давно мечтала устроиться на работу, да не получалось. А тут такое предложение. Поднявшись со стула, она собрала пустые тарелки, стаканы и понесла всё к раковине, чтобы их помыть.

Уходя из кухни, Григорий Макарович сказал:

– Подумай, посоветуйся с матерью, зарплата два раза в месяц.

Прошло более полугода. Тёплым летним днём Люся, как её ласково называет Варвара Петровна – жена Григория Макаровича, уже какой раз рыхлила почву цветочной клумбы. Алик, симпатичный парень с чёрными курчавыми волосами, принёс полное ведро воды.

– Что ты на меня уставился, давно не видел? – спросила Люська. – Вот ковш бери и поливай астры.

Алик зачерпнул воды и брызнул на спину Люськи.

– О Боже! Ты что, сумасшедший, вода из скважины очень холодная.

– Тебе душ, день жаркий, – заливаясь смехом, сказал охранник.

Подошла Варвара Петровна. Между прочим, выбор мужа девушки на домработницу она сначала не одобряла. Но потом, оценив трудолюбие Люськи, её умение работать, стремление сделать всё наилучшим образом, изменила своё мнение. В эти летние дни она даже ей нравилась: поднимается в шесть утра и сразу поливает цветы, отлично готовит каши на завтрак. Инициатива домработницы, чтобы каждый день были разные крупы. Особенно нравились хозяйке рисовые и овсяные каши. Никогда раньше не был таким роскошным цветник.

– Тебе, Алик, всё хаханьки, а вдруг она простудится? Ты подумал об этом?

– Ничего, всё прошло, мне и впрямь в жару под душем приятно, – парировала Люська.

Григорий Макарович видел, как старается домработница: всюду чисто, цветники политы, собака накормлена, а потому стал реже приезжать вечерами из города. Но однажды дождливым днём он появился раньше обычного. Хотел быстрее войти в дом, однако дверь закрыта на замок, а в комнате у окна виднелась заплаканная Люська. Она жестами указала на домик охранника. Только он хотел идти за барсеткой, где ключи, как на встречу показался бегущий Алик с ключами в руках.

– Что случилось? – спросил Григорий Макарович.

Ответ ни слова. Охранник быстро отомкнул замок и распахнул дверь. Люська подбежала к нему сзади и своими кулачками начала колотить его по спине. При этом сквозь слёзы приговаривая: «Вот тебе, вот тебе!»

– В чём дело? – недоумевал Григорий Макарович. Но ответа не последовало. «Загадка какая-то», – подумал хозяин дачи и удалился в свой кабинет. Только спустя полчаса Алик пришёл и сообщил, что Люська выходила на трассу. «Я связал ей руки и доставил сюда. Нельзя ей на трассу».

«Вот это да, не предполагал я такой поворот, – раздумывал Григорий Макарович. И пришёл к выводу: – Что-то тут не то». Отправился в комнату Люськи. Она в летней одежде лежала на диване и всхлипывала.

– Что случилось, Люся?

– Самый младший мой братик тяжело заболел, мама звонила, нужно три тысячи на лекарства, а у меня их нет. И пошла я ...

В душе директора появилась такая жалость, что он сразу же решил помочь. «Дам четыре тысячи, но поедешь только со мной».

Шло время. Это событие сгладилось, забылось. Алик и Люська подружились. Если не было хозяев, они вечерами подолгу засиживались в беседке, увитой зеленью. Григорий Макарович стал замечать, что характер домработницы понемногу меняется. Она стала общительнее, приветливее, больше следит за своей внешностью, не слышны от неё более непечальные выражения, какими раньше сдабривала свою речь. Что происходит?

Самый разгар лета. Невдалеке от дачи, на опушке леса буйная зелень, выделяются самые разные ароматно пахнущие цветы. Где трава поменьше, всё усыпано красными ягодами. Люська приходила сюда с Аликом, и они вместе набирали полное ведро ягод. Сидя за столом в бревенчатом домике, часами перебирали их, очищали от травы. К приезду хозяина на столе в большой тарелке красовались вареники, запах ягод чувствовался в комнате.

Когда к обеду солнце сильно припекало, охранник и домработница уходили за лес, где был пруд с чистой водой. Когда-то там бежала речушка, пересыхающая летом. Дачники возвели плотину, и теперь накапливалось столько воды, что можно купаться, поплавать вдоволь. Алик всегда раздевался первым, с разбега нырял с плотины и уплывал на другой берег. Когда в воду осторожно погружалась Люська, он приближался к ней, брызгал водой, старался нагнать волны. Девушка не обижалась. Заливаясь смехом, глубоко ныряла или быстро уплывала подальше. На берегу они загорали, отчего бронзовели тела. Накупавшись, заходили в бревенчатый домик, где жил Алик, и там отдыхали. В домике прохладнее, чем в коттедже, что постоянно отмечала Люська.

У парня из Узбекистана и Люськи судьбы в какой-то мере похожи. Алик рассказал, что на родине у него младшие двое братьев и сестра. Мать работает на огороде у богатого хозяина, она прибаливает, зарплата маленькая. Он каждый месяц отправляет ей почти половину своей зарплаты. Благодарен Григорию Макаровичу, что приютил его, теперь более двадцати дачников платят за охрану. Ночью на огородах были попытки воровства, но благодаря овчарке, владению каратэ, желающих поживиться сдавал в милицию. Люська была рада, что не одна днями на даче, что Алик помогал ей. К тому же он симпатичный, обходительный. Однажды на берегу пруда во время отдыха она погладила его чёрные, как смоль, курчавые волосы, загорелую грудь. Алик приподнялся с песка, внимательно посмотрел на Люську и сказал: «Пойдёшь на трассу, убью. Говорю вполне серьёзно».

Иногда они вдвоём во дворе гоняли футбольный мяч. Оказывается, Алик в детстве занимался в спортивной школе, участвовал в соревнованиях. Он обстоятельно объяснял, как надо бить по мячу, правила игры. Воскресными днями к ним присоединился и Григорий Макарович. Будучи человеком увлекающимся, он, обливаясь

потом, гонял мяч до изнеможения, а Варвара Петровна была в качестве болельщика. Словом, идиллия. Два раза в месяц Люська уезжала с хозяином дачи в город и отвозила матери деньги.

На следующее лето Алик неожиданно уехал на родину. Как позже выяснилось, умер его дедушка и завещал внуку усадьбу с большим домом и немалым огородом, приличную сумму денег. Иногда охранник звонил Григорию Макаровичу, обещал вернуться.

Когда наступила осень, изредка начал выпадать первый снежок, Алик прибыл без предупреждения. Он привёз много винограда, домашнего вина. И, к удивлению Люськи, для неё дорогие наряды. С месяц пожил в бревенчатом домике, дважды прогонял воров, и предложил Люське уехать в Узбекистан. Она не соглашалась, при этом говорила: «Ты знаешь мою прошлую жизнь, ты парень хороший, я тебя недостойна. Женись на красавице-узбечке, будете счастливы. А я что? Немного поживёшь там и станешь сожалеть». Однако Алик проявил характер: «Без тебя не поеду... Работа там есть, я уже и места присмотрел, договорился, мне обещали. Каждый месяц будем помогать твоей матери поднимать на ноги малышей». С одобрения Григория Макаровича и Варвары Петровны он всё-таки увёз Люську с собой.

Прошло три года. Если бы вам пришлось побывать на даче Григория Макаровича, вы бы увидели на стене просторной светлой кухни цветную фотографию с изображением Алика, Люськи и годовалого полненького мальчика с чёрными курчавыми волосами. Хозяин дачи, взглянув на этот снимок, нередко вспоминает морозный вечер, легко одетую девушку на обочине дороги и радуется, что всё это в прошлом. У Люськи теперь совсем другая жизнь. Она выглядит прекрасно. И свежая новость: Алик пригласил Григория Макаровича и Варвару Петровну к себе в гости.

Поздняя встреча

Рассказ

В своём родном селе Павловка Костя не был так долго, что потерял счёт годам. Не потому, что не желал, – газета не отпускала. То готовили юбилейные номера, то наступали важные кампании или кто-то из журналистов заболел, надо замещать, приходилось откладывать поездку. Во сне нередко видел родительский домик, окружённый тополями, берёзками, ветряную мельницу за околицей, зарастающую камышом и осокой речушку, где в детстве ловил окуньков, чебачков, шурят. А ещё видел её: невысокого роста, сероглазую, с косичками русых волос. Порой вспоминал, как в школьные годы любил утром, когда начнёт пригревать солнышко, выйти из дворовой рощи на пригорок, лечь на свежую травку и смотреть, не появится ли она у своего дома. И она появлялась.

Галя многое делала по хозяйству: то идёт к колодцу воды набрать, то подметёт во дворе или на огороде прополкой занимается. Быстрая, энергичная. Её голубенький сарафанчик мелькал в разных местах просторного двора.

Окончив среднюю школу, она уехала в педучилище, с того времени они не виделись.

Возможно, и на этот раз не решился бы на поездку, но друг детства Александр, коренастый, широкий в плечах мужчина, с располагающей улыбкой, сумел сагитировать, да ещё предложил ехать на собственной легковой машине. Когда приблизились к речушке, у Кости защемило сердце. Вот крутой обрыв, откуда нырял в воду, рядом заливчик, где заходил выше пояса, чтобы забросить удочку до самой середины. Когда проехали дальше, увидел надпись названия соседнего села: «Целинное».

– Раньше мы называли его как-то иначе, – сказал Константин.

– В этом Целинном живёт твоя бывшая соседка – красавица Галина, – напомнил друг. – Если желаешь её увидеть, заедем.

– Коль ты такой добрый, я рад встретить землячку, – ответил Константин.

И как в детстве, как во сне, вдруг чётко нарисовался перед глазами белостенный дом с металлической крышей коричневого цвета, в котором она жила, просторный двор, где аккуратно сложены наколотые дрова, высохшие кизяки. А вот её лицо расплывалось, тускнело в тумане. «Вероятно, я любил Галочку той детской любовью, которая бывает почти у каждого, уж больно красивой она родилась, – неожиданно промелькнула мысль. – Но слишком рано она была занята, если сказать по-простому. Пожалуй, очень нравился ей парень из соседнего переулка. Статный, с густыми чёрными бровями, кареглазый. Он рано начал ухаживать за девушками, у него это получалось. Когда возвращались ватагой из школы после учёбы во вторую смену, а было уже затемно, или шли из клуба, он подходил к Гале, брал её под руку и уводил в сторону. Потом подолгу они гуляли, нередко за околицей села, даже зимой».

Константин никогда и никому не говорил, как больно было видеть это. Уехав на учёбу из родного села, он послал ей в училище несколько писем, открыток поздравительных, был рад её ответам. Но потом студенческая жизнь в столичном городе другой республики, спорт, проба пера – прошлое стало забываться. К тому же, как он себя убедил: она занята. Константин не знал, что Галя думала о нём, видела ли она в нём друга, просто соседа. Письма её были товарищеские, вежливые. И ни слова о своих чувствах, о возлюбленном из соседнего переулка.

И вот скоро они встретятся. Он знал, что она все эти годы была учительницей начальных классов, вышла замуж за другого человека, который уже умер. О судьбе её друга юности ничего не известно. «Какая она теперь», – одолевала мысль.

Как сказали первые встречные селяне, Галина Алексеевна живёт во втором доме центральной улицы.

У калитки на лавочке сидел чернявый мужчина высокого роста. Он и проводил гостей в дом. В прихожей стояла сухонькая старушка, одетая в жёлтенький свитерок с синими полосками, в сереньких брючишках. Константин кивнул ей и прошёл во вторую комнату, где сквозь густые тюлевые занавески на окнах чуть пробивался свет.

– А где же Галина Алексеевна? – спросил он рослого, с длинными руками, горбоносого мужчину, которого встретили на лавочке.

– А вот мама, – кивнул он в сторону старушки.

Константин, приблизившись к пожилой женщине и всмотревшись в её глаза, заметил знакомый взгляд. Да, именно глаза опознал он. Небольшое бледноватое личико, тонкие морщинки, избороздившие щеки, крашенные волосы цвета полуспелой черешни – всё незнакомо, а вот серые глаза те же. Константин сделал шаг вперёд, взял её тонкую руку с загрубевшими пальчиками и выдохнул:

– Галочка, здравствуй!

– Вы кто будете? – спросила она и растерянно посмотрела на сына.

Константин тут же сказал:

– Выйдем на крыльцо. Смотри внимательнее, вспоминай!

– Костик! Боже мой! Наш сосед.

Она кинулась к гостю, обвила тонкими руками его шею, прижалась к нему и заплакала. Крупные капли слёз скатывались по щекам. Она не стыдилась их, не вытирала.

– Ты напомнил о нашей Павловке, нашем детстве, юности, что безвозвратно ушли. Вот мой сын, он приехал издалека проведать меня, а вообще я живу одна. Одна в четырёх комнатах. Мужа схоронила пять лет назад. Посмотри на мои руки, это руки крестьянки-огородницы.

Галина Алексеевна быстрой и лёгкой походкой двинулась за дом. И то, что увидели гости, не могло не поразить. Чистые, ухоженные грядки огурцов, клубники, лука, чеснока, моркови, свёклы. Хорошо просматривались кабачки, тыквы.

– Это всё она сама выращивает, – басовито проговорил её сын.

– Заходите в комнату, мои дорогие, хотя бы по рюмочке, – пригласила она и повела за руку Константина.

– Извини, Галя, мы ненадолго, скоро уедем. Спасибо моему другу Саше, он доставил меня к тебе, – произнёс Константин.

– Мы с Галей учились в одном классе, ты сидела на первой парте, помнишь? – вклинился в разговор Александр.

– И то так, – произнесла Галина Алексеевна.

Она достала из шкафа толстый фотоальбом и перелистнула несколько страниц. Взгляд остановился на снимке с изображением восьмиклассников с учителями. У Константина зануло сердце. Знакомые лица! Как давно это было!

Галина с Сашей вспоминали имена своих одноклассников, как звали учителей. А через несколько страниц лежали вырезки из районной газеты, их много.

– Я собираю всё, что ты печатаешь, – тихо проронила Галина Алексеевна и с улыбкой взглянула на Константина.

– Спасибо тебе, моя землячка, соседка. Но это тысячная доля моего творчества, кое-что посылал в районку, – сказал журналист. – Мои большие произведения опубликованы в толстых журналах, областных газетах. Ты их не видела.

– Молодец! Читаю и узнаю в описании родную улицу, наши домики, огороды в Павловке, речку.

Она умолкла, рукой погладила плечо своего бывшего соседа и продолжила:

– Около тридцати лет минуло, как я тебя видела в последний раз.

Вспомнили своих родителей, соседей, школу, многое другое.

– Нам пора ехать, дорогой, – напомнил Александр. – Время неумолимо.

Вышли во двор.

– Пройдём со мной, – предложила бывшая соседка и шагнула за дом.

Чисто у сарая, по травке разгуливали куры, цыплята, распевал петух.

– А вот мой огород, – указала она за сарай.

Константин взглянул и ахнул. Высокая ботва картофеля с яркими белыми цветочками, словно скатерть наброшена на зелень.

– И это всё сама?

– А кто же? Помощников у меня нет. Раньше с мужем обрабатывали, а теперь одна, – с грустью сказала она. – Муж был человек порядочный, трудолюбив, да рано покинул нас. Хотя, конечно, мне уже за семьдесят, а он постарше.

Константин не удержался и спросил:

– А где же парень-красавец с соседнего переулка?

– Николай?

– Точно, Николаем его звали.

– Моя первая любовь, юношеская, целомудренная. Его тоже нет в живых.

– Прости меня, Галя, не знал я об этом.

– Ничего-ничего. Судьба распорядилась так. Он уехал из Сибири. Приезжал к нам. С ним были его жена и дочка. Потом ещё навещался. Но я сказала, что приезды ни к чему. «Судьба любви сильнее», – как поётся в песне.

«Другого момента не будет», – подумал Костя и проговорил:

– Я, бывало, выйду на пригорок, греюсь на солнышке и жду, когда ты появишься во дворе. Какая красавица, умница!

– Так я тебе и поверила. Ты ведь был романтик, да, пожалуй, им и остался.

– Но ты слишком рано оказалось занятой. У тебя и детства-то почти не было.

Галина Алексеевна засмеялась, внимательно посмотрела на собеседника:

– Фантазёр ты, честное слово, фантазёр, не только в литературных произведениях, но и в жизни.

– Поверь, это так.

– Наша жизнь прошла, – сказала со вздохом Галина Алексеевна и взяла Константина под руку, поцеловала в щёку. И тут же заторопилась к выходу со двора.

У калитки стояли сын Галины Алексеевны, друг Константина Александр и полноватая женщина в коричневой кофте крупной вязки, на

голове цветастый платок. Увидев бывшую учительницу, она шагнула навстречу, пожала ей руку и проговорила:

– Спасибо вам, дорогая наша учителька, я так благодарна. – Дрогнули веки её глаз, скатилась слезинка. – Лёшу как подменили, грубого слова не скажет.

Женщина справилась с волнением, чуть улыбнулась и продолжила:

– Вчера получил зарплату и в подарок мне купил летнюю голубую блузку.

– Я рада, Акимовна, а Лёша – парень хороший, только слабохарактерный, вот и опутали его братья Вдовины, он по их примеру начал заглядывать в бутылку. Я постараюсь чаще с ним общаться, – сказала Галина Алексеевна.

– У вас гости, вы уж извините меня, я очень благодарна, дай Бог вам здоровья, долгих лет жизни, мои слова от всей души, – продолжила женщина.

Она поклонилась всем и быстрым шагом пошла к центру села.

– Обижал её внук, приходила в слезах. А Лёша – мой бывший ученик. Хороший был мальчик, сообразительный, сейчас работает электриком. Беседовать с людьми – моя обязанность, единогласно избрали председателем совета ветеранов, – сказала Галина Алексеевна и пошла прикрыть калитку.

... От села до трассы километров десять. Там ровный асфальт, а здесь гравий, попадались небольшие ухабы, отчего трясло. Константин молча глядел на берёзовые колки, яркие цветы среди буйной зелени на опушке леса, на голубое июльское небо.

– Что приуныл, дружок? – спросил Александр.

– Тоскливо на душе, Саша, что с нами делают годы! Может, не надо было заезжать? Пусть бы до конца жизни она оставалась передо мной всё той же красивой девушкой в голубом сарафанчике, я её любил, по-детски, юношески. Теперь всё это разрушено, и во сне ты я больше не увижу. Вот она, старушка, с морщинами на лице...

– Ну ты сказанул, – прервал друга Александр. – Надо радоваться. Сколько в ней энергии, жизнелюбия, искренности. В таком возрасте редкость. Вот мои соседи молоды, а огород заросший, видны осот да молочай. А здесь? Ни одного сорняка, какой цветник! А слышал как женщина благодарила её? Галина не замечает, что в третьем возрасте. Ну а морщины! Взгляни на себя, на меня. Седина, подбородок как у той птицы с длинным клювом.

При этих словах умудрённого в жизни друга Константин почувствовал, что теплеет на душе и подумал: «В самом деле, сколько времени прошло».

В нём рождалось новое чувство, чувство уважения к этой женщине, оно не детское, не слепое, осознанное. Нельзя заикливаться, надо принимать что есть. А есть человек: почти одинокий, но не сломленный, не согнувшийся. У женщины преклонного возраста активная, полнокровная жизнь. Это дано не каждому.

г. Новосибирск.

Я с ним просто дружил...

«Умер друг у меня, вот какая беда» – эта строка из давным-давно прочтённого стихотворения будоражит мою душу с тех пор, как 25 августа после звонка на сотовый телефон я услышал ошарашившее сообщение – умер Владимир Романович Гундарев.

За последние годы потерявший нескольких родных и самых дорогих и близких мне людей, я был буквально ошеломлён свалившимся на меня ещё одним ужасающим известием.

В начале 60-х годов прошлого столетия мы оба оказались в Целинограде, как тогда говорили, по зову сердца, хотя и во втором эшелоне (был такой фильм про целину – «Первый эшелон»). Он сначала работал на радио, а затем на телевидении. Много публиковался в газетах «Молодой целинник» и «Целиноградская правда». Его имя было на слуху по всему Целинному краю по замечательным статьям и репортажам о знаменитых первоцелинниках и малоизвестных тружениках целины, чьи фамилии с его лёгкой руки стали символами планеты Целина. Так пелось в одной из песен того времени.

Я трудился в краевом, а после ликвидации края в областном управлениях кинофикации. В общем, с Владимиром Романовичем в прямом и переносном смысле состояли в одном профсоюзе культуры, а ещё являлись активистами общества «Знание». Помаленьку в областной газете стали появляться и мои информации и зарисовки о делах киношных.

Хотя был вхож в редакцию газеты, но предложить свои стихи к публикации не мог осмелиться, поскольку понимал – в них чего-то не хватает, явно не тянут на «шедевры». Однажды обратился к Владимиру Романовичу. С его лёгкой руки изредка и мои стихи стали публиковаться в «Целиноградской правде», звучать в его передачах на радиостанции «Товарищ». Году в семидесятом, когда он вёл на местном телевидении программу «Рабочий», предложил мне написать стихотворение о рабочем человеке: «Тебе же эта тема хорошо знакома». Я замотал головой, мол, когда это было... И имею ли моральное право я, орудиями труда которого являются в основном рабочий стол да авторучка, воспевать порою нелёгкий труд рабочего? Неэтично как-то. Да и люди не поверят. Но дня за два до выпуска очередной программы Володя позвонил, сообщив, что я в числе приглашённых на его прямой телеэфир. Даже и теперь трудно передать словами не радость, а смятение, поскольку у меня для этой передачи ничего подходящего написано не было, а подвести товарища – не в моём характере...

За одну ночь в стихотворении, названном «Рабочей смене», высказал искреннюю гордость от тех ощущений радости труда, которую действительно испытывал когда-то от обучения в ремесленном училище и от работы слесарем на заводе «Трансмаш» в городе Барнауле. С Володиной подачи, учитывая те времена, стихотворение, как говорят, легло в строку, со всеми приятными для меня последствиями.

Кабинет Владимира Романовича во времена его работы консультантом в Целиноградском межобластном отделении Союза писателей Казахстана и наше управление находились на одном этаже здания Дома Советов. Бывало, проходя по коридору, заходил поздороваться и накоротке пообщаться. Надо сказать, редко заставлял его одного. К нему постоянно тянулись жаждущие получить выстраданную оценку своего вдохновенного творческого труда. Иногда приходилось быть свидетелем, когда «юные дарования» и не совсем юные, щеголяя своей

якобы образованностью, с такими амбициями и апломбом доказывали, что «ухватили чёрта за бороду». И с каким же терпением и тактом он выслушивал их, давал советы и рекомендации, но ни разу вслед уходящему, недовольному аудиенцией, я не слышал от него осуждающе-обвинительных реплик.

До сих пор на чудом уцелевших некоторых черновиках, против удачно написанных мною строк стоят его пометы, обозначенные знаком плюс, а на неудачных – минус, волнистой линией – надо поработать, уточнить образ или смысл. Впоследствии этим «упражнениям» посвятил такие вот строки: Пусть не дано мне потрясать/ Читателя глагольной мощью,/ «Заумно не стремись писать, – / Твердил мне мэтр. – Пиши попроще.// И словоблудьем не греши./ Умей с собой не соглашаться./Хоть радость или крик души,/ Но виршам надо отлежаться.// Что там, в галактиках витать.../ Познать бы здесь родную землю» и т.д.

Так на почве нашего преданного служения идеологии и культуре средствами кино, печати, радио и телевидения и обоюдной любви к литературе приятельские отношения постепенно переросли в настоящую дружбу, продлившуюся более сорока лет. В 1973 году у нас обоих происходят знаковые события. У Володи в издательстве «Жазуши» выходит первая книжка «Деревня моя деревянная». А меня со значительным повышением в должности переводят работать в Госкино Казахской ССР в Алма-Ату. При прощании на подаренном экземпляре – его первый для меня автограф: «Саша! Мне очень дорого твоё дружеское расположение. Искренне желаю тебе всего самого доброго, Володя». Потом таких подарков будет около двадцати. С более солидным дизайном, некоторые в твёрдом переплёте. И на каждом последующем издании будут всегда тёплые, искренние пожелания. Надо ли говорить, что такие знаки внимания очень дорогого стоили. Особенно его открытки и письма, не только по случаю праздников и знаменательных дат.

В Алма-Ате меня захлестнула работа. Володю волновало, что я перестал писать, а мне было не до лирики. Проза жизни заполняла всё пространство.

Но с Романычем мы не потерялись. В моих командировках в Целиноград или его в Алма-Ату всегда находили время пообщаться. Общения бывали такими желаемыми, что как-то при регистрации авиабилетов на Целиноград в аэровокзале так увлеклись взаимообменом информацией и даже не заметили, что она давно закончилась, и автобус уже в пути в аэропорт. Пришлось бежать и ловить такси...

Ещё в Целинограде впервые услышал по радио в исполнении знаменитой Ольги Воронец песню «Деревня моя», а затем и в исполнении Кубанского казачьего хора, на стихи Владимира Гундарева. А в середине восьмидесятых, пожалуй, каждое застолье вместо песни «Ой мороз, мороз...» теперь начиналось с «Деревеньки». И вот как-то поздно вечером, провожая гостей до остановки в сторону Первой Алма-Аты, нагоняем компанию, с пятое-на десятое перевирающую слова песни. Я принял близко к сердцу такое надругательство над столь любимым всеми произведением. Извиняясь, поправил текст, не преминув показать свою осведомлённость, что не всё стихотворение вошло в общеизвестный вариант песни. Пришлось доказывать, что у меня есть книжный вариант и граммпластинка фирмы «Мелодия» Ташкентского завода. Утверждая свою правоту, в западе спора ляпнул, что живу рядом, – пошли, покажу...

Когда ввалились впятером в квартиру, жена, убиравшая с праздничного стола, присела от неожиданности. Последовавший утром «разбор полётов» – это особый рассказ. Две пары хороших людей оказались общительными согражданами. С их слов следовало, что они, в общем-то, почти сразу поверили мне, но

уж больно необычно выглядело событие: вот так встретить человека, близко знающего автора таких проникновенных стихов...

И вот теперь передо мной лежит эта пластинка в 33 оборота, в потёртом времени конверте. Первой от центра надписью обозначена песня «Яблони в цвету» (Е. Мартынов – И.Резник) – Сергей Захаров. Следующая – «Деревенька моя» (М. Кудрин – В. Гундарев) – Нина Пантелеева, инстр. ансамбль п/у В. Берзина. Буквально вот такой текст. (Хотя Кудрина зовут Николаем). Володиной рукой надпись по полю наклейки: «Дорогому Саше – Александру Ивановичу и милой дружной семье Матвеевых с самым добрым целинным и деревенским отношением». Подпись. 12.4.76 г., Алма-Ата. Даже становится не по себе, что это уже история. Ушедшие годы, к горькому моему сожалению, от былого уже ничего не оставили. А в пожелтевшей газете «Труд» в интервью Ольга Воронеж поведала, как в Новосибирске композитор Николай Кудрин принёс ей «Деревеньку», и что песня стала ей очень близкой и дорогой. Но про автора таких проникновенных стихов – ни слова?! Берегу, как укор известной певице.

С чьей-то лёгкой руки про Владимира Романовича в узком кругу приходилось слышать такую шутку, что он последний помещик, который живёт на доходы от своей «Деревеньки». Это об авторских отчислениях, которые, вроде бы, до развала Союза исправно платились. Не спрашивал. Реально то, что в годы лихолетья им был создан литературно-художественный и общественно-политический журнал «Нива». В 200-м юбилейном № 8 журнала редакция выражает надежду на то, что в декабре 2020 преданный журналу читатель получит 300-й номер. Дай-то Бог. Найдётся ли такой энтузиаст, чтобы без каких-либо дотаций крутиться, как белка в колесе, без выходных и праздников.

Великая благодарность тем людям, что в трудную для журнала минуту помогли редакции материально, не дав угаснуть такому замечательному изданию, открывшему столько неизвестных имён в многонациональной литературе Казахстана. Теперь журнал знают на всех континентах земного шара. Более чем в тридцати странах ежемесячно знакомятся с электронной версией издания. Журнал неоднократно награждался Международными премиями, а его главный редактор приглашался в Америку, Южную Корею, Японию и Францию, не считая стран ближнего зарубежья.

Поражаюсь его трудоспособности. Успевал дотошно прочитать каждый готовящийся к выпуску номер, непременно находил время сказать доброе слово о людях, с кем долгие годы общался по работе и творчеству. Вот и в последнем номере статья Владимира Романовича «Быть голосом правды и сострадания», посвящённая 70-летию Дукенбая Досжана. Это не просто дежурный пирует известному писателю, а тёплые дружеские выкладки с анализом его творческого пути. Бывая в нашем городе, он непременно выкраивал время на дружеские встречи с близкими ему по духу и литературным делам людьми: Владиславом Владимировым, Ростиславом Петровым, Орынбаем Жанайдаровым, Василием Шупейкиным, Валерием Михайловым и давним его другом-целиноградцем Дукешем Баимбетовым, тоже недавно ушедшим в мир иной. Бывало, прибыв в Алма-Ату и устроившись, он первому звонил мне. Посвящал в план пребывания и время убытия, оговаривал время нашего общения. Провожали его почти постоянно – компанией. Светлый был человек. Ценил дружбу. Не «зазвездился». С ним не чувствовалось возраста, всегда собран, подтянут, с неизменной трубкой в руке. Гун-да-рев – будто бы касаешься руками струн арфы. Когда-то посвятил ему такие строки: В твоей фамилии лиричная мелодия./ Обласкан женщинами. Музою согрет./ Друзья зовут тебя, как в юности, Володею.../ И пусть грядёт седьмой десяток лет.

В последний его короткий приезд в начале февраля в Алматы, он останавливался у меня дома. Вместе радовались присуждённой ему Международной литературной премии «Алаш». По этому поводу я даже «вдруг распахнул меха гармошки, / которую не брал сто лет». Дурачились, проверяя себя на «народность». Я начинал частушку – он заканчивал, и наоборот. Ведь почти земляки. Одним дышали воздухом, сибирским. Вот фрагмент его автографа на одной из книг «Свет Родины, свет любви» – «... мы с тобой одного корня – крестьянского, мы с тобой люди простые, деревенские, что нас тоже роднит и сближает...». И не знали, что эта встреча – в последний раз. Созвонились по случаю дней рождения, очередного его награждения – медалью Пушкина.

Я не коснулся его творчества, как поэта, прозаика, журналиста, хотя взаглѐб проглатывал всё, что написано им. В прощальных статьях о нём коллеги отметили добрым словом основные успехи на его творческом пути. В Интернете Светлана Назарова посвятила большой вдохновенный материал его поэзии последних лет. Я благодарен судьбе, что посчастливилось много лет близко общаться с Владимиром Романовичем. А засылая в журнал очередной материал, никогда не докучал его главному редактору вопросами о сроках публикации. Знал, что он сам скажет, когда сочтѐт нужным.

Я с ним просто дружил...

Ещё не убрана с письменного стола книжка лирических стихов «Без пяти двенадцать» с дружескими тёплыми пожеланиями. Это его свежие стихи, читая которые, можно подумать, что они написаны влюблённым юношей, а не 68-летним человеком. Человеком, жившим бескорыстной любовью ко всему человечеству и к Земле, на которой оставил свой значимый след. Наверно, мы все, близко знавшие его, пока по инерции ещё не ощутили, какую огромную потерю понесли в человеческом общении, и насколько обеднеет многонациональная литература Казахстана, достойным полпредом которой он был всю свою жизнь.

P.S. Буквально на днях были с женой в одной компании. Две запоздавшие к столу гости после «штрафной» сразу затащили «Деревеньку», немного перевирая слова. Пришлось поправить. А потом тепло помянули автора, будто бы он был каждому лично знаком. Такова сила истинного таланта.

Александр МАТВЕЕВ.

г. Алматы.

Екатерина МОСИНА

Когда реки текли в гору

Воспоминания о том, чего многие не заметили

*М.А. Булгаков говорил,
что он ненавидит редакторов,
и ненавидеть их будет всю жизнь.
Не все редакторы одинаковы.
Анатолию Яковлевичу Загороднему,
моему первому учителю в редакторской работе, посвящаю.*
Автор

Вместо предисловия

«Все реки текут...»

«Все реки текут в море, но море не переполняется; к тому месту, откуда реки текут, они возвращаются, чтобы опять течь».

Книга Екклесиаста. Гл. 1, ст. 7.

Люди – как реки. Одни, как Ока в центре Орла: живут медленно, плавно, мощно, совсем не интересно. Другие, словно горная речка Весновка в Алма-Ате: шумят до головной боли, камни переворачивают, мути много создают. Помню северную реку Великую: чиста, широка, глубока и величава во славном граде Пскове. Помню степной Сал: извилист, как змея, с заворотами и петлями да с тёмно-коричневой водой, по Мартыновке в Ростовской области протекает. И безымянный ручей, истекающий из ледника на Чимбулаке, что на Медео в тьян-шаньских горах Алатау: маленький, звонкий, юркий, прозрачный, как слеза – из такого пить не страшно в любом месте. А зеленоглазая степная красавица Подгорная в дедовском селе Ильинке под Калачом: до того робкая, несмелая, местами пересыхающая от страха.

Такие же и люди бывают. И как рекам, им свойственно от источника к устью нести свои годы-воды, – к сожалению, очень быстро и незаметно: смотришь, а по руслу уже другие волны катятся.

Присловье:

- А где же те, кого мы знали?
- А нету? – истаяли в дальнем далеке.
- А кто же о тех, родных водах, вспомнит теперь, кто же о них свою сагу расскажет?
- А никто! Потому что и рассказчики тоже люди.
- А люди – как реки...

И как нельзя дважды ступить в одну и ту же реку, так же нельзя и дважды прожить своё время. И только мемуары позволяют опровергнуть эту истину, или, по крайней мере, они создают иллюзию повторения каких-то моментов, исчезнувших в дальнем далеке.

Да ещё если вдруг кто захочет выдумать свою историю, про некую «правду» той жизни, то мои описания пусть им помогут. Я не хочу, чтобы искажалось то, что было на самом деле, какими-нибудь домыслами, догадками и иными толкованиями. Если что и было, – оно здесь, на бумаге. Между днём написания и днём описания – пропасть почти что в четверть века; и память имеет удивительное

свойство крепнуть и разгораться тем ярче, чем пристрастнее начинаешь вспоминать, она – как мост из времени написания в то время – описания.

Лучшие помощники для памяти – письма, записные книжки, ежедневники, а уж если дневники есть, то это самое то, что надо. Теперь это документы. Не важно, что они могут быть далеки от реальности из-за своей субъективности, важно, что они сослужат памяти добрую службу. Листаю свои записи, перечитываю письма, словно в даль ушедшую смотрю и вижу чётко картины, которые, возможно, только я одна и отмечала для себя. У других были свои точки отсчёта, свои отметки – каждый делает зарубки в памяти строго индивидуально, сообразно со своим мироощущением на момент происходящего. И я готова к тому, что многие не заметили и не могли заметить того, о чём я тут пишу. Интерес этих записей, как и всякой воспоминательной прозы, – в их индивидуальном отображении реальности, происходившей с людьми в своё время известными и заметными в казахстанской литературе, и не только. А я – всего лишь скромный повествователь того, что было...

Кстати:

«Все реки текут...». Эти строки из Екклесиаста для меня как магическая формула. Можно мне назвать и свои воспоминания так же. Люди – это реки. Река – это время. Время – это память...

Но Время – это и забвение. «Все реки текут в море». Все люди соберутся в одном месте. И время каждого человека при слиянии составляет огромное пространство, неиссякаемый океан, который пополняется всё новыми и новыми реками – людьми.

«Все реки текут...», вызывая в памяти Реку Времени. Некоторые норовят называть её Летой или даже Стиксом: они также впадают в этот огромный океан Времени. И Лета, и Стикс – суть тёмное начало. Река Времени – это символ жизни, её течение – светлая стихия.

Вечна и неиссякаема Река Времени, в которой люди не исчезают бесследно, а остаются в истории, и, попадая в эту реку, люди заносят себя в скрижали вечной памяти человечества. Судьба всем даёт шанс. В реке вечной Памяти они могут отметиться. Пусть даже это будет один из её бесчисленных маленьких притоков.

У каждого есть своя Река Времени – память. Но многие люди пропадают бесследно в Лете – реке забвения, упустив бездарно свой шанс, так и не доплыв туда, где величаво и полно несёт свои воды Река Времени. И тот, кто доплывёт и попадёт в струю Реки Времени, тот уже не уйдёт бесследно. Это могут быть самые разные дела и самые разные поступки.

В Реку Времени попадают личности. К сожалению, и отрицательные тоже. А может, то, что они долго живут в человеческой памяти, всем нам очень нужно? Как же иначе мы будем помнить об их злодеяниях? Чтобы не допускать вновь это. Странно: чтобы помнить о Распятии, нельзя забывать Иуду, чтобы не забыть о Дне Победы, надо помнить о Гитлере. И это всё – Река Времени.

Невероятное дело! Реки текут в гору. Если эти реки – люди. Семь лет, пока я жила в Алма-Ате (со 2 мая 1981 года по 20 июля 1988-го), все реки для меня текли в гору. Это мои люди-реки собрались в одном городе, стоявшем в предгорье, а потому – выше над уровнем моря, чем те российские равнины, откуда я приехала. Но конкретно меня такую никто такой в Алма-Ате не ждал. Но именно меня здесь ожидало моё будущее, в котором были конкретные люди. Они обо мне не знали, и я никого не знала. Но время сводило нас просто и тихо. Кто-то тенью мимо проходил, кто-то зеркальным зайчиком проскакивал, с кем-то надо было здороваться, работать, пить чай, слушать голоса, прогуливаться по бульварам, ездить на Медео...

Человек всегда ставит в центр бытия себя, он по-другому и не может. И не понятен мне призыв посмотреть на себя со стороны. Для этого надо раздвоиться: одновременно быть «я» и «он». Пусть другие смотрят на человека со стороны, а сам он не может, если не страдает раздвоением личности.

Поэтому-то все люди-реки струились вокруг меня, а я была среди них островом – собственным Альтер-эго. Поэтому-то я вспоминаю о том, чего другие не заметили, потому что у других были свои реки и свои острова.

Магическая печать совпадений

Судьба подарила мне незабываемые встречи и возможность роскошного общения, снабдив при этом свой подарок той магической печатью, которую не все сумеют заметить и понять. В жизни каждого есть много такого, что если всё это попытаться осмыслить, то непременно получился бы интересный и захватывающий рассказ. Но беда в том, что немногие хотят и пытаются понять те знаки, которые судьба им преподносит. Живут они себе, живут и думают, что жизнь у них скучная и неинтересная. Как же можно! Ведь уже одни наши мысли – достаточный материал для того, чтобы вскрыть эту магическую печать совпадений, которой опечатывается всякая человеческая жизнь на земле.

Не стану уводить вас в дебри моих философствований о предназначённости каждого нашего пути, просто расскажу свои истории, связанные с моей работой в издательстве «Жазушы» в Алма-Ате, куда я попала по счастливому совпадению. Ведь это время неотделимо в моей памяти от многих и многих имён русских и казахских писателей, с которыми судьба мне подарила общение. Теперь, когда я вплотную занимаюсь исследованием пушкинского времени, я понимаю всю важность правдивых свидетельств современников о происходившем, ценность любой детали и приметы того времени. Возможно, кто-то также ведёт работу по изучению описываемого периода, прожитого мною в Казахстане. Надеюсь, что мои свидетельства пригодятся.

Сам приезд в Алма-Ату для меня был абсолютно не мечтаем. То есть, я мечтала учиться в МГУ – я там и училась. Я мечтала жить в большом городе – я там и жила. Но чтобы жить и работать в Алма-Ате – скажите, какому русскому, выросшему в российской глубинке, это может взбрести в голову?

Кстати:

Правда, был у меня первый звоночек, лет так за десять до того, как я приехала в столицу Казахстана. Сразу по окончании средней школы в Калаче, маленьком городке на юго-востоке Воронежской области, где выросла, я отправилась в «большую жизнь», как и многие в эти годы поступают. Жить под родительским кровом для меня было нестерпимо, не потому, что родители сильно опекали, а потому, что хотелось самостоятельно строить ту модель собственного бытия, о которой было задумано давно. Для того, чтобы поступить на факультет журналистики в МГУ, требовался трудовой стаж в два года, и лучше где-нибудь на производстве. Путём проб и ошибок я оказалась в степном виноградарском совхозе в Ростовской области у своей бабушки, где и стала зарабатывать необходимый трудовой стаж. Там у меня появилась подруга, которая очень настойчиво звала меня ехать к её тётке в Алма-Ату жить. И тогда моя бабушка весьма просто, даже примитивно, охладила мой пыл.

– Я как возьму большой дрын, так ты сразу забудешь, где она, эта Алмата, находится.

Конечно, бабушка меня ни разу в жизни не наказывала, но эта её угроза возымела действие. Я и про Алма-Ату забыла, и про подругу свою не вспоминала, которая всё же уехала в далёкие казахские края. Прошло два года, я

поступила в МГУ имени М.В. Ломоносова и была безмерно счастлива. У подруги в Алма-Ате жизнь не складывалась. Хотя она и писала мне письма, воспевающие её жизнь, присылала какие-то фотографии. Но у меня ни разу не возникло чувства сожаления, что я с ней не поехала. И когда я через два года уезжала в Москву на учёбу, подруга возвратилась из Алма-Аты, сбежав от своего мужа, без документов и почти что без вещей.

И для меня тогда было абсолютно ясно, что мне незачем ехать в этот далёкий город, что я никогда туда и не поеду, поскольку не было никаких оснований. Но как говорят умные люди «не зарекайся!», так и получилось.

Для того Господь положил магическую печать на мою судьбу, чтобы я сама смогла понять и оценить то стечение обстоятельств, приведших меня в Алма-Ату. Сюда моего мужа прислали на работу, а я тогда была при нём. До этого около года после окончания МГУ мы жили и работали в Орле. Когда муж сказал, что нам предстоит поездка в Казахстан, я обрадовалась, потому что хотелось жить отдельно от его родителей. Это моё желание самостоятельности было раз и навсегда исполнено. Как только мы приехали в Алма-Ату, все проблемы семейной жизни пришлось мне решать самостоятельно. Муж служил в Комитете госбезопасности и был очень зависим от своей работы.

Мы ехали в Казахстан из Москвы в СВ – спальном вагоне. Трое суток (!) нас мотало по перегонам и на стыках рельсов. Слово большая колыбель было наше купе. Выехали мы из Москвы 30 апреля 1981 года. Было холодно, местами даже лежал снег. Помнится, что и Волга в Саратове была подо льдом. Если представить карту нашей страны и выделить на ней наш путь, то по мере того, как поезд спускался вниз к подножию Алатау, за окном менялась и погода.

Менялись пейзажи, и нельзя было не заметить, что на станции Арал вдруг изменились и лица окружающих. До этого они были привычными, европейскими, а именно в Арале я обратила внимание на то, что на перроне огромная толпа азиатских скуластых лиц «с раскосыми глазами». До этого я никогда столько не видела иноземных лиц. Слово у Блока:

Да, скифы – мы! Да, азиаты – мы!

С раскосыми и жадными очами...

Я ощутила себя чужой и очень одинокой среди них. Это заблуждение длилось несколько минут, пока муж, вышедший покурить на улицу, не вернулся в купе.

Алма-Ата 2 мая 1981 года дохнула на нас зноем. Сумерки спустились с гор, но утопающий в неонах город вводил в заблуждение. Было светло, тополя шумели уже заматеревшей листвой. И только почти полное отсутствие людей на улицах говорило о том, что час был поздний, ночной. Эта довольно быстрая смена холодной апрельской Москвы и демисезонных пальто на летнюю тихую алмаатинскую ночь была ошеломляющая. Казалось мне, что я попала в какую-то дивную восточную сказку, или так далеко переместилась в пространстве, едва ли не на Марс. К тому же и архитектурные детали домов здесь были не типичные для России. Чистые улицы, обилие зелени и цветов – в этот город нельзя было не влюбиться с первого взгляда.

Мне довелось работать в самом избранном кругу – среди творческих, и этим для меня очень интересных, людей. Теперь, по прошествии многих лет, когда «большое видится на расстоянии», пришло время переосмысливания всех даров небесных. Не такие уж громкие имена у тех писателей – прозаиков, критиков, поэтов, чтобы делать сенсационные сообщения. Негромкими они были только потому, что на просторах огромнейшего государства и невозможно было быть всеми услышанными. Одна Москва да Ленинград только и были тогда громкими, а скорее – громогласными: их вынуждены были слышать (при этом не всегда

слушая), особого выбора не предлагалось. Казахстан – большая республика. Здесь тоже терялись голоса в бескрайних просторах. Но русских писателей было не так уж и много, – чтобы не услышать их голоса, надо быть абсолютно дремучим человеком.

Мне повезло с работой, найденной после долгих и почти безнадежных поисков. Это, может быть, первый дар Божий в Алма-Ате, помеченный магической печатью совпадений. Стечение обстоятельств. Если в двух словах, то я оказалась в нужное время в нужном месте. А предыстория длинна и немного запутана.

После выпуска какой-то книги в редакции русской литературы издательства «Жазушы» разразился скандал. Над всем издательством нависли чёрные тучи. Срочно были уволены «виновные» лица из редакции русской литературы. А тут ещё редактор Н. Муханова ушла на пенсию. Как известно, свято место пусто не бывает. На все вакантные места нашлось множество кандидатов, чтобы их занять.

Главным редактором по русской литературе стал Виктор Фёдорович Мироголов. И на место ушедшего на пенсию редактора уже имелся претендент в лице родственника одного из сотрудников редакции. Дело оставалось за малым: надо было, чтобы и новый главный согласился с его кандидатурой. «Ну как не порадовать за человечка», за которого вся редакция радела. Но главный не торопился принимать скороспелые решения, надо было вникнуть самому в то, что ему подсовывалось уже в готовом и разжёванном виде.

Если сменили главного, то следовало сменить и заведующего той редакцией, где произошёл скандал. Галина Александровна Теплицкая дорабатывала последнюю неделю и должна была уходить. На её должность также было много соискателей. А место редактора Господь решил придержать для меня. Я совершенно случайно ошиблась дверью, перепутала этажи и зашла не к тому директору и не того издательства.

До этого, исходив весь город поперёк и вдоль, получив везде однотипный отказ, я была в отчаянии. Не по своей прихоти поехала я на край света и не за туманами. Моего мужа направили в Казахстан в КГБ («контору глубокого бурения», как он говорил), а я, молодой специалист после декретного отпуска, куда от него денусь. Но нас здесь особо не ждали, и не спешили устраивать нашу «идиллию» в Алма-Ате. Не было жилья, месяц пришлось жить в недешёвой интуристовской гостинице «Джетысу» и питаться в ресторане. (Гостиница тогда предназначалась в основном для иностранцев). Денег не было. У меня работы не было. Никакими делами заниматься в гостиничных условиях я не могла. Хорошо что мы не стали брать сразу детей с собой, а то бы я ни за что не осталась в Казахстане.

«Контора» пыталась меня как-то трудоустроить, предложив должность корректора казахского языка в многотиражной газете фабрики «Кзыл Ту». Это была злая шутка: языка я не знала. При этом у меня была куча недостатков: я не являлась членом КПСС, у меня двое маленьких детей – а дети, как известно, много болеют, – но самый главный недостаток был в том, что я женщина. А на Востоке на женщин смотрят не так, как где-нибудь под Ростовом. И не только это: о женской дискриминации стараются умалчивать, наши люди принимают её как узаконенную данность.

Когда я в гостинице изнывала от безделья в ожидании хороших вестей от мужа, познакомилась с дежурной по этажу Таней Шурдук. После окончания института иностранных языков она давно работала в этой гостинице для иностранцев и была счастлива, что так хорошо устроилась. Я же этого не понимала. Мне казалось, что её должность для неё просто унижительная. Меня тогда ещё не

клевал жареный петух, я ещё не знала, какая эпопея с поисками места в Алма-Ате меня ожидает. Алма-Ата была столицей, вузов в ней предостаточно, как и предостаточно выпускников, желающих остаться в столице. Я со своим дипломом журфака МГУ имени Ломоносова почти совсем не котировалась, к тому же имела вышеперечисленные недостатки. Что делать в незнакомом и чужом городе, не знала. На это и пожаловалась Татьяне. Она, как женщина добрая и отзывчивая, старше меня на десяток лет, а значит и более опытная, взялась помочь мне. И познакомила меня со своей подругой, которая работала корреспондентом журнала «Кооператор Казахстана».

Людмила Васильевна Латынина (её визитку я до сих пор храню) – так звали подругу – повела меня в Дом прессы, где мы с ней исходили почти все этажи, раз сто рассказала я свою «сказку про белого бычка» – биографию, всем показывала свои публикации, сделанные в некоторых российских изданиях. Слушали – значит, какие-то вакансии были, отказывали – значит, перевешивали мои недостатки. Стоял май, в Алма-Ате было жарко, а мне, непривыкшей к такому климату, вообще казалось, что я попала в пекло. После безуспешных поисков я пришла в гостиницу голодная, уставшая, в отчаянии от невезения плакала. Но мой светлый ангел Татьяна не успокаивалась. Она опять теребила Людмилу, а та, бедняжка, уже не знала, куда меня ещё отвести, чтобы получить очередной отказ. Потом её вдруг осенило:

– А не хочешь ли ты изменить профиль работы? Мой муж – главный художник в издательстве «Казахстан», им требуется младший редактор. Может, пойдёшь?

Мы искали работу в газете или журнале. Ещё я надеялась на радио или телевидение. О работе в издательстве я не имела никакого понятия. Но я согласилась сразу же, потому что устала ходить по кабинетам. Так из Дома прессы, находившегося возле Центрального рынка, мы перешли на поиски места в Дом издательств, расположенный на углу проспектов Абая и Гагарина.

В издательстве «Казахстан» директор Сыздыков меня выслушал и предложил должность корректора, на этот раз на русском языке. Мои амбиции никак не позволяли мне быть корректором, мой диплом со специальностью «Журналист (литературный работник радиовещания)» был для меня фетишем, который подогревал мои мечтания о «хорошей» должности. Я недоумевала, почему это мне вместо одной должности предлагают другую. И допустила ошибку, которая для меня и оказалась судьбоносной.

С самым независимым видом, будто это не я ищу работу, а меня хотят заполучить в рабыни, я сказала... Нет, я не сказала «Нет!» прямо; у меня достало разума спросить:

– Вы мне позволите подумать и посоветоваться с мужем?

На что директор улыбнулся и сказал:

– Конечно!

Это и был мой приговор. Места для меня уже не было.

В приёмной меня ждала Людмила, которая, узнав, что мне вместо должности младшего редактора предложили корректорскую работу, возмутилась, и тем самым ещё больше подогрела мои амбициозные планы о творческой работе. Нет, нет и нет! Мы не согласны! Людмила пообещала дать нагоняй мужу, который нас так «обманул». И воинственно «задрал хвосты», мы расстались до следующего дня.

Теперь, когда я имею многолетний опыт по подбору кадров в собственное информационное агентство, вижу, как глупо и самонадеянно я вела себя при поиске работы. Я хотела сразу всё и чтобы его было много. Но, увы, так не бывает...

Оказывается, бывает!

Бывает!

Мне несказанно повезло после стольких «хождений по мукам». В этом я вижу Божественный жезл, который указал мне путь.

Наутро мы встретились с Людмилой, а кажется, что и не встречались даже, я ей позвонила из гостиницы. Голос у неё был растерянный и не такой уж воинственный.

– Муж сказал, что мы дуры, что надо было соглашаться и на корректора. Хотя бы зацепиться, а там он поможет продвинуться...

Я рванулась в издательство. Запахавшись, я ввалилась в кабинет к директору издательства «Казахстан» товарищу Сыздыкову и выпалила своё согласие. Но он остудил мой пыл.

– К сожалению, место уже занято.

Я едва не плакала:

– Да как же так? Вы мне позволили с мужем обсудить...

– У нас вышла из отпуска работница и заняла это место, – отрезал директор. Но, видя, что я вот-вот расплачусь, смягчил гнев на милость: – В издательстве «Жалын» требуется редактор, я позвоню, пойдёте туда?

– Да, – выдохнула я.

О чём на своём языке казах с казахом говорили по телефону минут пять, я не понимала. Стояла, как идиотка. Чувствовала, что не самые приятные эпитеты в мой адрес идут, но улыбалась. И терпеливо ждала. Наконец директор положил трубку и сказал:

– Идите сейчас на шестой этаж, там вас Калдарбек ждёт.

Я пошла по лестнице и просчиталась. На пятом этаже я бесцеремонно вошла в кабинет директора. Там трое мужчин, сидя у окна, что-то обсуждали, и я их отвлекла. Я поздоровалась и сказала, что это я, и что я пришла. Недоумевающие взгляды трёх казахов заставили меня немного смутиться.

– Но ведь вам только что звонил Сыздыков, директор издательства «Казахстан».

– Никто не звонил...

Я вновь готова была расплакаться.

– Ну как же не звонил? Он же долго говорил с вами и послал меня к вам в «Жалын»!

– А это не «Жалын», а «Жазушы». «Жалын» – выше, – мягко ответил мне один из сидящих в кабинете.

Как же казахи любят звук «жа»! Я готова была провалиться от стыда, извинившись, пулей вылетела из кабинета и побежала в издательство «Жалын» на шестой этаж.

Директор Калдарбек Найманбаев был нестарый, огромный, мощный, которого впоследствии моя коллега Лена Шкловская охарактеризовала так: «Самый уважаемый, стройный, изящный из казахов». Он меня внимательно выслушал и сказал, что ему требуется редактор в... казахскую редакцию. Меня это очень возмутило. Возмутил его взгляд, возмутило то, что меня пинают из кабинета в кабинет, возмутило, что опять у меня не будет никакой надежды. И... меня прорвало:

– Ну, конечно же! Как можно меня принимать, если я не знаю языка, к тому же не член партии, а ещё у меня маленькие дети, и я ещё женщина и при том русская... – эту тираду я выпалила, захлёбываясь от возмущения и обиды.

Сердце казаха дрогнуло, он решил не связываться с такой сумасшедшей, поспешил меня успокоить:

– Я точно знаю, что в издательстве «Жазушы» есть место русского редактора. Я сейчас позвоню Виктору, он вас возьмёт к себе.

Мне была оказана честь. Виктор Фёдорович Мироглов поднялся на шестой этаж и едва ли не за руку отвёл в тот кабинет, куда я так бесцеремонно ввалилась полчаса назад. Вся компания была в прежнем составе: директор, главный редактор и юристконсульт издательства «Жазушы» – самые те люди, которые принимают на работу. А директор Абильмажин Жумабаевич Жумабаев, добрый и мягкий Абики, улыбнулся и сказал:

– Ну вот, если бы вы нам сразу объяснили, что ищете работу, то и ходить никуда не надо было бы.

Нетушки! Как раз это хорошо, что так получилось, а если «сразу», то опять бы мои «недостатки» перевесили. Здесь же во мне были открыты все мои достоинства: опыт работы в журналистике, диплом Московского университета(!), хорошее знание русского языка... Просто подарок, свалившийся с неба, а если точнее, то с шестого этажа.

Как впоследствии выяснилось, главный редактор издательства Есет Екеубаев оказался братом того человека в «конторе», где работал муж, который якобы старательно искал мне работу и кроме как корректорской должности в казахской многотиражке мне ничего не смог предложить. Это, к слову сказать, так «заботились» в КГБ о трудоустройстве жён своих сотрудников. Пока сама не стараешься...

Было 27 мая 1981 года, четверг, мне было 26 лет. Я обрадовалась, что наконец нашла работу и беспечно заявила, что выйду с понедельника. Тут опять вмешалось Провидение в лице главного редактора по русской литературе Виктора Фёдоровича Мироглова.

– Нет, так дело не пойдёт, выходи завтра. Зато в понедельник будешь уже своим человеком, – резонно сказал он и отвёл меня в редакцию русской литературы.

Меня встретили сдержанно, даже с холодком. Такой напыщенности я не ожидала. Заведующая не в счёт, с неё взятки гладки: она всё равно уже почти уволилась. Кайрат Бакбергенов, редактор по поэзии, сидел с невозмутимым видом и не собиравшись как-то вступать в контакт. Вёл он себя как баловень судьбы и дамская игрушечка (не следует путать с дамским угодником). Кстати, если за всё наше совместное время работы мы и произнесли с десяток слов друг с другом, то это хорошо будет, а работали мы не один и не два года вместе в одном кабинете. Он был редактором по поэзии, иногда прихватывал и прозу. И в жару и в холод у него на шее был намотан красный шерстяной шарф, который ему очень шёл. То ли он по пионерскому галстуку скучал, то ли шарф ему подарила любимая женщина, а может, он хотел кого-то напоминать, скажем, Виктора Цоя. Часто пел, подыгрывая себе на гитаре. После такого пения я как-то написала:

Казахский мальчик в шарфе красном,
с глазами быстрыми, как лань...

Рабочий стол редактора Галины Алексеевны Дмитриевой был рядом со столом Кайрата, и они всё время переписывались, подавая друг другу записочки, совсем этого не скрывая. Было неприятно: словно они шушукались за спиной, что на самом деле и было. Как потом доверительно мне сообщили, у них развивался служебный роман. Но сплетни меня интересовали мало, хотя эта новость помогла мне не культивировать в себе комплексы по поводу не совсем тёплых отношений с этими коллегами по работе.

Хитрый Толя Загородный пробежал по мне взглядом, сверкнувшим разок такой «молоньёй» любопытства, от чего тоже мне стало неловко. Но тут же он степенно уткнулся в работу.

Младшего редактора, Анны Павловны Тимофеевой, на месте не было, она была в отпуске. Вот и весь мой новый коллектив, с которым надо было дружить, считаться и уважать. Прав был Мироглов: следовало выйти в пятницу, чтобы понедельник был уже рабочим днём. Потом он мне объяснил, что если бы я не пришла в пятницу, в понедельник на моём месте сидел бы родственник Гали Дмитриевой. Благодаря Провидению, я оказалась в нужное время в нужном месте. Ситуация была такая в редакции, что нужен был новый «ничей» человек, которым оказалась я.

Придя в «Жазушы», я и представления не имела, что это за работа такая. Но все семь лет, которые я потратила на выпуск чужих книг, пошли мне на пользу. В моей нынешней работе, а её у меня бесконечно много, и вся она разная, – бывает, что и очень интересная, – мне так пригодился тот бесценный опыт, который я там получила. К тому же тот период жизни теперь развивается в новом для меня направлении – я открыла своё издательство «Река Времени».

Работа начинается с пятницы

Когда вас не ждали, а вы всё же являетесь, то тут не то что «хуже татарина», тут вы становитесь самым вредным человеком на земле. Вот в таком положении оказалась и я, когда мне упала в руки моя счастливая звезда. Поэтому и сидели все в редакции молча, поэтому и обменивались демонстративно записочками редактор по прозе Галя Дмитриева с редактором по поэзии Кайратом Бакбергеновым. Загородный сидел, уткнувшись в корректуру. Заведующая Галина Александровна Теплицкая старалась «надыхаться перед смертью» – что-то сосредоточенно дочитывала перед уходом из родного коллектива. До меня никому не было дела. Зашёл Мироглов и спросил, как я устроилась. Я пожалала плечами. Он распорядился, чтобы мне дали работу. Переглянувшись с коллегами, Галина Александровна сказала:

– Анатолий Яковлевич, дайте Екатерине Ивановне «Чёрный Иртыш».

Старший редактор Загородный, наверное, не очень хотел меня «предавать остракизму», я даже уловила в его взгляде сочувствие. Он достал из шкафа папку с бумагами и положил мне на стол:

– Тебе надо пока прочитать всё, – с участием сказал он. – Что непонятно – подчёркивай, ставь вопросы.

На этом обучение новой для меня работе было закончено. Но это не значило, что и вопросов у меня не было. Роман-хроника А Мина и Ростислава Петрова «Чёрный Иртыш» был написан на историческом китайском материале. Для меня в самом прямом смысле это было китайской грамотой. После каждого абзаца возникала куча вопросов. Когда их набралось много, я позвонила мужу на работу. Мужа я всегда считала неоспоримым для меня авторитетом в вопросах политики и истории.

– Валера, у нас по Китаю что-нибудь есть? Тут столько надо уточнять...

Муж попросил не отвлекать его на работе, предложил подождать до вечера. А Теплицкая мне заметила:

– Один из авторов Петров сам жил в Китае, знает хорошо и язык, и историю.

Мне дали понять, что особенно уточнять ничего не надо, автор материалом владеет отлично. Тем не менее я нашла какие-то мелочи, которые мне показались не совсем корректными.

Не могу теперь точно сказать, сколько я прочла в первый день, возможно, страниц десять. Я добросовестно пыталась переписать некоторые предложения, правильно расставить знаки препинания, исправить опечатки, если находила. К концу рабочего дня я была удовлетворена своей работой, и мне она очень

понравилась. Мой первый рабочий день в издательстве «Жазушы» пришёлся на пятницу. Мудрый Мироглов был прав, когда предложил выйти на работу в этот день. В понедельник я уже знала, что буду делать: у меня была рукопись, над которой следовало трудиться.

Конечно, это не был новый литературный шедевр, даже литературой, по моему мнению, это нельзя было считать. Не без иронии скажу, что мой изысканный вкус к литературе, взращённый на шедеврах мировой классики в стенах Московского университета, был несколько растерян. То, что мы «проходили» по всем литературам, здесь не имело почти никакой силы. Книга стояла в тематическом плане издательства, и я должна была её выпустить. Не я туда её рекомендовала, и не со мной советовались, ставить или не ставить этих авторов в план выпуска. Судить нам, простым редакторам, было не дано. И это хорошо: не судите, да не будете судимы. Поскольку формированием издательского портфеля занимались другие лица, они и были судьями. С них теперь и спрос о развитии литературного процесса в то время. Очень даже возможно, что были где-то истинные шедевры, но из-за таких судей они не могли попасть в планы издательств. В мои же редакторские функции входила добросовестная подготовка очередной книжки для выпуска в свет.

Кстати:

Если меня не ждали в этой редакции, и более того, – я нечаянно заняла место, уже распределённое родственнику Гали Дмитриевой, – то это не было для меня поводом горевать, кусать себе локти и посыпать голову пеплом. Когда мне что-то было непонятно, я не стеснялась и задавала моим коллегам вопросы. У Гали было невозможно что-то спрашивать. Она то разговаривала по телефону – до нашей редакции она работала в Министерстве торговли, у неё было множество знакомых, которые ей продолжали звонить; то она беседовала с очередным автором – работы у неё было много; то переписывалась с Кайратом. Он же иногда смотрел в потолок, очевидно, сочинял стихи или раздумывал о своём. Улучив момент, я к нему обращалась с вопросами, на которые он только пожимал плечами, явно демонстрируя своё нежелание вступать со мной в разговоры.

Один Толя Загородний старался мне помочь. И мы с ним быстро оказались накоротке. Он ко мне на «ты», и я к нему так же. Тогда Галя прислала мне записочку: «Советую Толю и Кайрата называть на «вы» – они уже состоявшиеся: Толя – прозаик, Кайрат – поэт». Меня, ещё несостоявшуюся, взявшуюся неизвестно откуда, так озадачило это послание, что я тут же послала ответ: «А как мне называть тебя?». Галя записку демонстративно уничтожила. Но, забегая вперёд, скажу, что у нас с ней отношения были хорошими до самого её отъезда в Москву, где её муж Володя сделал отличную комсомольскую карьеру. Даже потом, живя в Воронеже, я бывала у неё в квартире на улице Молдагуловой в Москве. И мы с нею долго переписывались. Кажется, на её место потом взяли Веру Галактионову, теперь громко известную писательницу, а тогда безызвестную, подающую надежды, приехавшую в столицу Казахстана из Уральска.

По всем параметрам рукопись, данная мне первой для работы, была очень сложная не только для начинающего, но и для более опытного редактора. Она залежалась в шкафу, потому что никто не торопился ею заниматься. Специфика материала предполагала большие хлопоты и много суеты. Но в редакции я была тем человеком, которого никто не ждал, которому можно было «подложить свинью» в назидание, и если что вдруг, то всю ответственность свалить на меня же. Тогда ведь был такой отдел, как ЛИТО. Я так и не знаю до сих пор, как это точно расшифровать, но это была цензура. Это было опасно для такого «зелёного» редактора, как я, но всё обошлось без особых приключений.

Тогда я сделала профессиональную ошибку, правда, по незнанию. Когда я «отредактировала» рукопись, я не встретила с авторами, не побеседовала с ними. Просто не догадалась, что это обязательный элемент профессии редактора, а коллеги мне не подсказали. Увлёкшись процессом редактирования, я сделала, на мой взгляд, незначительные сокращения. Но оказалось, что автору Ростиславу Викторовичу Петрову эти фрагменты очень важны, и он был против таких сокращений. Долго он сомневался в моём профессионализме, и это было справедливо. После выхода книги он только месяца через три счёл возможным зайти в редакцию и подарить мне экземпляр. Я так и не узнала, кто же был первый автор – А Мин, но догадываюсь, что это сотрудник из органов.

Из коллекции:

То, что я выпустила, было только первой частью романа. Это отражено и в дарственной надписи, сделанной Ростиславом Викторовичем: «Екатерине Ивановне Мосиной – редактору первой книги – с пожеланием здоровья и дальнейших больших успехов – авторы первой книги. 29.VI.82. Р. Петров, А Мин». Он дважды повторил слова «первой книги», наверное, намекая на то, что вторую книгу они мне не доверят. Книга вышла почти через год моего пребывания в издательстве. Таков был процесс издания книг в то время в нашем издательстве «Жазушы».

Кстати:

Хотя и не во всём согласились авторы с моей редакторской работой над их книгой, отношения с Ростиславом Викторовичем Петровым у нас остались вполне дружескими. Приходилось встречаться и в редакции журнала «Простор», где он работал ответственным секретарём, и в Союзе писателей на совместных заседаниях по итогам издательского года, которые постоянно тогда проводились. Приглашали авторов, издателя, критиков, всех заинтересованных в развитии литературного процесса людей. Зная о моём увлечении биографией Пушкина, конкретно его дуэль с Дантесом, Ростислав Викторович подарил мне книгу Стелы Абрамович «Пушкин в 1836 году». Что и говорить, это был роскошный подарок. Даже по нынешним временам это издание имеет несомненную ценность.

Из коллекции:

Вслед за первой самостоятельно отработанной книгой появилась и вторая. Читаю дарственную подпись, которая сделана неделю спустя после «Чёрного Иртыша». «Милой Екатерине Ивановне с пожеланием здоровья, счастья и терпения в её нелёгком редакторском труде. 6 июля 1982 г.» – написала Надежда Георгиевна Поведёнок на своей книге «И все тревоги дня».

Это была «женская» проза. Читалась рукопись легко, особых «закруток» в стиле Надежды Поведёнок не наблюдается. Всё сработано гладко, повествовательно, размеренно, автор умело удерживает внимание читателя, а это не часто встретишь.

С той книги у нас с Надеждой Георгиевной начались долгие дружеские отношения, которые нельзя назвать крепкой дружбой, только в силу того, что у Надежды Георгиевны и без меня друзей хватает. Я тогда её попросила подарить эту книгу «женской» прозы и моей маме. Что Надежда Георгиевна с удовольствием сделала. А я немедленно отослала дарственный экземпляр мамочке, чтобы она смогла мною гордиться. Ведь мои подруги детства жили в Калаче, работали где придётся, варили борщи и жарили котлеты. Какая там литература, какое там чтение? А мои авторы дарили моей маме свои книги. Разве это не могло быть предметом её гордости?

Следующую книгу Надежды Поведёнок «Жили-были» также выпускала я. Своего автора я познавала по её произведениям. Она написала историческую повесть о греческой героине Бобелине Ласкарине, много интересного материала в её документалистике о советских актёрах Борисе Блинове – исполнителе роли Фурманова в фильме «Чапаев», о почти уже забытой актрисе Софье Магарилл. И также близкие мне по духу бесхитростные повествования о женском счастье были включены в сборник «Жили-были».

Из коллекции:

«Екатерине Ивановне с уважением на добрую память о совместной работе с пожеланием долготерпения в работе с нами, грешными. Поведёнок», – к сожалению, дату указать она забыла. Судя по выходным сведениям, книга была издана всего за восемь месяцев, в конце 1985 года.

После того как была выпущена книга, Надежда Георгиевна часто заходила к нам в издательство. Кажется, она собиралась на пенсию, ей нужны были какие-то справки. Она часто болела в алма-атинском климате, впрочем, как и я. Мы с ней даже обменивались народными рецептами. Она мне рассказывала, как пила сок картофеля и отвар корня лопуха от язвы желудка, чем это закончилось. Когда болит, то будешь пробовать всё, что помогло другим. Но у меня был особый случай, и в конце моего алма-атинского периода, спустя семь лет, я почти не покидала больничные покои. В те редкие дни, когда я навевывалась на работу, как-то встретила Надеждой Георгиевной. Она шла к лифту, а я из него выходила. Мы остановились поговорить. Надежда Георгиевна сказала:

– Приходила я как-то к вам в редакцию, вас не было, а оне варили вам редакционный суп.

Мы засмеялись вместе над удачным использованием старинной формы местоимения, выражающего третье лицо множественного числа женского рода. Мало кто знает это слово. Французский журнал для женщин «Эль» в переводе на русский язык обозначает именно «Оне». Нам это ещё в университете наша «французенка» – преподаватель по языку – говорила, когда журнала такого мы не могли видеть, потому что в СССР он не издавался.

В устах Надежды Георгиевны это значило, что мои коллеги готовили мне передачу в больницу на работе. Мне очень повезло, что в нашем «серпентарии» – так простенько и «ласково» мы называли свою редакцию, состоявшую в одно время почти из одиноких женщин, – водились очень отзывчивые и сердобольные люди. Они знали, что в Алма-Ате у меня не было родственников, что жила я в тот период абсолютно одна. Всё время лежала под капельницами, должна была соблюдать строгую диету. Вот мои коллеги и старались облегчить мою участь, за что я им всегда буду бесконечно благодарна.

Из коллекции:

По причине недуга я не смогла работать над очередной рукописью «моего» автора Надежды Георгиевны Поведёнок. Новая её книга называлась «Кукушкины слёзки», куда включён был роман «Дом под рябинами» и рассказы. Но книга была мне подарена, и с такой «заклинательной» надписью: «Дорогой Катерине Ивановне со всеми чувствами. Ну, будьте Вы здоровы! Поведёнок. 14.3.88».

Параллельно с больничными я занималась обменными делами. Потому что было ясно: одинокой и больной в таком тяжёлом климате мне выжить будет сложно. Удивляюсь, как только смогла я это осуществить. Наверное, молодость – это такая сила, которая одолеет что угодно. В июле 1988 года я покинула свой

родной коллектив, любимое издательство и милую Алма-Ату. Как только приехала в Воронеж, то развернула активную переписку со своими друзьями, которых у меня было великое множество в Казахстане. Обменивались письмами мы и с коллегами.

Кстати:

Алёна Швыдко, моя коллега по редакции русской литературы, напомнила мне, что уехала я быстро и без лишних слов: «... Отъезд по-английски это хоть и элегантно, но как-то не по-дружески, согласись...». Согласилась. Хотя мне казалось, что все знали о моём отъезде, но особенно этому не придавали значения. И далее для меня трогательно приятные строки: «... Недавно посетил меня с визитом Загородний, поминал тебя добрым тихим словом (серьёзно)... Надписывала сейчас конверт, какой замечательный русский адрес – и город, и улица, даже захотелось страшно в Россию...» (16.10.88). (Город – Воронеж, а улица – Пешестрелецкая).

Анна Павловна Тимофеева, проработавшая в издательстве очень долго, под конец карьеры, ближе к пенсии, тоже получила должность редактора. Она была нашей палочкой-выручалочкой. Всегда можно было у неё спросить о правилах русского языка. Это ходячий словарь, кладезь знаний! Она мне писала, что происходит в редакции. «Петровский долго не мог поверить, что ты уехала совсем, и несколько дней приходил и с дрожью в голосе, и с радостной надеждой услышать отрицательный ответ задавал одни и те же вопросы: «Так Катя вправду уволилась? А она не вернётся? Она действительно уехала или ещё здесь? Ведь у неё ещё отпуск! Или вы шутите?». А Шумский долго и задумчиво молчал, потом произнёс: «Она ещё вернётся, подожди немножко».

Я до сих пор не понимаю смыслового оттенка этой фразы. Петровский – это очередной заведующий редакцией русской литературы, из журналистов. Работа в издательстве – это совсем не то, что в газете. Он был несостоятельным руководителем. Шумский – очередной главный редактор по русской литературе, тоже из бывших журналистов. Очень степенный, чрезмерно следивший за соблюдением субординации.

Далее добрая Анна Павловна писала: «...Жизнь в издательстве идёт своим чередом, многие о тебе спрашивают, и все с удивлением говорят: «Как уволилась? Неужели? Почему?» и передают тебе привет: бухгалтерия, производственный, корректора, из редакции Шинбатырова пожилая женщина так просила тебе передать привет, а я не знаю, как её зовут...».

От таких писем было тепло и приятно, но хотелось плакать от чувства, что безвозвратно всё это потеряно. Воронеж принимал меня истинно по-воронежски...

Не помню, как я решила написать письмо и Надежде Георгиевне. С тех пор наш «эпистолярный жанр» продолжается. Был длительный перерыв, я потеряла её из виду. Но совершенно случайно нашла адрес её дочери в Петербурге. Написала письмо, чтобы узнать о судьбе «моего» автора Надежды Георгиевны Поведёнок. И была очень рада, когда мне ответила сама Надежда Георгиевна. Я попросила её обращаться ко мне на «ты», поэтому некоторые её письма идут с «вы», а некоторые с «ты». Это не должно казаться странным, когда я привожу цитаты из её писем, а привожу я их очень часто. Именно она сообщила мне последние новости о тех писателях, кого я тоже знаю или знала. Ведь люди – как реки: одни наполняются, другие пересыхают, кто-то продолжает нести свои годы воды, а кого-то давно уже нет с нами. И моя Река Времени – река Памяти – обнажит некие берега, где каждый сумеет посидеть, подумать и вспомнить свою жизнь и всех людей, с которыми довелось тесно общаться.

Кстати:

В Воронеже.

10 апреля 2007 года во второй день Светлой седмицы я позвонила воронежскому поэту Виктору Фёдоровичу Панкратову. Вот наш диалог.

– Виктор Фёдорович, добрый день! Христос воскрес!

– Воистину воскресе! – голос у него бодрый, хотя только что отлежал в больнице.

– Я тут, пока мы с Вами не общались, мемуары написала...

Он перебивает:

– Если вы сделали то, чего я не успел сделать, то скажу, что любая память, любое слово памяти сейчас на вес золота. Это хорошо.

– Я об Алма-Ате написала. И хотя писателей казахстанских в России мало кто знает, я должна была о них вспомнить.

В моих алма-атинских встречах я не нашла такого, о чём можно было бы умолчать. Мне не страшно и не стыдно рассказывать об этом людям. Я рада, что память моя помогла мне, и что она оказалась доброй.

Герт и Руфь

Герт.

Герт, о Герте, с Гертом, Герта...

Такие вот склонения непонятные. Гораздо чаще произносилась его фамилия, чем имя-отчество. Это понятно: наш язык склонен к экономии речевых средств. Ю-ри-й Ми-ха-й-ло-вич – это гораздо длиннее, чем просто Герт, а ещё короче – по обращению – Юра. Его так многие и называли: Юра Герт – друзья. А для меня он был никакой не Юра, только Юрий Михайлович или только Герт.

Кстати:

Недавно позвонила я в Питер Надежде Георгиевне Поведёнок.

– Надежда Георгиевна, я тут о Герте кое-что написала, хочу вам отослать на рецензию.

– Гм, а почему о нём?

– Как почему? Мы с ним книги выпускали, я его «Колокольчик...» делала...

– Гм, а вы с ним флиртовали?

– Да что вы! Как вы это себе представляете? Флиртовать с Гертом! Ха!..

Поговорив ещё немного о планах, договорившись о рецензии, кладу трубку. Это хорошо, что Надежда Георгиевна так прямо спросила. Наверное, какое-то подозрение было у кого-то. Я так носилась с этим автором, что не удивлюсь, если и он сам думал, а не хочу ли я с ним флиртовать. Так надо всё откровенно поведать: что, как и когда мы с ним делали. Ни приукрашивать, ни привирать – нет надобности. Всё, что со мной происходило в Алма-Ате, само по себе необыкновенно интересно. Без домыслов: что было, то было; и оно на бумаге...

Я пришла в издательство в начале восьмидесятых; фамилию этого писателя услышала из воздуха: кто-то что-то говорил. Потом оказалось, что редактор Галя Дмитриева выпускает его книгу «Ночь предопределений». У меня своей работы было много, до того ли, чтобы у других редакторов выпытывать об их делах. Ну работает и работает. Созванивается, что-то доказывает.. И всё: Герт, Герт, Герт. Потом Галя уехала жить в Москву, а Герт остался. И его новая книга стояла в тематическом плане издательства. И пока её никому не распределили. А у меня было затишье. Мне и пришлось взяться за его «Колокольчик в синей вышине». Начала работать и тоже, как и Галя: Герт, Герт, Герт. Вот записи, солгать не дадут:

«5.12.83. Обещал зайти Ю. Герт, но после обеда я не смогла пойти на работу.

6.12.83. Ю.М. принёс мне книгу Вересаева «Пушкин в жизни», т. I.

8.12.83. Ю.М. принёс в подарок к прошедшему дню рождения книгу Т. Цявловской «Рисунки Пушкина». Обещал подыскать рассказ для перевода, пригласил в гости на чай поговорить о судебном процессе».

В то время я была очень увлечена изысканиями по Пушкину. И Юрий Михайлович удружил мне ценнейшее издание Вересаева 1936 года. Я надолго заседала за эту книгу, сделала множество выписок, отметила для себя особенно интересные факты. Книга тогда в стране издавали не достаточно, чтобы удовлетворять запросы. Среди залежей материалов партийных съездов, речей деятелей партии, среди прочей подобной макулатуры редко встречалось то, что следовало бы читать.

«13.12.83. Решился вопрос с Ю.М. о сдаче рукописи в пр[оизводст]во... Возле лифта встретила с Ю.М., он спешил, был чем-то расстроен. А после всё решилось в его пользу.

14.12.83. Рукопись Герта сдана в пр[оизводст]во.

28.12.83. Общалась с Ю.М.

19.01.84. Звонил Ю.М. Договорились о встрече, обнадёжил с пер[еводом]».

Я тогда искала любые способы заработка, мне надо было детей поднимать. Знала, что переводы с казахского по подстрочникам – довольно хорошая кормушка. Вот поэтому мне так и не досталось ничего. Хотя мой автор и работал в журнале «Простор», где было проще раздобыть какую-нибудь повестушку, но обещания своего не сдержал.

«20.01.84. Была в гостях у Ю.М. Герта, ездила за книгой В. Вересаева [второй том]. Анна Петровна – милая женщина. Говорили много... Больше всего меня заделали детские строки, написанные самим Ю.М. отцу на фронт. На почтовой открытке, почти как мой Санька сейчас пишет письма деду».

Посещение писателя меня впечатлило. Я смотрела фотографии, листала какие-то бумаги, – всё это было неотделимо от той книги, над которой мы работали, выпуская её в свет. Я имела возможность увидеть портреты прототипов тех персонажей, которые успела полюбить. Как будто в маленький музей попала. Анна Петровна, жена Юрия Михайловича, радушно предложила мне отобедать, угостила своим коронным пирогом с лимоном. Изысканное блюдо! Герт называл жену не иначе, как Анка. Ощутимо было, что они живут заботами друг о друге. Это всегда так славно и приятно наблюдать.

«22.02.84. Написала стих[отворении]е для Герта.

23.02.84. Обед в С[оюзе] п[исателей]. Беседа в баре. Были: Ю.М. Герт, В. Берденников, Ю. Рожичын, В. Михайлов, В. Антонов, Вера Галакт[ионова], Толя Загор[одний], А. Егоров, Ольга [Поповиченко] и я. Герт получил своё стих[отворени]е. Особого восторга у него не произошло. Но он сказал, что я очень добрый человек. И пошёл с нами в бар».

Жаль, что не догадались мы сфотографироваться, славное бы получилось фото! Но тогда это было сложно, специально с аппаратом никто не ходил. Это сейчас можно решить проблему моментально, а в то советское время во всём был дефицит, да и техника не была развита так, как сейчас.

Сначала мы долго толковали наверху, в холле. День был праздничный, но рабочий. Мы всей редакцией отправились в Союз писателей, где была и редакция журнала «Простор». Собственно, наша редакция и редакция журнала дружески встретились. Скорее всего, это было большое заседание в Союзе писателей Казахстана по итогам предыдущего года русской литературы.

Я смутила Юрия Михайловича тем, что при всей этой компании поздравила его с праздником 23 февраля и в качестве подарка прочла ему своё стихотворение. Написала я его накануне, после работы с корректурой его книги «Колокольчик в синей вышине». По сути, я переложила на стихи сюжет его новеллы «Дуэль». И ещё неоткатанное, сыроватое, но с пылу-жару я его и прочла. Читала я неважно, волновалась, ведь меня слушают писатели, поэты и мои коллеги.

В тени заиндевелых простыней,
 В углу двора за стареньким забором
 Мальчишки, в кучку сбившись поплотней,
 Дуэль вершили, хрипло споря.
 Дебатам не предвиделось конца:
 Кто на сегодня будет Пушкин.
 И споря о похожести лица
 На всякий случай мерили макушки.
 Везучести своей предвидя миг,
 Мальчишка по прозванию Цыган
 Вдруг забывал, что сам он озорник,
 Простой «отпетый хулиган».
 Верша свой суд в углу двора,
 Укрытая заснеженным забором,
 Отчаянно галдела детвора,
 За Пушкина в дуэли споря.
 И даже главный уличный повеса,
 И тот поэтом стать мечтал,
 Он ради справедливости в Дантеса
 Без промаха и жалости стрелял.

После все вспомнили о празднике, решили спуститься в полуподвал, где был бар. И тут мы, как истинно «восточные женщины», отделились от мужчин. С редакторами Ольгой Поповиченко и Верой Галактионовой мы пошли перекусить в столовую писательского бара «Каламгер», а мужчины заспешили чего-нибудь выпить.

«13.06.84. Разговор с Гертом».

Очевидно, речь у нас шла о его уже подписанной в свет книге. Ждали только сигнальных экземпляров. Я уезжала с дочкой на море в посёлок Леселидзе в Абхазию и должна была его известить, чтобы он терпеливо ждал выхода в свет своей книги.

Из коллекции:

Когда, наконец, книгу мы получили, Юрий Михайлович сделал мне подарок с подписью: «Дорогая Катя, спасибо Вам за эту книгу! – Ваш Юрий Герт, 30/VIII-84 г.».

Думаю, что для Юрия Михайловича эти слова были не дежурными. В процессе выхода книги в свет не обошлось без эксцессов со стороны госкомиздатовского «бдительного» чиновника, «просматривавшего» рукопись и «присматривавшего» за евреем, что писатель воспринимал слишком болезненно. Явной придиркой было такое требование: «Эротическую фразу: «Или ты никогда не видел, как петух топчет курицу...» – убрать!». Более нелепого замечания, поступившего от начальства, я не помню. Петух и эротика! Смех. Юрий Михайлович начал переживать, ведь это было не единственное замечание, следовало ещё ряд незначительных указаний, которые надлежало исполнять. Ему не хотелось делать глупые исправления. Я его успокаивала, что всё будет, как он хочет. Отправила рукопись без изменений в производство, а в Комитет написала ответ, что «все замечания учтены». Но «учтены» – это не значит, что исправлены. Я была уверена, что во второй раз чиновник не станет перечитывать книгу

Герта. К тому же считала и до сих пор считаю, что на редакторе книги также лежит ответственность за её содержание, как и за всё остальное. Так что, если бы моя хитрость обнаружилась, то отвечать пришлось бы мне.

Хотя книга вышла, на этом наши дружеские отношения не прекратились. Юрий Михайлович часто бывал в издательстве, мы беседовали подолгу. Я вспоминала, что давно не делала записей в блокнот, пыталась наверстать упущенное.

«16.01.86. Звонила Герту. Он повеселел. Обещал «Неву».

Мне надо было прочитать повесть Е. Катасоновой «Бабий век», ходить в читальный зал некогда было. А толстые журналы, каким был и «Нева», могли выписывать только по разнарядке партии или Союза писателей, или другой какой «блатной» конторы. Это теперь у слова «блат» остался только один смысл из лексики уголовной. А раньше без этого слова ни одни двери не открывались, никакие блага не давались. Во всём был дефицит – удобный и почти всегда безотказный рычаг управления.

«24.01.86. Приходил Герт на работу. Говорили об общении, о дефиците общения. Идея с самоваром в «Просторе». Идея создания клуба в изд[ательств]е».

О, этот пресловутый дефицит общения! Я его впервые почувствовала именно в Алма-Ате, когда попав на край света, разом как-то потеряла связь с теми людьми, с которыми привыкла общаться в студенчестве на журфаке Московского университета.

Кстати:

Листаю записные книжки. Телефон у Герта домашний 26-78-01. Набор цифр едва ли не совпадает с моим воронежским телефоном в квартире, где я безвыездно прожила с июля 1988 года по июль 2004 – шестнадцать лет: 72-18-05. Если бы у него начинался номер с 25... или у меня заканчивался бы на 06, то набор цифр в телефонах полностью бы совпал: 0, 1, 2 5(6), 7, 8. Это поразительно, что я сейчас, 3.07.2005, спустя более двадцати лет, заметила эту магию совпадений! Заодно просмотрела другие телефоны. Таких совпадений больше ни у кого нет!..

Я думаю, что моя к нему любовь, как к писателю, им самим не ценилась, и он не то что не верил, а скорее, и мысли не допускал о том, что может быть для меня таким авторитетом в современной литературе Казахстана. А я его на самом деле ставила выше всех «моих» авторов. Хотя ничего такого я ему никогда не говорила. Наверное, иногда допускал он мысль, что я в него пошло влюблена! Смешно. Когда я его первый раз увидела в редакции, я начала писать рассказ «Крошка Цахес», который так и остался только в нескольких строчках начала. Суть в том, что его добрый голос по телефону очень не совпадал с его внешним видом: маленький, высохший, с огромным носом. Когда мне Виктор Фёдорович Мироглов, главный редактор издательства по русской литературе, рассказывал, как в своё время «бабы сохли по Юре», я не понимала, отчего же они сохли: разве может быть симпатичен такой тщедушного вида человек с большим, как у пеликана, носом.

Из черновиков:

Крошка Цахес

Художник был мал, невзрачен на вид. Единственной замечательной деталью был его огромный горбатый нос. Капитолина Максимовна определила его всю сущность – крошка Цахес. Впрочем, он не вызывал в ней особой неприязни. Она считала, что внешность человека не должна сказываться на её отношении к нему. Игорь Иванович был человеком душевным, и это она сразу поняла. Не

видя его лица, она представляла себе настоящего мужчину: статного, симпатичного и обаятельного. Голос у него был богат интонациями: преобладали доброта и ласковость. Капитолине Максимовне какое-то время казалось, что Игорь Иванович глубоко одинок, ведь только в одиночестве человек добр необыкновенно, – считала она.

После того, когда мы с ним пообщались в процессе работы над его книгой «Колокольчик в синей вышине», я перестала замечать и его маленький рост, и крупный «пеликаный» нос. И сейчас я вспоминаю только обаятельного, умного и талантливого человека, но всегда беспомощного перед жёстким рукопожатием его собственной судьбы.

Эту мысль я могу подкрепить моими записями в разных блокнотах:

«12.12.83. С утра позвонил Ю.М. Герт больным голосом...».

«2 янв. 1986. Звонила Герту. Он нездоров. Голос потерянный. Ему не до чего...».

Или вот из письма Н.Г. Поведёнок, с которой мы переписывались ещё тогда, когда она жила в Алма-Ате:

«Герт болеет и злится на всех. 13.4.90.».

Юрий Михайлович страдал тяжёлым желудочно-кишечным заболеванием, и я помню его часто в подавленном и абсолютно беспомощном состоянии перед этим жизненным испытанием. Я, помнится, когда была у них с Анной Петровной в гостях, пыталась давать ему советы, чем лечиться. Он обречённо махал рукой...

Даже когда я уже лет около пяти жила в Воронеже, я звонила ему – та же обречённость в голосе. Тогда мне самой было так плохо, так кошки на душе скребли, что захотелось хоть на миг вернуться в Алма-Ату. Я не нашла другого способа это сделать, как позвонить Герту. Телефон раздвинул пространство, четыре тысячи километров куда-то исчезли, Юрий Михайлович как будто был в соседнем доме, и мы с ним созванивались, чтобы поинтересоваться, как дела. Но эта иллюзия исчезла, как только он стал со мной говорить. Ему, очевидно, было ещё хуже. Он даже не удивился моему звонку из такой дали: и временной, – всё же почти пять лет мы с ним никак не общались, даже не переписывались, – и пространственной. Я почувствовала себя очень неловко, от того, что вторглась в его мир так бестактно. Растерянно спросила, как его жизнь, как у них дела и побыстрее распрощалась. А потом мне Надежда Георгиевна написала:

«А Герта я видела. Он виновато сказал, что вот как-то получилось нескладно, разговор с Катей оборвался... ждали ещё, повторного, хотя надо было уходить, прождали полчаса ещё... Ну а от себя я уж говорю, что он болен, у него, наверно, опять по осени обострение. Да и дочь ведь уехала в США, а они с Аней не собираются, и хотя ребятам там неплохо, но мысли, что, может быть, больше не увидятся, покоя не дают. 29.10.91».

Я, когда приехала в Воронеж, искала связи и с семейством Гертов. Тогда многим своим знакомым я писала и спрашивала, нет ли у кого-нибудь каких-нибудь знакомств в этом городе: без того самого блага мне не открывались двери. У меня не получалось на новом месте ни с работой, ни с творчеством, и как следствие – была тяжёлая затяжная депрессия. В ответ я получила открыточку к Новому году:

«Дорогая Катенька! Поздравляем Вас с Новым годом! Желаем здоровья Вам и Вашим близким. А ещё успехов и удачи во всём. Очень надеемся, что в Новом году Вам обязательно повезёт. К сожалению, в Воронеже знакомых у нас нет. Ваши Герты».

Открытку прислала его жена, Анна Петровна. Мне было очень обидно, что Юрий Михайлович не ответил мне. Только теперь я вспомнила возможную причину устранения им меня из круга интересующих его людей. Это его книга «Приговор», которую мы планировали издавать вместе. То есть редактором должна была быть я. Я даже, помнится, стала курировать прохождение этой рукописи. В моей рабочей тетради, названной мною «О движении рукописей и их приключениях», я сделала такую пометку:

«Ю. Герт сдал рукопись в изд-во 24 н. 1986 г. Лежит у Егорова уже неделю. [Егоров – это Александр Иванович, который был тогда заведующим редакцией русской литературы].

Об этом произведении, ещё когда оно только намечено было в умной голове Юрия Михайловича, мы как-то славно и мило беседовали, идя от Дома издательств с проспекта Абая по проспекту Ауэзова вниз до улицы Гоголя и дальше. Почти что до моего дома дошли, который стоял на углу улиц Гоголя и Муратбаева. Это довольно большое расстояние мы прошли не спеша, и всю дорогу Юрий Михайлович излагал мне какую-то длинную и запутанную историю, которую он хотел взять за основу своего будущего романа.

Получилась эта беседа совершенно случайной. Так совпало, что мы вместе вышли из Дома издательств. Юрий Михайлович предложил проводить меня немного, до остановки. Он задал мне вопрос, собираюсь ли я что-нибудь писать? Я ему высказала свои планы, которые осуществить пришлось много лет спустя, в Воронеже. Мне хотелось написать повесть «Девочка из провинции» – о моей учёбе в Московском университете имени Ломоносова. Для меня это время всегда было и осталось едва ли не самой счастливой порой моей жизни. Ещё я ему рассказывала об аспирантуре, что мне хочется всё бросить и уехать в Москву, продолжать учёбу. А потом как-то так зашла речь и о его планах. Мы уже прошли и одну остановку, и другую. А беседу прерывать совсем не хотелось. Мудрый Юрий Михайлович, наверное, рассудил правильно, коль, что складывается интересное, то не стоит его прерывать из-за того, что остановки транспорта как-то очень скоро появляются на пути. И когда мы оказались почти у моего дома, он очнулся и заспешил на противоположную сторону улицы на свой автобус.

Я уже загорелась этой его новой работой, ждала роман с нетерпением. Сказать, что Герт – великий писатель современности, нельзя. Сказать, что я ничего не читала более интересного и умного, нежели его произведения, – не могу. Были и в самом деле великие писатели, были более интересные, написанные не Гертом вещи. Но его обаяние, его задушевный, полный безмерного тепла голос каким-то необъяснимым для меня образом укладывался на белые листы бумаги. Мне нравилась наша с ним работа над его книгой «Колокольчик в синей вышине», куда вошли и одноимённая повесть в новеллах, и ещё повесть «Грустная история со счастливым концом». Я, когда работала над будущей книгой, говорила своему руководителю Виктору Фёдоровичу Мироглову, что мне эта рукопись нравится. А он мне вновь приводил пример, как «Юра раз десять переписал всю «Войну и мир», чтобы выработать и у себя такой замечательный стиль». Я жалею, что ни разу сама не спросила у Юрия Михайловича, так ли это.

И когда я прочитала его «Приговор» в рукописи, я поняла, что повесть (не роман?) получилась не так, о чём мы говорили. Очевидно, эта работа трудно давалась писателю: на мой взгляд, вещь была не совсем готова к публикации. Зная себя, что у меня не достанет терпения выпустить сырой материал без пристрастных каких-либо предложений автору, я посчитала более уместным не участвовать в выпуске этой книги, дабы не убить моего трепетного отношения к писателю, а также чтобы не прерывать с ним дружеских общений. К тому же я

так сильно болела и практически не вылезала из больницы, где у меня даже была договорённость, что вне больницы, в любой день во время приступа, следует ехать в «своё» отделение к своему доктору. Такие исключения иногда делаются для тяжёлых больных.

Так что Юрий Михайлович не мог, конечно, ждать моего выздоровления, которого я в Алма-Ате так и не получила. Начал выпускать книгу один редактор, заканчивал другой. Как они работали совместно, я не ведаю. Книга была издана через два года после того как рукопись автор сдал в редакцию.

Из коллекции:

Потом Юрий Михайлович подарил мне её с такой надписью: «Кате Мосиной – хотя и преданный своим редактором, но по-прежнему любящий – Автор 16/V-88». Так вот, без точек и написал. Для меня это отсутствие точек – словно приглашение к продолжению отношений. А для него, наверное, знак обиды, о которой он думал, что она пройдёт.

Я не стала сразу читать книгу, ведь читала её в рукописи. К тому же заботы с обменом квартиры в Алма-Ате на жильё в Воронеже, а потом и последующий переезд меня вконец выбили из колеи. До серьёзного чтения ли мне было? Но по приезду в Воронеж я вновь прочла повесть, не нашла в ней никаких изменений против тех, что отметила для себя ещё в рукописи и 25 сентября 1988 года сделала такую запись в блокноте:

«Собиралась Герту написать, прочтя его «Приговор». Но писать нечего. Читается неинтересно. Сплошные умозрения и сентенции. Когда мы с ним шли осенним днём по дороге к дому и беседовали о его предстоящей работе, мы гораздо больше ценного сказали, а сюжет был захватывающий... А получилось что-то серое, посредственное. И писать ему об этом не хочу. Кому нужна моя прямота? А кривить душой тоже не могу. Письмо придётся отложить».

Тогда я думала, что уже не будет с ним никаких контактов, но время ведь развивается по спирали. И когда наступал очередной виток, я обязательно получала о нём какое-либо известие, например, от Лены Шкловской из Америки. Лена была, на мой взгляд, самым грамотным русскоязычным корректором в нашем издательстве «Жазушы», она вместе со своим семейством уехала в Чикаго. Вот что она мне писала в феврале 1995 года:

«Юрий Герт в Америке, Руфь [Тамарина – поэтесса] давала мне его адрес, когда я была в критическ[ом] сост[оянии] – по телеф[ону]. Короче, у меня его нет, да я и не смогла бы поддержив[ать] с ним отношений, нет почвы, чтобы не сказать, нет интереса. Знаю, что когда я ещё была в А-Ате, он написал жалостливое письмо Калдарбеку Найманбаеву, тогда директору «Жазушы» (самый уважаемый, стройный, изящный из казахов) с просьбой о переиздании – ну это фантастика. Сама Руфь собирается к сыну, в районе Томска».

От Надежды Гергиевны Поведёнок из Санкт-Петербурга приходили вести о моём любимом авторе одна печальней другой.

«Сегодня прилетела из Америки моя знакомая и привезла привет от Гертов. Юрий Мих. всё в том же трагическом состоянии. Звонила Руфь – очень плоха».

Это примерно в начале 2003 года, потому что уже в другом письме, судя по штемпелю, от 8 марта 2003 года, Надежда Георгиевна пишет:

«У Юрия Мих. трагедия в том, что не возвращается после инсульта речь».

В следующем письме от 14 мая того же года:

«Жду от Руфи книгу. Получила её подруга Вера Козлова от дочери из Бостона письмо, в котором пишет, что Юрий Мих. Герт совсем плох. Мне кажется, он настолько угнетён, что после инсульта не восстановилась речь, что это морально его подавило, отсюда и физическое состояние. Когда Вера была

сама в Америке, я передавала ему привет. Говорит, что Аня, жена Ю.М., была очень рада это услышать, а Юра написал в записке, которую прочитала Аня, что он тоже очень рад. И это не была простая вежливость, это значит, что они очень скучают по тем людям, с которыми дружили».

И вот ещё (наверное, я хотела ему письмо послать и просила адрес):

«Адрес Герта ты получишь нескоро, потому что надо его ждать из Америки».

Судя по штемпелю, письмо было отправлено из Питера 27.08. 2003 года. Но это напрасные слова, напрасные потуги, бесплодные искания, потому что уже 27 октября, два месяца спустя, Надежда Георгиевна пишет:

«Грустные новости. Умер Ю.М. Герт, в июле. Причём, я узнала это вскоре, как отправила тебе письмо...».

Мы тут об адресе речь вели, а человека уже на свете белом не было...

... Для меня работа и всё, что там происходило, очень много значили, особенно, если учесть, что дома не всё было гладко. ...27 декабря 1984 года поздно вечером, после очередных разборок «ху из ху», муж сделал свой выбор. То, что назревало в течение последних пяти лет, наконец созрело и прорвалось. Закрыв за ним дверь, вздохнув, может быть с некоторым облегчением, я легла спать...

А на следующий день Юрий Михайлович зашёл в редакцию по своим делам, я его вышла провожать.

– Катя, как ваши дела? – задал он вопрос вежливости.

– Да с мужем разошлась, – сказала я как можно безразличнее. Он посмотрел на меня и сказал, как умел говорить только он, мягко и убедительно:

– Запомните, Катя: непоправима только смерть, всё остальное исправить можно.

Теперь, спустя более двадцати лет, я также убеждена, что непоправима только смерть, а с остальным можно как-то смириться...

Я намеренно цитирую письма почти так, как они написаны, и нельзя не заметить частое упоминание имени Руфь: Руфь плоха, Руфь собирается в Томск... Речь идёт о поэте Руфи Мееровне Тамариной.

Я её знаю только по немногим приходам в нашу редакцию.

У неё должна была выйти книга, которой занимался редактор по поэзии. Так что творчески наши пути никак не соприкасались, я никоим образом не мешала ей и не вмешивалась в то, что она писала. Да и смешно говорить, чтобы скромный редактор издательства был помехой автору в его творчестве. Я совсем не знала её как поэта: к нам в издательство столько людей хаживало, все были творческими людьми, что знакомиться с тем, что они пишут, практически было невозможно. К тому же ещё остаётся такой огромный непрочитанный список из классики, что тратить время на прочтение эпизодических авторов просто жаль.

Руфь Тамарина всегда восхищала меня своей манерой одеваться: ярко, броско, без многоцветья – если зелень, то даже босоножки зелёные, если благородный беж, то обязательно какая-либо «громкая» деталь будет в её туалете. При этом много-много бижутерии, обязательно в тон, и самое великолепное украшение – её живость. Ведь, если прикинуть, что ей недавно исполнилось 80 лет (а я уже давно из Алма-Аты уехала), то я знала её в её 60–65-летнем возрасте. Морщины её только облагораживали, плюс обязательнейший и всенепременнейший макияж. Вот такая она осталась в моей памяти: громкая, шумная, всесокрушающая...

Перелистывая свои записи, наткнулась на эту:

«15.12.83 г. Вчерашний разговор с поэтессой Тамариной очень огорчил, какая-то немного бестактная женщина, сразу взяла тон нравоучений. Но сегодня Ю[рий].М[ихайлович]. сказал, что я ошиблась, что обратилась я как раз по адресу, но, м[ожет] б[ыть], не вовремя. Обещал помочь моей подопечной Л.Н.С.».

Вспомнила, что, желая помочь Ларисе Николаевне Симоновой, женщине-инвалиду из Кокчетова, приславшей свои стихи в издательство, я думала, как это сделать. В тот момент Руфь Мееровна была в редакции. Я ей предложила как-то поучаствовать в судьбе этой женщины, хотя бы в нескольких словах изложить своё мнение. Тут Руфь громогласно (возможно, она сама плохо слышала, а я этого не знала) заявила:

– Ну что вы, Катя, разве можно давать ей надежду? Это преступление обнадёживать таких людей!

И что-то ещё она говорила, отчего мне хотелось уйти из кабинета от её такой безапелляционности. Казалось, что её яростные – по-другому и не скажу – слова она лично и в мой адрес произносила: дескать, ты тоже такая со своими стишатами, и тебе тоже не на что надеяться. Я тогда думала о вздорности и прихотливости её характера. Но забыла об этом со временем, как стараюсь забывать неприятности, и вторично попала под её «обстрел».

Это уже было как-то летом. Мы с моими друзьями Соколовыми решили сводить детей в театр, да и сами посмотреть в театре драмы «Даму-невидимку» Кальдерона. Это было в 1984 году. Перед театром я встретила Руфь Мееровну, мы приветственно кивнули друг другу. Чтобы как-то поддержать разговор, а не проходить молча мимо, я решила спросить её, не возьмётся ли она рецензировать мои стихи, которые я хотела выпустить в издательстве «Жалын». Я спросила тихо, робея и испытывая некоторую неловкость, ведь для меня стихи всегда были, как и моление Богу, делом глубоко интимным. И опять громогласно, так, что на нас стали оглядываться (конечно же, она «недослухала»!) она сказала, что не может, у неё много дел. Мои друзья стали задавать мне вопросы, чего хотела от меня эта старуха (ведь нам тогда было около тридцати, а ей вдвое больше), я постаралась перевести тему на театр. Во-первых, не она, а я хотела, во-вторых, нашла момент, где спросить, а в-третьих, как же я могла забыть, что она такая сокрушающая всегда... Настроение было припорчено, спектакль оказался плохим, игра актёров – дурной.

– Где уж нашей Алма-Ате с вашим изысканным московским вкусом тягаться, – подруга попыталась поднять мне настроение, намекнув на моё в студенчестве увлечение московскими театрами.

Больше я не пыталась общаться с поэтессой Руфью Тамириной. Терпеливо слушала новости о ней то от Веры Галактионовой, то от поэтессы Любы Шашковой, типа: «Вы знаете, вчера Тамарина...». Книжек мне она своих не дарила, да я и не просила, боялась. Мило приветствовала при встрече, но не более того.

Моя добрая Надежда Георгиевна Поведёнок много мне о ней писала, ведь они дружили и переписывались. Она писала мне о трагическом жить-бытьё поэтессы, о том, что та ослепла, что не ходит ногами. Прислала мне её едва ли не последнюю книгу «Зелёная тетрадь», изданную в 2003 году в Томске.

Из коллекции:

Автором мне книга эта не подписана, зато Надежда Георгиевна написала: «У меня оказалось две. Думаю, понравится».

Конечно же, понравилось! Конечно же, Тамарина – Поэт, хороший, с Божьим даром. Я узнала о ней то, чего не знала в Алма-Ате: восемь с половиной лет гулаговских дорог. Более всего меня «прошибло» и потрясло её стихотворение «Автопортрет». Когда-то она написала:

Живу на свете много лет,
но не умею быть старухой.

И это было правдой. Я сама это видела тогда, в Алма-Ате. А тут открываю её книгу и читаю:

Старуха продвигалась осторожно,
 большую приволакивая ногу,
 ощупывая деревянной тростью
 возможные препоны на пути.
 Родня слепым шахтёрским лошадёнкам,
 она свою кружила «кругосветку» –
 от лежбища до кухни и обратно,
 попутно забредая в туалет.

Сердце щемит при чтении таких стихов. И если Руфь не могучая поэтесса, то тогда какие же они, могучие?

Ещё всего лишь год тому назад
 она была достойной старой дамой
 с седой причёской, взбитой кудельками,
 и в праздник – с макияжем на лице.
 Ещё всего лишь год тому назад
 она своё встречала отраженье
 в тускневших раз от раза зеркалах...
 Но год назад, нарядным майским утром
 беззвучно опустилась занавеска
 меж разноцветьем солнечного мира
 и в миг осиротевшими глазами,
 утратившими целый белый Свет.
 И вскоре из достойной старой дамы
 возникла колченогая старуха,
 ощупкой пробиравшаяся в кухню,
 попутно забредая в туалет.

Эти стихи читаю своим знакомым. И пытаюсь, чтобы они почувствовали то, что чувствует поэтесса. Ах, как надо виртуозно владеть языком, чтобы из такого горя могли выходить такие бередящие душу стихи!

И как же больно было читать строки из очередного письма от Надежды Георгиевны Поведёнок из Санкт-Петербурга:

«11 июня, незадолго перед днём рождения, умерла Руфь... Умирают дорогие мои евреи», – пишет Надежда Георгиевна о Руфи Тамариной и Юрии Герте. Так вот и получилось, что, вспоминая о своём любимом алма-атинском писателе Юрии Михайловиче Герте, пришлось рассказать и о любимой алма-атинской поэтессе Руфи Мееровне Тамариной. Вечная им память и царствие небесное.

Из коллекции:

Когда-то давно Юрий Михайлович подарил мне книгу – свой роман «Ночь предопределений» с памятной надписью: «Екатерине Ивановне Мосиной. – Желаю Вам талантливых авторов, честных книг и по возможности спокойной редакторской судьбы. С уважением Юр. Герт. 25/X-83 г.».

Он и был одним таким талантливым автором, его книги и есть те самые честные книги. А уж со спокойной редакторской судьбой – это как на неё взглянуть. Читайте дальше.

Продолжение в следующем номере.

К 100-летию Дмитрия Фёдоровича СНЕГИНА

Осенью прошлого года не только многонациональная писательская общественность нашей республики, но и самая широкая читательская аудитория Содружества Независимых Государств, других стран ближнего и дальнего зарубежья широко отмечала 100-летие со дня рождения славного сына Семиречья, народного писателя Казахстана, лауреата Президентской премии мира и согласия Дмитрия Фёдоровича СНЕГИНА (ПОЦЕЛУЕВА), которого наш Первый Президент по справедливости назвал **ВЕЛИКИМ ГРАЖДАНИНОМ**.

Накануне этой знаменательной даты руководство Союза писателей Казахстана совместно с представителями акимата южной столицы, родными Дмитрия Фёдоровича, его друзьями по военным годам, собратьями по литературе торжественно возложили гирлянды живых цветов к Доске Вечной Памяти на доме, где СНЕГИН прожил свою последнюю четверть века, а также к месту его вечного упокоения. В 30-й образцово-показательной южностоличной школе-лицее имени СНЕГИНА, республиканских творческих союзах, институте литературы и искусства имени Мухтара Ауэзова, Национальной библиотеке Республики Казахстан, Архиве Президента РК и Центральном государственном архиве, а также во многих высших и средних учебных заведениях, военных училищах и боевых частях состоялись обширные циклы впечатляющих мероприятий, посвящённых знаменательной дате, необыкновенной жизни и богатейшему творчеству Дмитрия Фёдоровича. Его сын, искусный кардиохирург с мировым именем, доктор медицинских наук, лауреат Государственной премии Дмитрий Дмитриевич ПОЦЕЛУЕВ подготовил ряд уникальных материалов, предназначенных значительно пополнить личные государственно-архивные фонды своего отца. Едва ли ныне не самое престижное российское издательство «Русская книга» выпустило в свет в прекрасном оформлении (художественный редактор Шайзада Байкенова) остро-психологический рассказ Снегина «На исповеди» и его многозначное лирико-философское повествование «Сказать себя, или Пелым и его обитатели». Сборником военной прозы писателя «В те дни и всегда» порадовало читателей и республиканское издательство «Санат»...

По просьбе нашей редакции на эти и другие неординарные события отозвался их участник – наш давний автор известный писатель, историк и политолог, заслуженный работник культуры, чьему перу принадлежит книга, внесённая в список социальноважной литературы страны «Дмитрий СНЕГИН. Его Любовь, Память и Слово», а также статьи и эссе, предвещающие московские и казахстанские Снегинские издания – Владислав Васильевич ВЛАДИМИРОВ, которого со СНЕГИНЫМ тесно связывали многие годы крепкого дружества по литературе и жизни.

... А книги его читают и письма к нему идут

Новые страницы Великой Жизни

... Не ошибусь, если скажу сразу, что для всех нас Дмитрий Фёдорович Снегин не только крупный прозаик, поэт, переводчик, публицист, драматург, редактор, рецензент, талантливый военачальник, видный государственный и общественный деятель, но и опытный наставник молодёжи, человек с огромным золотым запасом личной порядочности. Он из тех ныне редких людей, кто вышел за суровые границы своего XX-го века, чтобы передать эстафету самого деятельного Добра Третьему Тысячелетию.

Все ли сейчас готовы к этому не календарно, а по душе и действию – вот непростой вопрос для каждого из нас, кем бы кто ни был. В год Снегинского столетия вслух и мысленно отвечают на этот вопрос со всей исповедальностью, скажем, не только близкие по духу Снегину писатели-фронтовики, сотрудники литературно-художественных изданий, но и совершенно не знакомые ему, убеждённые фронтовыми сединами люди – и это надо было видеть воочию, особенно когда для них в самых разных аудиториях звучал в магнитной записи необычайно родной и ясный голос самого Дмитрия Фёдоровича...

Добрым словом вспоминали его и современники помоложе – известные прозаики, поэты, публицисты, переводчики, журналисты, учёные, духовные лица, каждый по-своему – Герольд Бельгер, Абилямажин Жумабаев, Николай Колинко, Анатолий Волков, Ольга Шиленко, Александр Матвеев, Артур Артемьев, Амантай-кажи...

А ветеран музея Динмухамеда Ахмедовича Кунаева (в прошлом его многолетний бессменный начальник охраны) Анатолий Иванович Горяйнов в одну из общественных встреч любезно пригласил снегинцев «на смотрины» бесценных кинофотокадров – земляки и ровесники, оба убеждённые поборники, бескорыстные рыцари благородной идеи «социализма с человеческим лицом», Снегин с Кунаевым были пожизненно дружны ещё со школьной скамьи.

И жизнь обоих была исполнена истинных радостей и непридуманного трагизма. Полагаю: прожитого, пережитого, а главное – свершённого ими вполне хватило бы на добрую когорту самых деятельных личностей, которых великий евразиец Лев Николаевич Гумилёв называл ПАССИОНАРИЯМИ. То есть людьми, способными влиять на развитие непростых социально-общественных процессов, межэтнических отношений, языковой политики, общечеловеческий климат и, если угодно, на сложный ход самой Истории.

Мне чётко видится: они оба, казахский и русский сыны древнего Казахского Семиречья, уже с юных лет ясно ощущали своё высшее предназначение, властно определённое им самим Провидением – быть крепким связующим звеном благотворных славяно-тюркских связей, безустально и неотрывно (денно и ночью!) служить родному краю, его честным людям, их дружбе и рождённым их братством созидательным трудом. Это святое чувство они никогда не декларировали впустую.

... Многие материалы Снегина, предназначенные его сыном Дмитрием Дмитриевичем для передачи в надёжные руки наших опытных архивистов, – именно семиреченского корня.

Это объёмистые папки с самыми различными документами, фотографии, хронологическими заметками, набросками и планами, письмами. Их география обширна: весь Казахстан и Советский Союз, а потом уже СНГ – «от моря

до моря». Все вместе новые архивные «единицы хранения» со всей достоверностью дополняют многоёмкий образ нашего Великого Современника, грани его многократного ПОДВИГА.

ПОДВИГА РАТНОГО – в годы Большой Войны в составе героической гвардейской Панфиловской дивизии боевой офицер Снегин – вместе с фронтовыми своими побратимами Баурджаном Момыш-Улы, Балтабеком Джетписбаевым, Маликом Габдуллиным, Хакимом Абдрашитовым, Алексеем и Павлом Кузнецовыми, Борисом Никаноровым, многими другими, навсегда оставшимися в его душе и книгах, – прошёл полный драматизма путь от младшего артиллерийского командира до крупного военачальника никем ещё не превзойдённых в военном искусстве великолепных школ Панфилова, Рокоссовского, Баграмяна...

ПОДВИГА ПИСАТЕЛЬСКОГО – на трудные тропы литературного творчества он вступил восемь десятилетий назад и уже никогда не изменял этому нелёгкому из призываний. Оно подарило просвещённому люду десятки неизменно-толковых книг, пьес, киносценариев, множество талантливых публикаций, выступлений на радио и телевидении, перед вузовской и рабочей молодёжью, воинами Армии, Флота, Авиации, Ракетных Войск Стратегического Назначения...

ПОДВИГА ДЕПУТАТСКОГО И ЖИТЕЙСКОГО – в народных избранниках он состоял ещё до Большой Войны (так называл Д.Ф. Великую Отечественную). Шутка ли – на его счету СОТНИ и ТЫСЯЧИ (!) положительно решённых дел по самым серьёзным обращениям к нему избирателей. Да, он был воистину Народным Депутатом! И не только на высоком посту заместителя председателя Верховного Совета республики, но и в качестве “рядового” депутата городского звена. Кто-то из писательских коллег Снегина (т.н. классиков), бесспорно, был неординарен в творчестве, но по самой жизни всегда оставался созерцателем её «свинцовых мерзостей». Для Снегина же никогда не было чужого горя. Ему всегда был интересен каждый честный человек. Негодяй, проходимец, фарисей, впрочем, тоже...

Судьба сводила его не только, скажу для примера, с Иваном Панфиловым и Луи Арагоном, Леонидом Ильичёвым и Сергеем Баруздиным, Александром Твардовским и Саттаром Имашевым, Ильясом Джансугуровым и Мухтаром Ауэзовым, Абдижамилом Нурпеисовым и Алексом ла Гумой, Сергеем Марковым и Сырбаем Мауленовым, Ираклием Андрониковым и Леонидом Теракопяном, но и со множеством других прекрасных людей, быть может, особо и не отмеченных в скрижалях Политики, Экономики, Литературы, Истории, но всегда составлявших и составляющих главную движущую основу Бытия. Едва ли в огромнейшем документальном массиве его личного фонда в Центральном госархиве РК (а по своему объёму он теперь равен фонду его же давнего единомышленника, академика Каныша Имантаевича Сатпаева) найдётся хотя бы один листок, отрицающий это!

На ближней папке крупно выведено характерным почерком Снегина: «Володя Ермаченков». Под обложкой многостраничная машинопись. Это ему, ныне, увы, покинувшему этот лучший из миров, известному казахстанскому прозаику, библиографу, публицисту, редактору (без ложной скромности скажу – мне тоже) Дмитрий Фёдорович доверял первые знакомства со свежими рукописями его произведений «В те дни и всегда», «Парламентёр выходит из рейхстага», «Встречи без расставаний», «На исповеди», «Свет памяти», «Флами, или Очарованные собой», «Странные сближения, или Вокруг (Пушкинского) Михайловского», «Сказать себя», «Проказы Рустама»... Стараниями Ермаченкова в начале 80-х годов безвозвратно минувшего века издательство «Жазушы» («Писатель») выпустило солидный пятитомник сочинений Снегина, а инициатором выпуска был сам Кунаев, сказавший (наказавший) мне: «Приличное предисловие – за тобой, святой Владислав».

Новых документов, старательно подобранных Снегиным-младшим (так уж я только для себя называю своего ровесника и теперь уж давнего сомышленника Дмитрия Дмитриевича Поцелуева), множество. Каждый их лист неповторим. Почти за каждым – людские судьбы, подтверждение той непреложной истины, что несмотря ни на какие тягчайшие испытания и невзгоды, Снегин-старший реалистично верил в самое светлое будущее родного ему Казахстана.

«Дмитрия Снегина всегда отличали глубокая мудрость и высокий гуманизм. Именно на таких жизненных примерах и творческих судьбах воспитываются поколения. Писатель прошёл большой путь, оставив неповторимый след в нашей многонациональной литературе. Я хорошо знал и уважал его. Дмитрий Фёдорович поддерживал своим Словом всё, что я делал в строительстве независимого Казахстана» – именно так и сказано в телеграмме Н.А. Назарбаева самым близким Снегину людям.

... Снегина нет, но письма к нему идут. Из Прибалтики... Из Украины... С Волги-матушки... Из Сибири...

“Нам грустно, когда Вы молчите, дорогой Дмитрий Фёдорович!” – это ещё из одного письма.

Странно, очень странно, но пока не везде знают о безвременной кончине Снегина. А впрочем, чему удивляться, ежели эфир наш, наши медиасредства чем только не заполнены по горло и выше! Тоже по-своему закономерно и символично. Конечно, лучше бы не было такой символики.

...В простеньком белом конверте из тонкой бумаги миниатюрный снимок (3х4). Снимку 74 года. На обороте посвящение: «Дорогому Мите Снегину – будущему автору повести о ямщиках. Иван Шухов. Алма-Ата. 17 апреля 1938 года».

Названному брату по жизни и творчеству Ивану Петровичу Шухову было тогда 32. Снегину – 26 лет. Уже были высоко оценены Горьким шуховские романы «Горькая линия» и «Ненависть», а Снегиным изданы в Алма-Ате и Москве поэтические сборники «Ветер с Востока», «Семиречье», «Мой город», переводы стихотворений и поэм Джамбула Джабаева, Ильяса Джансугурова, Касыма Аманжолова, Нурлыбека Баймуратова, многих других казахских, уйгурских, дунганских, украинских, чувашских поэтов...

Мне ведомо: именно эту фотографию пронёс Снегин вместе с таким же крохотным снимком Баурджана Момыш-Улы в своём партбилете сквозь годы и грозы Великой Отечественной.

Но, право, что это за покамест неизвестная нами «повесть о ямщиках»?.. Спросить бы у самого Дмитрия Фёдоровича. Да вот только уже далеко он от нас – в запредельных мирах.

Далеко – и всё же с нами РЯДОМ!

Теперь уже НАВСЕГДА.

И ВОТ О ЧЁМ СКАЖУ ЕЩЁ РАЗ.

В богатой и славной истории Казахстана исполинская фигура Дмитрия Фёдоровича СНЕГИНА (по церковным метрикам Поцелуева) совершенно особая. Ныне она хорошо видима со всех земных континентов. Родившийся в 1912 году, накануне 300-летия царствовавшего тогда Дома Романовых, СНЕГИН – как талантливый прозаик, поэт, переводчик, публицист, социолог, как истинный народный избранник, крупный государственный и общественный деятель – стал зоркопамятным свидетелем, активным участником, неподкупным летописцем и чутким интерпретатором большинства из глобальных событий небывало сурового и трагичного, однако по-своему счастливого XX-го столетия.

... О Снегине – как о подлинно народном писателе и непростом человеке – можно говорить бесконечно: более сорока лет тесного с ним самого крепкого дружества дают мне на то великое множество сюжетов. И лишь одной книгой о

нём тут никак не обойтись. Судите сами. Не став (формально!) Героем Советского Союза, лауреат Президентской премии мира и духовного согласия (диплом № 2) Дмитрий Фёдорович стал (подлинно!) национальным героем многоэтнического, но всегда единого Казахстана, негасимым символом веками предопределённого тюрко-славянского единения и родства, честным голосом и неподкупной совестью целого поколения, перед которым все последующие в неоплатном долгу. Звёздный компас его чуткого сердца надёжно служил и ещё долго послужит всем добродетельным людям Третьего тысячелетия, кому СНЕГИН завещал бесценную веру в непереносимое торжество высокой духовности, социальной справедливости, элементарной порядочности.

Сегодня каждый из нас может найти у СНЕГИНА что-то своё.

И разве это не помогает нам даже в наше жёсткое, крутоверченное время жить по возможности единённо, созидательно и безобманно, с Богом в душе, по совести и чести?

... Однажды, в неясном начале 60-х годов, удручённый московскими писательскими дрызгами, Дмитрий Фёдорович себе и столичным коллегам в укор (и, разумеется, не для печати) написал довольно пессимистические строки: «Другим – Колонный зал открылся./ Другим – похвальные слова.../ Я слишком поздно спохватился./ Что скромность хуже воровства./ Я жил, как в кандалы закован / То скромностью, то простотой. /А от простого до смешного/ Известно всем – подать рукой. Известно всем, а я не ведал./ А Время делало своё./ Теперь у деда-домоседа/ Одна отрада – забытьё...» (ЦГА РК, ф. 1965, оп. 2, д. 14, л. 1).

Прошло какое-то время, и оно доказало (и показало), что не во всём был прав наш Снегин, что и Колонный зал Дома Союзов, а также сиятельные дворцы Кремля не раз и не два открывались перед ним и перед родными ему казахстанцами, а также перед близкими ему друзьями по литературе из всех братских республик.

Вот и в семьдесят четвёртом году XX-го века объектив замечательного мастера фотографии Энгельса Чиковани (ныне, увы, покойного) запечатлел Дмитрия Фёдоровича в Большом Кремлёвском Дворце под светлыми сводами и хрустальными люстрами величественного зала немеркнувшей воинской славы – Георгиевского. Там в нишах стен и колонных выступов на мраморных досках золотом высвечивают имена всех кавалеров ордена высшей ратной доблести – святого Георгия Победоносца. Есть среди них и наши земляки-казахстанцы, удостоенные этих наград ещё за великие сражения и героические походы Отечественной войны 1812 года. По правую руку Снегина (на этом снимке он в центре) – Джубан Мулдагалиев и Тахави Ахтанов. По левую – Чингиз Айтматов и Халижан Бекхожин. Стоят (слева направо) – Саин Муратбеков, Абилямжин Жумабаев, Калтай Мухамеджанов, Адий Шарипов, Кабдыкарим Идрисов, Сырбай Мауленов, Серик Кирабаев, Марфуга Айтхожина... Все – участники юбилейного пленума Союза писателей СССР, посвящённого 40-летию Первого, Горьковского, съезда писателей (1934).

... Снегин-младший как-то поведал мне:

«За чаем или застольем друзья у отца могли засиживаться допоздна. До двух-трёх ночи... После войны близко дружили с Павлом Кузнецовым, потом он уехал в Москву. Бывало, часто заезжал к нам домой Иван Петрович Шухов... Папа часто читал стихи Пушкина, Некрасова, Есенина, Бориса Корнилова, Маяковского, Павла Васильева, многих других. Наизусть! Не только стихотворения – поэмы помнил, декламировал на память без единой запинки, очень вдохновенно, порой, мне кажется, чересчур темпераментно... Всегда очень живо спорили... Хлебосольство дома было в порядке вещей. Мама всё лучшее – на стол. Нам с моей сестрой Танюхой, случалось, не доставалось – гостям предпочтение.

Хотя сами, всей семьёй, бывало, сидели на одном хлебе и на картошке... Какое-то время, по молодости, многие дружки папы привыкли, что с ним можно ОТДОХНУТЬ, и это стало как бы нормой. Но вот когда это обрело, так сказать, определённые формы, отец сумел поставить всё на свои места. Даже если и кто-то потом заговорил о его прижимистости, что ли... А все финансовые вопросы дома решала мама... После войны у папы особенно обострился интерес ко всем людям. Артиллеристов он как-то горделиво отличал! Ещё бы! В артиллерии нужны знания, образование. Артиллерист обязан быть интеллигентом – сначала армейским, а потом и шире... А как он уважал Ермека Серкебаева, Куляш Байсеитову, Бибигуль Тулегенову – за их пение, а Шару Жиенкулову – за прекрасную хореографию, за тонкий артистизм!.. Дружил с композитором Евгением Брусиловским. Сам агроном увлечённый, особо ценил подвиг садоводов наших Моисеевых – творцов алма-атинского апорта. Любил бывать в мастерских у художников. С удовольствием слушал Владимира Высоцкого... Это вы знаете... Вёл ли дневники? Нет. И потом жалел об этом. Но в записных книжках оставлял пометки... Бывал ли кто из нежелательных персонажей у нас дома? А то! Бывал! Так сказать, попутчики разные. Или хамелеоны. Но предательства папа не прощал, и эти люди исчезали с его горизонта. Однако никому и никогда не мстил. Говорил мне: главное в людях – ПОРЯДОЧНОСТЬ...».

... Да, всё это действительно было слагаемыми непростого жизнебыта Дмитрия Фёдоровича и его характера. Чётко помню, как однажды он в долгом разговоре «наехал» вдруг на какие-то мрачные мысли и угрюмо свёл густые брови к переносице:

«Вам, Слава, скажу. Другому – нет...».

Поднял на меня глаза – пойму ли я.

Я молча кивнул: пойму.

Он сказал: «Как же так? Вот был офицер, а стал – перевёртыш...».

«Кто такой?».

«Резун... Да только ли он?..».

«Резун-Суворов? Бывший гэбист? О! Я читал «Ледокол» и другие его штуки. За всех это только он, великий-развеликий, всё понял в нашей Истории и популярно разъяснил миру, что к чему. Кто на кого напал в сорок первом. Питлер на нас или же мы на него...».

«Вот-вот!.. Подался в Англию. Бросил семью. Всё бросил. Сбежал. Знаю я эту Англию! Британцы хвалятся прочностью своих семейных устоев. А в газетах, знаете, что пишут?».

«Примерно знаю. Тоже бывал там. «Французская девушка, которую любил Ленин». Это про Инессу Арманд».

«Да. Не про Арманд, а про себя пишут в заголовках аршинными буквами: «Почему я хочу, чтобы моя жена стала протитуткой». «Я грешила, чтобы стать кинозвездой». Или: «С лучшей подругой его жены в четыре утра». Ну и так далее... А Резун в Англии взял напрокат славную фамилию полководца... Сочинил басню, будто его в СССР по суду заочно приговорили к смертной казни. Бред и мания величия!..».

«Но Троцкого Сталин как? Разве по суду?».

«Не путайте время Сталина и Троцкого с временем Резуна, точнее с либерализмом Брежнева... Резун никакой не писатель, а настырный саморекламщик и ещё – хрис-то-про-да-вец!.. Все эти резуны – холодные и расчётливые люди. Эгоисты и себялюбцы...».

... Снегин невзначай потрогал опоясывавший его ремешок, а я мгновенно при этом движении вспомнил: как-то близ Новгорода, ещё до знаменитой битвы за Москву, на передовой (об этом мне поведал его фронтовой сослуживец)

одним снарядным осколком Дмитрию Фёдоровичу, будто бритвой, срезало поясной ремень, а другим насквозь пробило верх шапки, но, к счастью, его самого ничуть не задело.

«Было такое?».

«На фронте чего только не было! – прогнав хмарь, улыбнулся он моей осведомлённости. – Но мы не об этом. Хочу сказать ещё раз о наших женщинах... Не они ли наше душевное спасение? А?..».

И снова молодо глянул на балкон.

Александра Яковлевна (жену свою всю жизнь ласково звал он Зорькой) перехватила его молодой взгляд и улыбнулась:

«Митюнь! Надо бы мне за хлебом сходить. Дома ни крошки...».

«Как это ни крошки? – возразил он. – Ещё есть. Нам с тобой и Славе пока хватит. Всё чётко и – во здравие! «Не надо грустить, господа офицеры!» Не так ли?».

«Вот именно, Митюнь. Не грустите. А я пошла», – засмеялась она.

«Да уж, Зоренька, поздравляю. С утра завтра, как говорит Бог, будет новый день, а значит, и новый хлеб», – попытался отговорить её Снегин.

Но Александра Яковлевна накинула платок и оставила нас одних.

«Вот и поговори с ними – женщинами! Всё-таки загадочный это народ, а? – по-доброму рассмеялся Дмитрий Фёдорович. – А мы этот народ любим пуще жизни! Но, видать, так и надо! «Северу дальнему Из дальнего юга, – По эху на скальному Узнаём мы друг друга. Нас разметали По белу свету Наветы, баталии – Счёта им нету!».

«С посвящением стихи?»

«И как это вы догадались, Слава?».

«Интуиция... Александре Яковлевне?».

«Секрет. Пока секрет!..».

Вернулась Александра Яковлевна. Без хлеба.

Объяснила: нигде нет; в двух местах уже всё разобрали, а в третьем – замок, теперь уже до утра.

«Не горюй, Зорька! – утешил её Дмитрий Фёдорович. – Поддай-ка нам лучше твоего яблочного соку – на десерт».

Желание было исполнено.

В тот осенний день-вечер Дмитрия Фёдоровича слушал безотрывно.

... Он много и со вкусом говорил о картинах «Тайная вечеря» многих художников, начиная с Леонардо да Винчи. О Фоме неверующем. О том, что сейчас пишет то, что никто и никогда не напечатает, но он всё равно пишет и пишет.

Я заметил, что «Вечеря» есть и у Василия Васильевича Верещагина, тонкого знатока Казахского Семиречья.

«Да-а? – недоверчиво протянул Снегин. – Никогда не подумал бы, что его, атеиста, могла увлечь тема «Вечери»! А – выходит, увлекла?!».

«Ещё и как! Монахи, когда Верещагин выставил религиозный цикл в Вене, жгли его картины серной кислотой. А потом уже наши, советские искусствоведы писали: реакционеры жгли серной кислотой картины Верещагина, но не говорили, что же это были за картины...»

Снегин: «Ко мне наведалься фронтовой друг из Ташкента. Тоже любитель ИЗО. Говорит, нет теперь там улицы Верещагина. Переименовали. Будто бы за то, что в Самарканде при обороне города Верещагин сбросил с мечети местного муллу. Я много перечитал по дореволюционным книгам об этой обороне. Там всё есть о великой отваге Верещагина. И ничего – о мулле! Главный устроитель Туркестанского края Кауфман, кстати, великий вместе с Колпаковским, обожатель Чокана Валиханова, тогда снял с себя Георгиевский крест и повесил на грудь Верещагину. Потом уже оформил награду как положено. А за некую личную дерзость препроводил художника на гауптвахту!..».

Я (предположительно): «Ну если, положим, был и мулла, то, простите, какого лешего он путался под ногами?.. Не захотел, видать, после предупреждения своим ходом вниз...».

Снегин: «Вот тут-то не надо гипотез! Нужны факты. И с той стороны, которая любит и ценит Верещагина. С той, которая его не любит и не ценит. Вы согласны?».

Я: «Безусловно... Верещагин не признавал званий, чинов и наград, а с этим кауфманским Георгием, вице-адмиралом Макаровым и броненосцем «Петропавловск» навсегда ушёл на дно морское...».

А ещё Снегин тогда говорил об однофамильце Брежнева, тоже генерале, тот падал на пол землянки от страха при взрывах; убеждал меня в том, что на фронте выработалось нечто вроде рокового предчувствия: вот тот-то товарищ или друг будет завтра убит, а этого не убьют, пойдём, значит, дальше; но если прямое попадание снаряда в человека, то обычно – на пять кусков, ни больше, ни меньше...

... А КАК-ТО признался в полушутку:

«Одичал. И как народный писатель. И как член Национального совета по государственной политике. Хочется свидеться с друзьями-однополчанами... Да всё меньше нас и меньше...».

«А вы знаете, вот как только закончите свою работу о «Солдате», выдайте с десяток-другой психологических новелл. Медальонов на фронтовые темы, – предложил я Снегину. – Да чтобы каждая – со звёздным компасом в сердце! Да про коней больше и про женщин! Не то читаешь про войну – оказывается, у нас одни беспольные существа на Берлин и на Прагу шли, а потом и на Токио завернули...».

Как он страшно обрадовался повтору про звёздный компас и этому слову – медальон! Повторил его по слогам:

«Ме-даль-он! Для дамы – украшение. А для солдата? А для солдата ме-даль-он – это вложенные в трубочку данные о том, кто он такой, откуда родом, адрес родных. Если убьют, по медальону похоронная команда, а потом армейское начальство определят, куда и кому сообщить, где погребён солдат... Сколько сам я составил таких скорбных бумаг!.. Ме-даль-он! Вот спасибо вам за воскрешение этого слова... Напишу я!.. Обязательно напишу!..».

Расстались мы тогда с трудом и в то же время очень легко.

А потом, через полчаса, обежав несколько хлебных магазинов, но не найдя ничего, я остановил возле одного из них подъезжавший под каменную арку фургон с хлебозавода и вернулся к двери квартиры Снегиных, но уже с обёрнутой в полиэтилен поджарой буханкой хлеба.

Позвонил.

«Глазок» в двери на уровне низеньком – для Зорьки. Сам Снегин никогда в него не смотрел, открывал дверь, не спрашивая – кто там?

Так и в этот раз отворил. Ничуть не удивился.

Осторожно взял у меня ещё тёплый хлеб одной рукой, другой крепко приобнял меня, щека к щеке – и, как всегда прежде, я снова пошёл от него уже немножечко другим.

Позже я признался ему: быть может, именно этого самого осеннего дня-вечера мне и не хватало в жизни.

«А, бросьте!» – ответил он.

Но мне-то было видно – Дед (так иногда мы с Володей Ермаченковым величали его за глаза) остался очень доволен.

Владислав ВЛАДИМИРОВ.

г. Алматы.

Сауле БЕККУЛОВА,

кандидат искусствоведения

Гармония жизни и природы

Восхищение – прекрасное вино для молодых умов.

Роден

Кадырбек Каметов.

«Автопортрет». 1999 г.

Персональная выставка произведений Кадырбека Каметова «В гармонии жизни и природы», посвящённая 60-летию юбилею автора, состоялась в Государственном музее искусств им. Абылхана Кастеева в Алматы. Выпускник института живописи и скульптуры им. В. Сурикова (Москва), К. Каметов примыкает своим творчеством к близким по духу сверстникам из поколения 80-х.

Рождённый на Арале, в Кызыл-Орде (1952 г.), он, как и многие, окончил художественное училище в Алма-Ате, затем вуз в Москве и вернулся домой, полный надежд и дерзких замыслов. Участвовал в выставках Союза художников Казахстана и СССР, много читал, изучая историю родного народа, вдохновенно мечтал о грядущем своей земли.

Первые работы – графические, были уже отмечены собственным стилем и языком. Большая часть исполнялась в технике литографии – благородном и сложном материале, способном точно и тонко выразить мысль автора. Он овладел ею филигранно, много и плодотворно работая в книжной и станковой графике. Философия Абая и его поэзия вдохновили на циклы гравюр, где живое дыхание Слова материализовалось в образах узнаваемых и волнующих (серия «По мотивам стихов Абая», 1986, литография, «По мотивам рассказов М. Ауэзова», 1988).

Обаянием национального характера проникнуты литографии на стихи С. Торайгырова (1987). Взрывным темпераментом и магической силой веет от композиций серии «Звериный стиль» (бумага, карандаш, 1987), «Саки в походе», «Вождь саков» – это концентрация всей мощи и веры в титанической борьбе за право жить на своей земле. И космическая сила неограниченного пространства кочевья. Только начали издаваться труды Льва Гумилёва, вышла в свет книга Алана Медоева, пламенели стихи Олжаса Сулейменова, вернулись к жизни имена Магжана Жумабаева, Ахмета Байтурсынова, Ермахана Бекмаханова... Пришло в движение великое самосознание народов. И молодые художники яростно вступили на путь, проложенный великими предшественниками. Они открывали новую историю казахов, где все реальные факты названы своими именами, извлечёнными из забвения. Это ещё в 60-е страстно воззвал Олжас:

Ныне живущие!

Вам предстоит доказать

доброту оскорблённых!

И летописцы 80-х восприняли клич всем сердцем.

В 1988 г. Кадырбек создаёт свою серию «37-й год». Цветная литография напоминает живописные холсты и... фотокадры. Это – метод фиксации события документального, достоверного.

Жёсткость абрисов героев – Ильяса Джансугурова и других, остановленное мгновение тёмных квадратов, в которые помещены живые фигуры, фотокамеры тех времён и кричащие в пустыне птицы, блики на тюремной стене, закрывшей степной горизонт, и скальные мечущиеся фигуры из сакрального мира – «перечисление», рвущее сердце.

Но всё меняется в графическом листе – оно больше напоминает полотно – «Движение», (1988, литография). Достоинство и уверенность в фигурах всадников, гарцующих в свободном и грациозном движении. По диагонали, легко и непроизвольно чередуясь по двое, приближаются к нам хозяева степи в природной красоте и гармонии. Великолепна игра света и тени на их фигурах, словно улыбка утра.

В том же 88-м Кадырбек создал свой «Один день в Кызыл-Ординской степи» (литография). Жестокость и бездушие к природе чревато страшными последствиями. Об этом – сцена с толстым «хозяином», спокойно взирающим на «прислужника», подобострастно свежующего перед ним подвешенного сайгака. Провидение заложено в натуре художника и сцены, им запечатлённые, взывают к душе думающих и болеющих за судьбы живущих. А проблему бездуховности тогда, как никто другой остро, поднимал Чингиз Айтматов. И тотчас находил отклик. В их числе – Кадырбек Каметов.

С материнским молоком впитал он любовь к Отечеству и в традициях, обычаях старины, национальном укладе жизни черпал силы и вдохновение всегда. Потому, целомудренно избегая слов, он возносит благодарность судьбе за гордое право нести имя казаха во Вселенную.

Это особенно ощутимо в его творчестве 1990-х и 2000-х годов. Здесь царит живопись. Он полюбил её со студенческих лет, восхищался в музеях страны и мировых собраниях коллекций, штудировал творения импрессионистов и старых мастеров, восточную миниатюру и русскую классику. И, наконец, взялся за кисть. Пейзажи и натюрморты, жанровые сценки и импровизации, редкие портреты и автопортреты – всё в приподнято-праздничном настрое в ритме новой жизни, пришедшей после обретения Казахстана независимости.

«Тополя» (2007, х., м) подобны поющим струнам, легко и мощно взлетающим в небо в радужной гамме цвета. «Натюрморт с яблоками» (2008, х., м) выдержан в академическом стиле, с «постановочным» эффектом композиции – нарядно, празднично. «Полевые цветы» (2007, х., м) в пастельно-светлой гамме весеннего цветения несут нежность и аромат рождения нового года Наурыз.

Палитра «Дома художника» (2007, х., м) – чистое и яркое свечение красок, без тёмных и мрачных теней. Как если бы сказочный герой извлёк это лёгкое золотистое строение из снов и поместил в синее-белое пространство неба и снега, радуя глаз в преддверии весны.

Есть одна особенность в искусстве Кадырбека Каметова. Его отношение к Женщине. Издревле кочевники знали, что будущее – в руках матерей. Им выпала честь растить поколения преемников. Именно по женщине определяемо понятие нации. Неслучайно ведь родной язык мы зовём «ана тілі». Это бережное, глубоко прочувствованное отношение с оттенком преклонения присуще художнику К. Каметову изначально. И потому его девушки и матери на всём пространстве творчества вызывают удивление и восхищение. И в «Женщинах Казахстана в тылу», и в «Молодых», и в листах к поэзии Абая, и в «Туранской Эве» (2011, х., м). Благородное и почтительное, это отношение защитника и покровителя, сына и отца. Только сильный вправе проявлять такие чувства. Вот почему в полотне 2008 года «Кочевники в пути» мы обретаем нового Кадырбека Каметова. Никогда на его творениях прежде ни один герой не улыбался. Ни единожды автор не представил нам радостных влюблённых – а их было множество в сериях гравюр на темы поэзии и прозы, в станковых листах. И вот крупным планом, близко к краю холста художник пишет всадника на белом коне. Могучий и добрый, он, едва улыбнувшись, что-то говорит своей половинке, доверчиво прильнувшей к нему. Почти невидимая, тоже в белом, лишь тёмные глаза на тёмном бледном лице и струящиеся тугие косы вдоль плеч. А его рука почти касается пальцами шара – целой планеты, живой, пульсирующей, которую Он преподносит Ей в дар. Вокруг – густая масса цветного пространства в багровых и сине-розовых сполохах. А двое движутся нам навстречу в спокойном величии и безмерной силе счастливого мига Бытия. Это – «Кочевники» Кадырбека Каметова. Вечное движение жизни. В любви и согласии.

В гармонии жизни и природы.

В чём жизни смысл?
 Конечно, в ней самой.
 Чтоб цвёл цветок,
 Чтоб падал снег зимой...
 ...Чтоб расцветали
     и спадали листья.
 И всё – без зависти
     и без корысти.
 И без непременно вопроса
     о смысле жизни.

Разве не об этом каждое творение Кадырбека Каметова? Не об этом мечтает каждый землянин? А Художник открывает ему своё сердце и находит отзвук. Поистине счастливая встреча!

Попутного ветра, Мастер!

ОТ РЕДАКЦИИ. Новое повествование нашего постоянного, с первого номера журнала «Нива» автора, известного писателя, историка, политолога Владислава Васильевича Владимирова без ретуши и умолчаний раскрывает наиболее ключевые моменты Целинной Эпопеи. Он и сам был её непосредственным свидетелем и участником в качестве опытного журналиста и литератора, ответственного работника аппарата Президиума Верховного Совета Казахской ССР, а затем в течение многих лет помощника члена Политбюро ЦК КПСС и Президиума Верховного Совета СССР, первого секретаря ЦК Компартии Казахстана, члена Военного совета Краснознамённого Среднеазиатского военного округа, доктора технических наук, академика Динмухамеда Ахмедовича Кунаева.

Лейтмотив повествования – в названии одной из его глав: «Из песни слов не выкинешь, а если и выкинешь, то это уже не та песня».

Владислав ВЛАДИМИРОВ

ОГЛЯНИСЬ НЕ В ДОСАДЕ

Ещё раз о том, что такое Целина

Из прошлого – близкого и далёкого

Продолжение подвига: в кавычках и без

ДАЖЕ НЕ ВЕРИТСЯ, что уже СТОЛЬКО весомых ЛЕТ минуло с тех оглушительных предвесенних дней, когда стремительно ворвалось в наш обиход это громадное слово – ЦЕЛИНА и всё остальное, что за ним стояло. Какие бы с той поры фантазмагорические метаморфозы ни произошли со всеми нами, но оно, не став исторической окаменелостью, по-прежнему тревожит и волнует.

«Рокот целинного трактора и гул Гагаринской ракеты стали подлинным знаменем в жизни советского общества второй половины XX-го века», – писал я в 1979 году в зачине для ещё одной книги о бесценных уроках Казахстанской Целины по просьбе члена Политбюро ЦК КПСС и члена Президиума Верховного Совета СССР, Первого секретаря ЦК Компартии Казахстана, доктора технических наук, академика Динмухамеда Ахмедовича Кунаева, ставшего одним из 16-ти человек, трижды удостоенных звания Героя Социалистического Труда за всё время существования СССР.

Большинство из них не увидело драматического схода СССР с исторической арены. Недолго после этого скоротечно-обвального процесса жил и сам Кунаев – его не стало 22 августа 1993 года. Он прожил на этом свете без трёх с половиною месяцев 82 года.

Многие из его современников справедливо считают: это была Великая Жизнь.

Есть и другие мнения.

Но я не о них, а о том, что Казахской Целине, всем её громадным проблемам и нескончаемым заботам Кунаев в бытность руководителем Академии наук, главой правительства, Перволицом Компартии Казахстана отдал не менее 40 самых лучших своих лет, то есть без малого половину отмеренного ему судьбой земного (календарного) срока.

А теперь уже в безвозвратно далёком от нас 1979 году вся советская держава так духоподъёмно отмечала в столице Казахстана Алма-Ате 25-летие Целинной Эпопеи, что наш великий юго-восточный сосед (а с Китаем у СССР тогда отношения были не из самых лучших) всполошился, как и в 1974-м, когда к нам пожаловал Брежнев, не на шутку (Кунаеву об этом немедленно доложили компетентные инстанции) и опять привёл свои войска в повышенную боевую готовность.

Как бы то ни было, а составленная мною книга была издана за считанные дни в Москве к этим самым торжествам, и на её страницах вместе с Кунаевым великое всенародное деяние славили от всей души люди разных возрастов и профессий: знатные первоцелинники, партийные, советские, комсомольские работники, ведущие учёные, известные литераторы и даже один генерал-полковник – Пётр Георгиевич Лушев, командовавший войсками КСАВО – Краснознамённого Среднеазиатского военного округа, того самого, который доставлял Пекину, его военачальникам большую головную боль и, к их великой радости, был упразднён Горбачёвым.

Славили под звучные эпитафии из книги Леонида Ильича Брежнева «Целина», весьма примечательная история сотворения которой была воссоздана мною на страницах журнала «Нива» (1991, №№ 1-5, 1992, № 1).

Если генерал-полковнику Лушеву Политотдел КСАВО изложил толковую статью, то материалы многих других авторов пришлось подтягивать, а за иных, согласовывая с ними каждую страницу, переписывать заново, прежде чем весь сборник мог быть представлен в Политиздат, где для подобной литературы существовала бдительная тройная редактура в лице (в лицах) младших редакторов, просто редакторов и заведующих редакциями.

Кроме того, со сборником знакомились в ЦК КПСС.

А параллельно (это само собой разумелось) в так называемом ЛИТО – с его главными и не-главными *литовцами* – отнюдь не представителями одной из тогдашних союзных республик Прибалтики, а, попросту говоря, цензорами, для которых с их нередко самыми олигофреничными требованиями все авторы, в том числе и члены Политбюро ЦК КПСС, были потенциальными разглашателями государственных, экономических, военных, прочих тайн и секретов.

Книга называлась – «ПРОДОЛЖЕНИЕ ПОДВИГА».

Если бы *литовцы* прознали этимологию этого титла, то сразу бы возникли крупные сомнения, хотя великой оригинальностью онный не блистал: название навеял мне заголовок одной из проходных вещей неожиданно оставшегося в Англии когда-то довольно-таки популярного, а ныне всеми забытого молодёжного писателя Анатолия Кузнецова.

На берегах Туманного Альбиона сей *невозвращенец* (так называли категорию граждан СССР, остававшихся в странах презренного капитала) оказался отнюдь не праздным туристом, а от прекрасного журнала «Юность».

Его главный редактор, милейший и многоопытный Борис Николаевич Полевой (Кампов), автор знаменитой «Повести о настоящем человеке», с лёгкой душой подписывал Кузнецову командировочное удостоверение, вполне уверенный в том, что его даровитый крестник после сбора необходимых материалов сотворит для журнала отличную повесть о пребывании Ленина в Лондоне. Но нехороший Кузнецов (Анатоль – так с покровительственной фамильярностью называли его новые хозяева) обманул эти радужные надежды, а заодно сократил свою жизнь до минимума: спустя какое-то время его сбил насмерть неизвестный автомобиль.

Я тоже бывал в Британии (Швеции, Индии) и знаю, как непросто привыкать к тамошнему бурному левостороннему движению, когда все наши пешеходные рефлексy при переходе британских (шведских, индийских) улиц и площадей были готовы оказать нам самую скверную услугу. И по официальной полицейской статистике, едва ли не каждый первый травмированный при этом – иностранец, а не абориген. Так что в случившейся печальной драме с невозвращенцем Анатодем вряд ли стоит искать зловещие следы неких советских спецслужб (того же якобы вездесущего ведомства с Лубянки), хотя, как говорится, чем Чёрт не шутит, когда Бог спит.

В Политиздате, где про печатавшегося там Кузнецова забыли раньше других, название нашего сборника с его расхожей (дежурной) пафосностью утвердили мгновенно и радостно, имея в виду, конечно же, не его тайную, так и не выявленную *литовцами* переключку с *диссидентским* «Продолжением легенды», а одно-единственное – *продолжение трудового подвига* старших поколений, возводивших Комсомольск-на-Амуре и Магнитку, соорудивших ДнепрогЭС и Сталинградский тракторный завод, Турксиб, Риддер, Балхаш...

Привычно исповедовалось давным-давно знакомое: чем проще и аксиоматичнее, чем приближённое к шаблонным формулам и стереотипным лозунгам партийного агитпропа, тем лучше. Поэтому *штандтпункт* книги, её направление задавались такие: не акцентировать на состоянии сельского хозяйства страны 50-х годов XX-го века, но тем не менее чётко раскрыть спасительную для всего советского народа и социалистического содружества роль освоения Целины и лично выдающегося деятеля международного коммунистического и рабочего движения, Генерального секретаря ЦК КПСС Леонида Ильича Брежнева.

Его же предшественника у руля партии и государства, экс-дорогого Никиту Сергеевича Хрущёва, бескровно свергнутого в 1964 году на октябрьском Пленуме ЦК КПСС за полтора десятилетия до четвертьвекового юбилея Целины, – побоку, за скобки, а если и полагалось упоминать, то не иначе как только в негативном плане. В этом смысле мимоходом пнуть вот уже как 8 лет покойного тираноборца и реформатора дозволялось вполне. А помер он тихо в 1971-м, успев надиктовать мемуары, переправить в США *по назначению*, а заодно публично отказаться от них в советской печати.

Всенародной скорби печальная весть о кончине Хрущёва не вызвала. Когда в Политбюро ЦК КПСС голосовался вопрос – где захоронить его бранный прах, Кунаев категорически воспротивился, чтобы – в Кремлёвской стене.

Упокоили на Новодевичьем.

А про действительного ПЕРВОЦЕЛИННИКА – Пантелеймона Кондратьевича ПОНОМАРЕНКО (о нём сказ у меня особый!), кроме Димаша Ахмедовича КУНАЕВА, с кем Пономаренко связывало дружество верное и пожизненное, вообще никто не вспомнил.

Словом, при сотворении сборника надо было учесть и то, и другое, и третье с четвёртым, пятым, десятым, сотым, справиться с этакой *квadrатурой круга*, где ни *квadrата* и ни *круга*, а сплошная бесппроблемно-восклицательная прямая с дозированными вкраплениями суровой правды Бытия.

Все режиссёрские пожелания Политиздата (читай: главных идеологов ЦК КПСС) были вроде бы учтены, но странное дело: юбилейно-подарочного изделия в известном и в ту пору очень жалуемом, а потому и распространённом стиле *жасасын!* (*да здравствует!*) так и не получилось.

К читателям ушла отпечатанная в ордена Ленина московской типографии «Красный пролетарий» 100-тысячным тиражом довольно реалистичная книга, которая, несмотря на изрядную концентрацию в ней откровенной дифирамбике в адрес генсека, давала ёмкое представление о главных аспектах гигантской акции, дотоле невиданной в практике мирового земледелия.

Поскольку знаменитая книга Брежнева «Целина» посвящалась им с помощью золотых наёмных перьев незабвенного Константина Устиновича Черненко самому себе и Казахстану, то и в нашем сборнике все воспоминатели – от Кунаева до Олжаса Сулейменова (общим числом в 31-ю персону) *оказахстанили* всю Целинную Эпопею прежде всего потому, что самая значительная часть этой небывалой акции припала именно на Казахстан.

И тот, кто утверждал (или утверждает), что Целина Казахстану ничего не дала, скорее всего, сам из этой Эпопеи ровным счётом ничего не вынес, тогда как только она (а ничто другое, даже не Космодром Байконур, не стратегическое *хозяйство* всемогущего министра т.н. среднего машиностроения, дважды лауреата Сталинской премии, трижды Героя Социалистического Труда Ефима Львовича Славского, обширно развёрнутое по республике, и не пресловутый Семипалатинский ядерный полигон) вослед за немеркнущими подвигами Казахстана в Великой Отечественной войне заставила всё мировое сообщество (хотело оно того или нет), его средства массовой информации, наконец, наземные и спутниковые экономические разведки ведущих (и не ведущих) мировых держав снова самым пристальным образом с середины 50-х годов и вплоть до схода СССР с исторической арены следить за Казахстаном и убеждаться в том, что онный есть не только пространственно-географическое понятие.

Подробнее об этом – дальше, а здесь же считаю важным особо подчеркнуть, что у Казахстана была (и есть) своя Целина – и не только в её сугубо хозяйственно-экономических измерениях, а и в социально-нравственных, психологических, если угодно, в философских.

Этнографических тоже не в последнюю очередь.

Неспроста же именно на этнографический аспект освоения Целины обратил своё далеко не праздное внимание уже на второй год её освоения строитель новой Индии Джавахарлал Неру во время пребывания его в 1955 году вместе со своей дочерью Индирой Ганди в Алма-Ате.

А за целинные регионы и способы их освоения на Алтае, в Поволжье, Предуралье и на Урале, в Западной и Восточной Сибири, на Дальнем Востоке, а также в российском Нечерноземье (последнее дело при участии, точнее полном неучастии Председателя Совета Министров РСФСР Соломенцева, несмотря на с трудом изысканные и щедро отпущенные государством громадные средства, было провалено полностью) казахстанцы в ответчиках не были.

Хотя освоение Целины в Казахстане и разыгрывалось по единой для других целинных регионов Союза партитуре, однако, во-первых, повторю для ясности, явно не в таких, как у нас, размерах, и, во-вторых (а быть может, во-первых), при совершенно иных этнографических и социальных ингредиентах, какие были характерны тогда для нашей республики, по которой ещё задолго до Большой Войны (термин народного писателя Казахстана Дмитрия Фёдоровича Снегина) и её колоссальных человеческих потерь фронтально прошёл свинцовый каток криво проведённой коллективизации, обернувшейся страшными бедами для сотен тысяч и даже миллионов людей.

Едва ли хотя бы элементарными познаниями об этом снабжались при отъезде на Целину те, кто изъявил желание отправиться в малознакомый край после *исторического* Постановления февральско-мартовского Пленума ЦК КПСС «О дальнейшем увеличении производства зерна в стране и об освоении целинных и залежных земель».

Пленум этот проходил в Москве с 23 февраля по 2 марта 1954 года. В ту памятную эпоху после внезапной кончины Сталина – об истинных её причинах тогда ничего не было ведомо – всем (без какого-либо исключения) Пленумам ЦК КПСС, произносимым на них и на съездах, конференциях, симпозиумах речам и выступлениям, всем визитам и поездкам руководителей Коммунистической партии и родного правительства, принимаемым решениям и постановлениям немедленно присваивался этот похвальный эпитет – *исторический*, ибо вся *История* РСДРП/РКП(б)/ВКП(б)/КПСС во многом предопределяла и определяла всю *Историю* нашей былой сверхдержавы, а иначе-то быть никак не могло. Всякого же рода промахи, недочёты, сбои, ошибки, срывы, неудачи, провалы составляли уже категорию внеисторическую, временную и, подразумевалось – случайную.

Поэтому в канун холодной весны 1954 года на партийном Олимпе мало кто вспомнил, а если и вспомнил, то не сказал о том, о чём не раз говорил тогда и позже Кунаев: сразу же после Большой Войны, особенно опустошительной для экономики регионов, побывавших под оккупацией

гитлеровцев и их приспешников, Сталин к острейшим проблемам общесоюзной аграрной экономики обращался неоднократно и неединолично.

Напомню: уже 8 июля 1945 года ЦК ВКП(б) принял Постановление «О строительстве домов колхозников, хозяйственных построек колхозов и культурно-бытовых зданий в районах, подвергшихся оккупации».

18 марта 1946 года Верховный Совет СССР утвердил Закон «О пятилетнем плане восстановления и развития народного хозяйства СССР на 1946-1950 годы».

19 сентября 1946 года Сталин подписал Постановление Совета Министров и ЦК ВКП(б) «О мерах по ликвидации нарушений Устава сельскохозяйственной артели в колхозах».

28 февраля 1947 года собравшийся в Москве Пленум ЦК ВКП(б) особо рассмотрел преогромной державной важности вопрос «О мерах подъёма сельского хозяйства в послевоенный период».

Немалые государственные средства и партийно-комсомольские, профсоюзные силы были брошены на скорейшее восстановление Сталинградского и Харьковского тракторных заводов, Харьковского завода сельхозмашин «Серп и Молот», завода «Ростсельмаш», Воронежского завода синтетического каучука имени Кирова, Днепродзержинского азотно-тукового завода, многих других предприятий, обладающих ключевым значением для реанимации и резкого роста сельского хозяйства страны.

Начисто забытый ныне так называемый Сталинский План Преобразования Природы с его интенсивным созданием *лесополос* и активным *каналостроением* не представлял никакой утопии, а был комплексом совершенно конкретных научно-обоснованных разработок, чьей главной целью являлась активная интенсификация производства всех видов продукции земледелия и животноводства.

Ещё задолго до Большой Войны Сталиным определялась в целом по СССР как минимальная задача – *освоение не менее 20 миллионов гектаров целинных земель*.

Вместе с сооружением Днепрогэса и Турксиба, развитием могучей индустрии Урала и Сибири Целина должна была тоже стать программой занятости населения. Причём, во многом по чертежам североамериканского президента Франклина Делано Рузвельта, который в жуткий для его страны период Великой Депрессии 1929-1932 годов начал со строительства дорог, а те, подобно мощному локомотиву, вытянули из кризиса всю североамериканскую экономику и пустили её в неуклонный рост.

И если бы не принудительная кончина нашего, разумеется, всеми в ту пору горячо любимого Вождя, то названный выше, не лишённый гордой величественности План Преобразования Природы непременно сделался бы такой же советской явью, как и культурная революция, индустриализация, коллективизация и все остальные довоенные *преобразования* в советском государстве и обществе, а освоение Целины стало бы органической частью этого Плана.

Какой ценой – это уже другой разговор.

Тут было, условно говоря, два пути – *беломоробалтийский и турксибовский*.

При сооружении знаменитого Беломоро-Балтийского канала отковался вопрос: «Так кто же строил канал?» и вот такой последовал более или менее правдивый ответ: «Левый берег строили те, кто восхвалял Троцкого, рассказывал анекдоты про Сталина и Советскую власть, а правый – кто эти анекдоты слушал». Да, на этой гигантской стройке главным образом использовался рабочий контингент ГУЛАГа, в своём большинстве по окончании строительства освобождённый из-под стражи за ударный и качественный труд, тогда как при прокладке не менее знаменитого Турксиба – Туркестано-Сибирской железной дороги и сооружении Днепрогэса, автомобильных гигантов – ГАЗа/ЗИМа – Горьковского автозавода имени Молотова, АМО/ЗИСа – Московского автозавода имени Сталина, Сталинградского, Харьковского, Челябинского тракторных заводов не было ни одного заключённого. Зато большие советские ордена вместе с отечественными ИТР – инженерно-техническими работниками и передовиками строительства получали (и не в последнюю очередь) многие североамериканские специалисты.

4 января 1952 года в ЦК ВКП(б) специально рассматривался вопрос «О социалистическом соревновании в промышленности и сельском хозяйстве».

Значительное внимание сельскохозяйственным задачам уделил состоявшийся 5-14 октября 1952 года XIX-й съезд ВКП(б) – Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков), ставшей на этом съезде КПСС – Коммунистической партией Советского Союза, по воле Сталина окончательно распрощавшейся уже в самом названии партии с *большевизмом*, как таковым, и утвердивший Директивы пятой пятилетки – на 1951-1955 годы.

Я никому не навязываю своего мнения, но тут полностью согласен с Кунаевым, который считал, основываясь на собственном опыте работы одним из заместителей председателя Совнаркома, а затем Совмина республики, что безмозглой или антинародной тогдашнюю аграрную политику партии и государства (читай: Сталина, критически усвоившего более чем жестокие уроки, преподанные им самим и трагической эпохой) назвать никак нельзя.

Вместе с другими мерами по восстановлению и развитию народного хозяйства эта политика позволяла практически *ежегодно* до Большой Войны снижать уже с 1934 года по всей стране розничные цены на продукты питания и многие товары, что кое о чём да и говорило (и говорит) красноречивей любых лозунгов минувшего и самых оптимистических обещаний наступившей эры Второго российско-эСэНГэвского капитализма, которую обычному трудовому человеку пока ещё хвалить не за что.

Но стоило уйти из жизни «гениальному продолжателю великого дела Ленина», как у кремлёвских наследников этого самого дела всё пошло наперекосяк. Надо было срочно спасать положение. Закрывать начавшиеся изыскания по строительству величайшего в мире Главного Туркменского канала и срочно перебрасывать определённые ему 30 миллиардов золотых рублей на освоение целинных и залежных земель с добавлением новых значительных средств.

В отличие от Ленина и Сталина, никогда не скрывавших от партии и народа реальных вещей, вчерашние верные сталинцы, почти моментально ставшие верными ленинцами, предпочли не бить в колокола тревоги, а после откровенной по кражи планов освоения Целины у Сталина с упором на комсомол и молодёжь решились поставить дотоле небывалое по своим масштабам искусное революционно-романтическое действие с выходом в конкретную аграрную практику, позволявшую бы решать положительно задачи увеличения производства зерна и продукции животноводства, дальнейшего подъёма народного благосостояния, науки, образования, культуры.

И, надо сказать, это было сделано своевременно.

Как прежде говорили и писали, вдохновлённые решениями исторического февральско-мартовского (1954 года) Пленума ЦК КПСС, по комсомольским путёвкам, на добровольной основе в Казахстан двинули не какие-то, по явно опрометчивому утверждению иных нынешних эссеистов, великовозрастные оболтусы, а люди со своим кодексом чести, совести и долга, экономически образованные и профессионально подготовленные, со значительной прослойкой из вчерашних участников Великой Отечественной войны и демобилизованных воинов помоложе, тоже ничуть не заражённых вредоносной бациллой этнической исключительности и национальной замкнутости, знающих истинную цену хлебу и людскому дружеству, единству слова и дела.

Однако одновременно с ними оказалась на Целине и всякого рода беспутёвочная (а зачастую и беспаспортная) шантрапа, которую туда никто не приглашал. Эта братия (и сестрия) сама рванула в Казахстан в расчёте на лёгкую поживу, но вовсе не обезчеловеченным рвачам, проходимцам, *жалкаулар*-лентяям предстояло стать знаковым синонимом свершаемого на его громадных пространствах.

И, конечно же, ничуть не кривил душой корифей мысли и пера Мухтар Омарханович Ауэзов, подчёркивая, что новосёлы-целинники прибыли (как тогда говорили: *по зову партии, по велению сердца*) в Казахстан «не горе мыкать, как прежние переселенцы из царской России, гонимые нуждой, и не прежняя колониальная окраина встретила их здесь, а встретил казахский народ, сам оказавшийся в лучших рядах первоцелинников».

Казахстан для многих новосёлов в самом прямом смысле оказался подлинной школой познания древней истории гостеприимного казахского народа, его обычаев и традиций, уклада жизни, школой коллективизма, товарищеского бескорыстия и духовного родства, второй родиной, какой Казахстан стал ещё раньше для сотен тысяч зачастую не по своей воле появившихся здесь в разное время (иной раз, как, например, ссыльные поляки, с 30-х годов XVIII-го столетия) уйгур, дунган, корейцев, представителей многих других народов, а для их детей и внуков – первой и единственной.

И коль кто после аннигиляции СССР под тяжким и неумолимым прессом сугубо экономических (но отнюдь не межнациональных!) обстоятельств без какой-либо обиды, но с глубокой грустью был вынужден

покинуть Казахстан (а отбыло в Россию, на Украину, в Германию, Израиль, Грецию, Чехию, другие страны около 3-х миллионов человек, причём далеко не из худших), то годы, отданные Целине, остались в жизни каждого отъехавшего русского, украинца, белоруса, немца, поляка, грека, еврея едва ли не самыми лучшими своей тесной причастностью к громаде незабываемо-свершённому на древней земле казахов.

Нет, с целенаправленным и настойчивым преобразованием Целины так и не потекли в Казахстане и Советском Союзе реки молока с кисельными берегами, но оно всё-таки заметно ослабило тиски всевозможных дефицитов и хронических нехваток в продовольственной сфере в целом по стране, а интенсивное развитие социальной инфраструктуры Целины, коллективных и межличностных отношений – всё это в самой значительной мере повлияло и на самих преобразователей.

Ну так почему, даже самым достойным образом отметив на заре наступившего Третьего Тысячелетия (в 2004-м) *золотой юбилей великой Целинной Эпопеи*, а в 2012-м – *славное 100-летие со дня рождения (12 января 1912 года) Динмухамеда Ахмедовича Кунаева*, мы всё ещё нередко говорим о её социальной и экономической *преображенческой* сути и *пассионарной* роли Д.А. в этой Эпопее чересчур нейтрально, казённо, даже отстранённо, будто бы не им и не нашими отцами, старшими братьями и нами всё это делалось, а некими зомбированными роботами с какой-то другой планеты. Или всё ещё зло шуримся на яркое солнце Целины, пытаюсь заслонить его ладонью зряшного отрицания, сбиваемся на обличительно-обидчивую риторику, будто бы свершённое действительно кому-то застило всё и вся на Белом Свете, кого-то оскорбило, обворовало, обездолило, лишило перевозданной *самости* многое из того, на что якобы ни в коем разе и ни при каких обстоятельствах не надо было бы покушаться.

Что ж, и на каждую из таких (как на множество других!) точек зрения, видимо, есть свои резоны и соответствующие им аргументы.

Вопрос – какими глазами и с какой головой на всё это смотреть.

Есть такой характер!

ИСТОРИЯ такая штука – неподатливая. Она, как таблица умножения, периодическая система Менделеева, уравнения Шредингера (квантовая механика), как теория относительности Эйнштейна, никакому начальству не подчиняется.

Но, явно путая Историю с панельной девкой, всякая власть (даже от Бога) спешит пригласить музу Клио на соответствующие *сеансы*. Иногда получается. Правда, с самыми наихудшими последствиями для самой же власти и её предержажших, забывающих простейшую истину: даже с самой высокой, чуть ли не занебесной должности, как из номера отеля, всё равно рано или поздно придётся съехать.

Поэтому лучше всего сохранять с Историей и её музой наиболее уважительные отношения. Причём и самим историкам и публицистам, социологам, политологам тоже, увы, весьма гораздо при любой смене социально-политических координат выгодно торгануть как своей совестью, так и самой правдой.

Нечто похожее происходит и теперь при нынешних оглядах иных из наших Несторов да Пименов на сравнительно недавнее наше же прошлое. В упор не желают видеть они самоочевидного. А оно ведь от этого небрежения не исчезает в сфере зыбких иллюзий и миражей.

И если прежде с вполне достаточным на то основанием говорили о такой сформировавшейся социально-политической общности людей, как *советский народ*, то неотрывную часть такой общности составляли *целинники*, чьи внушительные дела по своей масштабности уже изначально перекрывали любые из прежних земледельческих акций первопроходцев Соединённых Штатов Америки, Канады, Австралии.

Да, ныне нет советского народа – и ясно почему нет: политические ушкуйники из Беловежской пуши (точнее – бани) постарались рубануть по живому так, что возобладало совсем не то, на что они сами рассчитывали.

Слава Всевышнему, дальновидный Первый Президент Казахстана не участвовал в этом гнусном преступлении, сумев, хотя и не без определённых издержек, искусно вывести родной край из-под глыб и обломков рухнувшего на трудную, но единственно верную дорогу цивилизованного обустройства всеказахстанского бытия.

Да, ныне нет *советского народа*, но есть, пожалуй, самое позитивное и реальное его наследие, по крайней мере в Казахстане, – вот уже несколько поколений *целинников*, людей особого склада и действий, со своим пониманием предназначения человека на земле.

Овеянные мужественной романтикой сугубо мирного созидания, преодолевшие жуткие трудности, наши целинники сумели привлекательно украсить своими деяниями и воззрениями не только фасад советской системы, но и значительно *очеловечить* её изнутри.

Как только ни обзывали Казахстанскую Целину её закордонные недоброжелатели, изощряясь в самых хлётких определениях и оскорбительных эпитетах: скопищем депортированных и деклассированных, подневольной зоной, трудовым лагерем, военизированной резервацией и т.п.

Они намеренно порочили её на все лады, чтобы не дать ни нашим, ни своим социологам, политологам, философам, публицистам и вообще людям, способным хотя бы мало-мальски аналитически мыслить, прийти к самым главным верным выводам, вдумчиво сформулировать их в назидание и урок тем, кто, оглядываясь на минувшее, уж очень сильно задним умом крепок.

А эти выводы заключались (и заключаются), прежде всего, в том самоочевидном и неопровержимом процессе, что именно *целинники*, а не кто-либо иной, опережая время и события, уверенно избавляли свой *целинный социум* от постылой практики идеологической трепотни, от постной ортодоксии и замороченности, повсеместного владычества трёх химер – жадности, зависти, подхалимства, от бюрократического утопизма в пользу прагматического реализма, и, как это ни парадоксально, при всеобщем жёстком административном централизме сумели довольно глубоко демократизировать у себя многие социальные процессы.

Их гибкое, инициативное, сплочённое, *бескризисное* хозяйствование и год от года укоренявшееся здесь (опять-таки уже не в одном трудовом поколении) высокое чувство самоответственности, если угодно, своеобразной круговой поруки, при которой один за всех и все за одного, выбивали основу из-под всякого рода социального иждивенчества, цинизма, мошенничества, лицемерия, коррупции.

Ещё задолго до того, как 35-й президент США Джон Кеннеди отлил патетическую формулу североамериканского патриотизма, казахстанские целинники, в подавляющем большинстве свято уверовав в своё особое предназначение (а оно на деле всегда было именно таковым), жили и действовали в её створе применительно к самим себе и родной державе: «Не спрашивай, что страна может сделать для тебя, а спрашивай, что ты можешь сделать для страны».

Всё это вовсе не означало пресловутой *самоотверженности* (в прошлом едва ли не самого лживого из идеологических штампов), как и не знаменовало окончательного обретения целинниками желанной *жер-уюк* – *земли обетованной*, о которой веками грезили герои казахских народных сказаний и прежде всех остальных вечный скиталец, печальник Асан-кайгы.

Нет, конечно.

Но тем не менее не сразу, не в одночасье, а постепенно всё это способствовало возникновению и становлению совершенно особого – *целинного* характера.

Этот характер формировался и сформировался там, куда и прежде свозили людей тысячами, и нередко дено и noctно, все их рабочие сутки, недели, месяцы и годы осеняли прекрасно знакомые и всем *первоцелинникам* чеканные слова Сталина, писанные на кумачёвых полотнищах, украшавших ворота и арки, административные здания, клубы, библиотеки, красные уголки, начальственные кабинеты, повторяемые изустно и ежедневно, вместо мусульманского намаза или христианской молитвы: «*Труд в СССР – дело чести, доблести и героизма*».

Но то были отнюдь не комсомольцы-добровольцы и не партийцы, которых горячо напутствовали в дальнюю дорогу их же номенклатурные вожди и вождытя, сами далеко не всегда верившие в полный успех беспрецедентно затеянного.

Ну тогда кто же?

Напомню вкратце.

Чуть ли не первыми в Казахстан ещё довоенных лет прибыли эшелонные спецпереселенцев – советских корейцев, срочно удалённых с Дальнего Востока. Мотив Кремля был прост: превентивная (упредительная) ликвидация вероятной *пятой колонны* в видах возможной войны с милитаристской Японией. (Очень пособил японской разведке, умело – и это не миф! – раскинувшей по миру свои щупальца, неожиданно сбежавший к японцам обладатель всех секретов Кремля, закадычный приятель тогдашнего кормчего НКВД Ежова, глава чекистов Приморья и Дальнего Востока, депутат Верховного Совета СССР Люшков).

К слову, но не между прочим: по аналогичному резону в Соединённых Штатах Америки и Канаде с этническими японцами поступили несравненно жёстче – их безоговорочно заперли на всё время Второй мировой войны в специальные резервации, после её победоносного окончания освободили, но, кажется, никаких официальных извинений не последовало до сих пор.

Следом за корейцами в 1939-1940 годах в Казахстан из западных регионов СССР были перемещены значительные людские контингенты.

С осени 1941 года по Указу Президиума Верховного Совета СССР от 28 августа 1941 года производилось вселение в Казахстан немцев Поволжья, а к весне 1944 года – жителей Кавказа: чеченцев, ингушей, балкарцев и карачаевцев, курдов, турок, греков, ассирийцев и даже иранцев (персов).

В годы войны в полном распоряжении НКВД, помимо отечественных подопечных, находилось немало германских и японских военнопленных. В середине 40-х годов минувшего века сам видел я их в работе на алматинских стройках, а потом под Карагандой.

Ещё не закончилась Вторая мировая война, а казахстанские филиалы ГУЛАГа пополнились иной публикой – пособниками германских, румынских, венгерских, чешских и прочих оккупантов, а также всякого сорта *лесными братьями*, разноуспешно, но одинаково кроваво орудовавшими в ближних и даже дальних тылах Советской Армии.

Отмотав по суду свой срок и выйдя за лагерные ворота, эти люди не торопились возвращаться в отчие места. Там их достала бы карающая рука тех земляков, чьи близкие и родные были искалечены или загублены в годы войны. Разными способами преобразившись в первоцелинников, эти невозвращенцы не спешили открывать сокровенные подробности своего бывшего даже в своих новых семьях, сочли за благо правоту народного приговора о том, что *на чьей телеге едешь, того и песенки поёшь*.

Конечно же, анкета не позволила большинству из них выбиться в элитные слои общества, но Целина их не отвергла, её изгоями они не стали. Многие из них удостоились высоких государственных наград, а иные даже сделали кавалерами Золотой Звезды.

Едва ли какая-либо из других тоталитарных и даже демократических систем способна на столь разительные метаморфозы – примерно в таком духе и высказался на сей счёт мой коллега по журналистике из США, слегка смахивавший на отставного профессионального боксёра (назову его так) Роб Джекслер, к тому же ещё и почтенный автор неординарных философских трудов.

Его улыбочиво-доброжелательное отношение ко всему увиденному было ровным, тогда как иные из его спутников плохо скрывали свой скептицизм, ничуть не стеснялись иронических усмешечек и междометий – благо поводов выкатывалось из-за каждого угла и поворота предостаточно. Изумляло его превосходное знание русского языка, умение схватывать, запоминать и затем самому озвучивать целые фразы на казахском языке.

И вот ему по чистой случайности приоткрылись весьма колоритные подробности из доцелинного бытия некоторых всеми уважаемых, звездных ветеранов-целинников.

«Ни за что не поверил бы, если бы сам не столкнулся с ними!» – воскликнул коллега и довольно обстоятельно обрисовал (обсказал) своё личное видение уже как заправский философ, не опровергавший Маркса, но и его не жаловавший.

Выглядело оно в такой последовательности – за стенографическую точность изречённого не ручаюсь, но смысл был именно таков: «Встреченные мной персонажи своей биографией напрочь опровергают вечный постулат Гегеля о том, что движущей силой прогресса, рычагами самой Истории всегда выступает вселенское Зло. А оно, как вы хорошо знаете, выступает во всех его видах: жадность, алчность, властолюбие».

Кое-кто из нас слышал об этом впервые, но тем не менее охотно подтвердил своё знание Гегеля солидным молчаливым кивком, ибо давно известно, что слово – аргентум (серебро), а молчание – аурум (золото).

Один из спутников философа, самый дородный, дай Бог памяти, кажется, из штата Пенсильвания, шеф тамошней агрослужбы, догадливо истолковал наше молчание и деликатно пояснил нескончаемую триаду Гегеля, в отличие от хрестоматийной, нам тоже прежде пока ещё не ведомую: новое Зло отрицает старое Зло, потом оба Зла единятся и отрицают бывшее новое Зло, и нет всему этому ни тормоза, ни конца.

Философ на правах старшего остановил эти объяснения (пояснения) энергичным жестом, чтобы не терять разгона своим суждениям: «Так вот, на вашей насквозь атеистической Целине неумолимые законы Гегеля полностью размагничены! Вы на святое место Бога поставили свой вождельный Миллиард, но, право, ничуть не стали от этого хуже! Любой ваш целинный босс-директор даст фору декану нашего гуманитарного университета. Наш фермер заклинен только на чистогане. Ему не до высоких материй. Никто никого у нас всерьёз уже давно не читает! Всё заменили телевизионная жвачка, футбол, регби, секс...»

Захотелось (иронически) подсказать в полурифму: «... бокс».

Но сработало неписаное правило – по возможности никогда не перебивать интересного собеседника, и оно вознаградило нас таким эмоциональным монологом гостя: «А что означают все эти суррогаты культуры? Они означают только одно – полную потерю духовности нации. Ваши же механизаторы знают Фолкнера, Толстого и Хемингуэя лучше, чем я! Ваши доярки поют, как соблазнявшие Одиссея сирены!

А какие у вас Дворцы культуры! Библиотеки! Клубы!

Какие школы, детские сады, духовые оркестры!

У вас нигде и ни в чём нет кричащей роскоши. Но у вас нигде и ни в чём нет вопиющего убожества! Я прекрасно понимаю, что вы нам никогда не покажете самого худшего. Но я и не прошу вас вести меня на экскурсию в тюрьму или в гости к вконец опустившемуся алкоголику. У нас своих алкоголиков хватает, а тюрьмы, увы, будут всегда там, где есть человек.

Но я не об этом.

Мне сказали, что на обустройство каждого новосёла ваше государство безвозмездно отдаёт 25 тысяч рублей. В отчёте после вашей денежной реформы 1961 года. Даже по нашим понятиям, это солидная сумма. Однако никаким нашим энтузиастам и первопроходцам такая поддержка не снилась даже в самых волшебных снах. Ни при президенте Вашингтоне. Ни при нынешних наших президентах.

Вот почему у вас на митингах воздают хвалу вашей партии, говорят про родное правительство, возглашают в его честь здравицы.

У нас же кто назовёт правительство родным, тот может смело рассчитывать на долговременное место в сумасшедшем доме», – довольный этим публицистическим пируэтом наш гость однако не удлинил паузы больше, чем ему понадобилось раскурить новую сигарету, и тут же продолжил: «А какие, дорогие друзья, у вас замечательные, крепкие и счастливые семьи! Да это же сразу видно по женским лицам! Счастье, как и горе, трудно спрятать. И недаром у вас в любом застолье просто обязателен самый сердечный тост за ваших женщин. А ваши женские бригады! Это же невиданное и немислимое для нас дело! Каков там трудовой азарт!

У вас уже нет культа Сталина. Нет казино, ночных баров и публичных домов. Но у вас настоящий культ детей! Я это сам видел и сам понял.

Да, у вас неполадок, как это вы сами не скрываете и открыто говорите, выше крыши. У вас полно хорошо устроившихся лентяев. Вы чересчур к ним снисходительны и даже великодушны. Вы очень обожаете заседать и совещаться. Вы очень любите частые перекуры и слишком крепкую водку. Но по части крепко выпить не только вы чемпионы на планете... Пожалуй, так я и обо всём напишу... И ещё я напишу о том, чтобы не верили тем умникам, которые говорят: историю знают приличные люди, а делают её дураки и негодяи, ибо вашу Историю делают отнюдь не дураки...».

Весь свой монолог, сопровождаемый размашистой жестикуляцией, вообще-то привычной для традиционной нашей дастарханности, он прокрутил, не сбившись с изначально-убеждающей тональности, и я полностью согласился с ним (и лишь отчасти с Гегелем).

Единственное, о чём под его честное слово *свободного* журналиста (подумал тогда: если есть такое на Белом Свете) убедительно попросил на следующее утро (один на один, предварительно вняв его просьбе, чтобы у него не побаливала голова) – не называть настоящих фамилий *тех наших героев* и точных их почтовых адресов.

Напрямик объяснил: у кровной мести длинная рука не только на Кавказе – вон из какого далека евреи вывезли *своего* обер-палача Эйхмана в 1960-м, тайно перебросили его из Аргентины в Израиль, а там уже открыто после всех судебных разбирательств усадили в 1962-м на электрический стул и врубили ток.

Хотя и велик Советский Союз, но всё-таки от Западной Украины до искомого целинного совхоза ближе, чем от Аргентины до Тель-Авива, да и нашим разбирательствам никаких судов и электрорембелли не понадобится, для самостийной Фемиды вполне хватит ингредиентов попроще.

Наш гость внял моим доводам и своё честное слово (редкий, даже очень исключительный случай!) всё-таки сдержал.

Первой же, считаю, полноценной зарубежной книгой о Казахстанской Целине был сборник венгерского журналиста Ференца Коморника «Расскажи, аксакал!» из самой популярной в его стране молодёжной газеты «Мадьяр ифьюшаг» («Молодёжь Венгрии»), некоего аналога нашим комсомольским изданиям, но как тогда быстро уяснил я себе, с гораздо большей свободой пера и действий.

По прекрасно изданному экземпляру этой книги подарил мне и ответственному секретарю целиноградской газеты «Молодой целинник» Анатолию Франковскому сам автор в Будапеште золотой осенью 1962 года.

Немало для объективного освещения наших целинных проблем сделал главный редактор французской газеты «Коломбо информасьон» Маттео Полетти. У него с Казахстаном связи сложились, можно сказать, родственные: его дочь Анна, выпускница русского отделения Парижского университета в 1974 году больше месяца гостила в Алма-Ате у Светланы Александровны Бараевой, дочери академика Александра Ивановича Бараева, которого по справедливости целинники называли своим Главным Агрономом. Анна Маттео мечтала продолжить учёбу в Казахстане. Тем паче, что Светлана Александровна, прекрасно владеющая французским языком, могла в этом помочь ей в своём Казахском педагогическом институте имени Абая.

Сам же Маттео, как он рассказывал мне в городе Коломбо – на открытии Дней СССР, которые во Франции осенью 1975 года по инициативе Кунаева проводились в её городах на примере Казахстана, – родился в 1924-м. С началом Второй мировой войны нацисты увезли его в лагерь Шварцвальд, отца – в Бухенвальд, мать – в Равенсбрюк. Не знает, как им и ему самому удалось выжить после всех ужасов, кошмаров, страданий и мучений. Видимо, спасло изначальное, почти богатырское сложение и здоровье. В свои полные 50 он тогда, в 1975-м, был широкоплеч, весь налит силой. Став профессиональным литератором, Маттео навсегда дал себе зарок – никогда не писать полуправды.

«Большое спасибо, что позвонили, – скажет мне в Алма-Ате Светлана Александровна Бараева. – Нам привет от Маттео и Ани дорог. Это такая замечательная семья! А дружим мы с нею давно, ещё с тех пор, как я была у Маттео переводчицей на Целине...».

В толковых (а был ещё и поток бестолковых!) зарубежных статьях и книгах о Целине мы смотрели на себя как бы со стороны и подчас видели многое гораздо больше, значительнее и укрупнённой, чем сами у себя дома, потому что тут помогала, прежде всего, резкая свежесть неподмятого под какую-либо цензурность зоркого взгляда, отбрасывающая всю нашу косность привычного обладания преогромным богатством. Недаром же давняя казахская поговорка справедливо говорит: *«Золото в руках – совсем не золото, но потеряв его, ох как горько поплачешь»*.

Право, редкий человек из тех, кто прошёл невероятные, подчас фантазмагорические испытания Целиной, как ожидаемые, так и внезапные, – не являл бы собою живое олицетворение несуетного мужества, настоящего интернационализма, сочетания здорового честолюбия и глубокого

профессионализма с умением видеть перспективу, преодолевать практически любые невзгоды.

Разумеется, ни Джекслеру, ни Коморнику, ни Маттео вовсе не обязательно было знать (так тогда считалось правильным) точную статистику пьянства и уголовщины на Целине, хотя эти данные не шли ни в какое сравнение с остальными регионами бывшего Союза и в особенности с Прибалтикой.

Если в периоды, предшествовавшие хлебоуборочной страде на Целине не сам по себе, а в непреложную силу экономических стимулов воцарялось довольно-таки реальное подобие *сухого закона*, то после успешного её завершения целинный характер давал о себе знать едва ли не повсеместно бурным разливом всякого рода массовых празднеств, сопровождаемых изрядной тратой увеселяющих напитков.

Поводы были самыми значительными, прежде всего, праздники урожая, юбилеи, новоселья, свадьбы, смотрины новорождённых, государственные награды и т.д. и т.п. Свою лепту вносили сюда и учёные мужи, усиленно разрабатывавшие тематику (теорию и практику) новых обрядов и традиций советского образа жизни. А образ этот, говоря деликатно, был весьма и весьма пьяншат.

Незадолго до своей скоропостижной кончины Брежнев (не позвонив почему-то по ВЧ-связи, как это всегда делалось раньше) прислал Кунаеву шифrogramму за своей подписью. В ней Главный Собиратель наград был озабочен неслыханной *девальвацией* их вручения на местах. Какой-то умник, дабы придать максимальный вес срочной эпистоле, впалял в текст шифровки и это слово, да ещё и с таким устрашающим эпитетом.

Если говорить конкретно, то эта *неслыханная девальвация* никоим образом не касалась Казахстана и его Целины. Как раз у нас такой великомасштабной *девальвации наград* отродясь не было. Получить государственную награду, будь то медаль, а орден тем паче, было не очень просто. Поэтому-то после вручения наград особо отличившимся *гудел*, как правило, весь трудовой коллектив, но никак не район и не область – целиком. И *гудел* отнюдь не погребально, а – светло и радостно, что едва ли можно было посчитать за признак *неслыханной девальвации*.

Но так или иначе, видимо, размноженная под копирку для всех без исключения ЦК Компартий союзных республик депеша с единым текстом поступила.

Требовалось немедленно поправить положение.

Одновременно прислал секретное указание ведавший административно-кадровыми делами в ЦК КПСС его секретарь Капитонов (тоже под копирку): пора прекращать повальное пьянство в хозяйствах и на предприятиях в связи с вручением наград – в ЦК идёт поток жалоб: начальство пьёт, а рабочие расходятся по домам.

«Как будем отвечать?» – спросил Д.А. в узком кругу.

Секретарь нашего ЦК по идеологии Саттар Нурмашевич Имашев тогда сказал, отрицательно кольхнув массивным корпусом: «У нас таких фактов нет».

«У нас по домам не расходятся, а пьют на работе», – достоверно уточнил я.

Д.А. сделал вид, что меня не слышал, но Имашеву кивнул одобрительно.

«Если кто не пьёт ни на работе, ни дома, так это наши немцы», – сказал Имашев, когда мы вышли вместе от Кунаева.

«Наверное, поводов небогато, – предположил я. – Автономии не дали, наград тоже не очень густо. Да и перед дальней дорогой пить нет никакого резону. Разъезжается народ!».

«Как аукнется...» – вздохнул Саттар Нурмашевич.

Сам-то он, не один год проработавший на Целине, прекрасно знал, что такое целинный характер, да и у него самого, в прошлом офицера-фронтовика, парашютного десантника, характер тоже был таковым – целинным.

По гражданской специальности Имашев был педагогом, по призванию – историком и публицистом. Отнюдь не малым было его личное творческое участие в том, чтобы о целинном характере и его *интернациональных* слагаемых знала вся страна.

Но даже будучи уже в секретарях республиканского ЦК он наткнулся на стойкое, скажу так, непонимание кремлёвских бонз, которым устойчиво казалось, что освоение Целины провели и проводят только лишь русские с украинцами, ну ещё и кое с какими казахами.

Чтобы воочию убедиться в такой скособоченной *точке зрения*, достаточно перелистать подшивки середины 50-х-60-х годов самого популярного и самого тиражного журнала «Огонёк», долгие годы бессменно возглавляемого знатным публицистом, драмателем-комедиографом и неплохим поэтом-песенником, дважды лауреатом Сталинской премии Анатолием Владимировичем Софроновым. Едва ли обнаружится в этих подшивках крупный фотографический снимок с Казахской Целины, запечатлевший казаха-целинника, корейца-целинника, немца, уйгура, поляка, грека... Сплошь на обложках в колоритных цветах, с ярким румянцем во всю щёку сибиряки да земляки великого украинского кобзаря.

Долгое время не отставали от «Огонька» и «Правда» с «Известиями», которые при Хрущёве обладали, несомненно, большим влиянием, чем печатный орган ЦК КПСС, поскольку всеми делами в «Известиях» заправлял зять Никиты Сергеевича – Аджубей, человек и журналист во всех отношениях весьма хваткий и одарённый. Недаром же о нём бытовала поговорка: *«Не имей 100 друзей, а женись, как Аджубей»*.

Брежнев покончил с явно тенденциозной этнической избирательностью центральных газет и журналов. Не давал Казахстан в обиду в смысле *коэффициента упоминаемости* в партийно-советской печати.

Но и при нём известное как бы *чего не вышло* культивировалось в нашей периодике сверху донизу, хотя рук никто никому вроде бы и не связывал, а от неустанных призывов шире использовать все преимущества советского образа жизни и социалистической демократии, свободы совести, слова, печати, собраний и т.п. глохли уши. И тут ножницы между провозглашаемым и реальным были тоже более чем существенны.

Звонил же однажды Имашев в Москву по ВЧ-связи, просил Черненко ускорить появление в «Правде» (уже набранного там) очерка об известном в Казахстане талантливом целинном хозяйственнике Якове Геринге. Черненко *отшутился*: «Однако Вам, глядишь, так и захочется книжек и статей о Бормане?».

Имашев, не принимая *шутку*, подавленно возразил: «Но немцев в Казахстане миллион! И это в абсолютном большинстве толковейшие люди!».

Разговор прервался.

Павлодарский Геринг умер, а очерк в «Правде» о нём так и не появился, хотя к этому подключался и Д.А.

Но, понятно, и целинник целиннику, повторяю, – рознь.

Кто-то связал свою судьбу с Целиной до гроба, а кто-то посчитал свои годы работы на ней своеобразной индульгенцией на все остальные, Богом отпущенные. Немало номенклатурных вождей и вождят покинули её сразу же, как только стукнуло им по 60 лет и даже раньше.

Из одних первых, вторых и прочих секретарей целинных обкомов партии (да и не очень целинных), председателей облисполкомов, бывших министров и замминистров, прочей высокономенклатурной элиты образовалась в Москве целая колония со своей иерархией и табелью о рангах. Никто из них не предпочёл остаться ни в Целинограде, ни в Алма-Ате. Никто не возвратился в родной Казахстан и после обретения им государственной независимости.

Зато как звучны и сладкоречивы их поздравительные песнопения, время от времени по самым различным поводам адресуемые в северную столицу республики – Астану.

Ну да Аллах с ними, этими во многом действительно заслуженными людьми. В конце концов и их в принципе позитивная позиция к Казахстану тоже показательна, даже если они её громко декларируют не столько в истинно-душевное приветствие известным всем перемен, сколько ради личного своего безбедного существования.

В одну из последних наших встреч Димаш Ахмедович, когда зашёл откровенный разговор и о них, сказал: «Даже если и есть, куда мне податься, я всё равно из Казахстана никуда не уеду. А у этих друзей хата всегда была с краю. Но вместо этого лозунга они теперь на ней вывешивают другой – «Мы с тобой, родной Казахстан!». А сделать что-либо конкретное, всем казахстанцам полезное, – пальцем не шевельнут. Как тот самый инвалид с Целины, помнишь?».

«А то как же! Помню», – отозвался я.

Этот заочный знакомец Кунаева был из тех граждан, которые активно злоупотребляли отзывчивостью нашего Первого. Многие знали о его душевности. Людская молва сравнивала его со Всесоюзным Старостой – дедушкой Калининым. Тот, как известно, не чурался простого народа, всегда знал, какими заботами живут трудящиеся и заключённые. Знал Михаил Иванович и тайные тропы к симпатичным жрицам Мельпомены. Под настроение Кунаев непрочь (со слов дружившего с ним

Микояна) был вспомнать о том, как Калинин, в молодости первоклассный токарь, приударял (и небезуспешно!) за известной московской балериной Татьяной Бах, дарил ей то ли котиковую, то ли норковую шубу.

За все эти романтические флиртности товарищ Сталин назвал своего верного сподвижника «похотливым козлом» и негласно распорядился, чтобы Михаил Иванович был хлётко высмеян в популярном сатирическом журнале – на превеликую радость российской эмиграции и всем тем в столице нашей Родины и вообще в СССР, кому несравненная Татьяна Бах в её благосклонных нежностях решительно отказывала.

Не прощал Сталин Калинин и ехидного отзыва о себе.

После похорон Ленина Калинин сказал втихаря о будущем Вожде, но тому сразу же доложили: «Этот конь заведёт нашу телегу в болото».

Однако увлечение Старосты балеринами никак не отражалось на высоком уровне его интересов к нуждам трудового народа.

Супруга же Калинина, эстонка по национальности, довольно долгое время пребывала в АЛЖИРе (Акмолинском лагере жён изменников Родины), хотя сам Михаил Иванович в презренной категории изменников никогда не числился. Там же, в АЛЖИРе, до освобождения обреталась и жена Молотова за (мнимые и реальные) израильские связи.

Д.А. уверял меня, что кроме Калинина (а свою первую награду – медаль «За трудовую доблесть» Кунаев получил из его рук ещё в 1939-м) из кремлёвских жителей по-ленински относились к просьбам с мест Сталин, а также Микоян, Молотов, Ворошилов. Берия, каких бы на него кошек и собак ни повешали, тоже не пропускал ни одного адресованного ему письма и самолично всегда помогал очень многим. Сталин отвечал по настроению. Иные из его эпистоляриев помещены в 13-томном Собрании сочинений. Сейчас оно разрослось, кажется, до 30-ти томов. По крайней мере так сообщал не столь давно московский журнал «Мысль», прежде называвшийся «Коммунист». Об ответах Ленина говорить не приходится. Из них составлен весь 55-й том так называемого Полного собрания сочинений. Д.А. часто держал этот синий том у себя на столе. Говорил: «Очень советую приобщиться. Интересней и умней любой беллетристики!».

Твёрдо установленное Черненко правило – в прямую переписку членам Политбюро ЦК КПСС ни с какими заявителями не вступать – Д.А. манкировал.

Ответил Кунаев и этому целиннику. Тот, хотя и обладал стальным здоровьем, но по формальной инвалидности получил автомобиль бесплатно. В следующем письме инвалид сообщил, что успешно сдал на права. Кунаев, ещё не зная, как будет дальше развиваться сей сюжет, порадовался за человека. Но тот вскоре снова дал знать о своих желаниях. Попросил сборный металлический гараж. Помогли и с гаражом. Тогда его обладатель подал заявление о пересмотре пенсии. И это было решено в его пользу. Через месяц почта принесла ещё одну существенную просьбу – о расширении жилой площади. Заявитель не только просил, но и указывал координаты облюбованного им нового дома. Ещё набралось около дюжины просьб и требований. В их числе и о шинах для его уже хорошо обкатанного автомобиля.

Д.А. прочитал это послание, хмыкнул: «Пусть Бекежанов зайдёт». Бекежанов появился немедленно.

В огромном кабинете Кунаева сразу же стало теснее. Высокого роста, широкоплечий и сильный, Дуйсетай Бекежанов долгие годы честно *держал оборону* возле Димаша Ахмедовича. Был он Кунаеву вроде родного сына. Безграничным доверием Первого, насколько знаю, никогда не злоупотреблял. Многих номенклатурных соискателей житейских благ, новых чинов, государственных премий, почётных званий, дармовых зарубежных поездок и т.д. и т.п. отшивал, особенно не церемонясь – нередко с первого же взгляда. В общей сложности с Кунаевым он проработал более 20 лет. У меня с Бекежановым отношения при любой погоде были откровенными и дружескими. Как в простых, так и в самых сложных ситуациях он меня поддерживал, как правило, очень решительно и стойко, а я – его.

О письмах в тот день докладывал Хаким Шакирович Абдрашитов, самый давний, бессменный Первосоветчик Кунаева, заведующий всемогущим отделом ЦК – Общим, в войну с Германией и Японией геройский офицер пяти (!) фронтов (о чём никогда и ни перед кем не распространялся), друг истинно народного писателя Дмитрия Фёдоровича Снегина – как всегда, экипированный с иголки, тщательно, я сказал бы, молодцевато, седоголовый и кряжистый.

Кунаев обратился к Бекежанову и Абдрашитову: «Вот что, мои дорогие. Если всё, о чём пишет этот стальной инвалид, можно решить по закону – решите, да побыстрее. Человек на свете живёт только один раз. И справедливость тоже должна быть для всех одинаковой – только по закону! Но вот он какие-то новые колёса с шипами требует от меня. Пожалуйста, передайте ему, что я раздобуду сам эти колёса, сам их в Целиноград привезу к нему в гараж и там, в гараже, накачаю».

После этого Абдрашитов стал придерживать особо назойливые обращения и замыкать их на Бекежанове, который решил не тревожить Кунаева *по мелочам*. Димаш Ахмедович быстро уловил сей манёвр и вскоре спросил их в упор: «Мы что, уже вплотную подошли к коммунизму, как обещал Никита? – он почти никогда не называл Хрущёва полностью по имени-отчеству, и основания на то были богатые. – Выходит, народу нас настолько зажил прекрасно, что перестал жаловаться на непорядок? Или я для народа уже умер? Другим пишут. В газеты пишут. А мне никто не пишет!.. Кончайте, дорогие мои, хитрить... Кстати, эти самые колёса или шины с шипами вы раздобыли стальному страдальцу? Да? Прекрасно. Тогда вы – настоящие помощники».

Не проходило и дня, чтобы Целина не подбросила Кунаеву какого-либо неожиданного сюрприза – то распрекрасного, а то и убойно-негативного. Даже в начале 70-х годов минувшего века зимой мог внезапно лишиться электроэнергии не какой-либо один отдалённый совхоз или же пара хозяйств, а целый областной центр.

Именно так однажды произошло в лютые 40-градусные морозы с Аркалыком – столицей Тургайской области. В тот злополучный для всех, без исключения, аркалыкцев вечер я допоздна засиделся на службе за своей пишущей машинкой, и невесть откуда оказавшийся там (в Аркалыке) первый секретарь Кзыл-Ординского обкома партии Хасан Шаяхметович Бектурганов первым оповестил по междугородному телефону о случившейся катастрофе меня.

К его чести, голос у него не был потерянным. Поразительное хладнокровие всегда и во всём сопутствовало Бектурганову, который отличался от многих тогдашних руководителей своим непоказным, а органическим умением сочетать строгую требовательность с полным доверием людям. Этому во многом научила его Великая Отечественная война, чьим участником он был все её 1418 дней и ночей. И Кунаев неспроста определил ему под партийное начало всю Кзыл-Ординскую область с засекреченным тогда городом Ленинск – столицей обширнейшего по своей территории космодрома Байконур – его громадное хозяйство доставляло немало забот не только занятым на нём военным, но и партийно-советским властям области. Бектурганов же чуть ли не сразу нашёл общий язык с командованием «космической гавани».

Насколько знаю, он всегда был желанным гостем на самых ответственных стартах с участием в их ритуалах Брежнева и Кунаева, других высоких отечественных и зарубежных гостей. Д.А. любил добродушно поддеть Бектурганова летучим воспоминанием о том, как в один из запусков закуривший на старте (видимо, от волнения) рядом с тоннами жидкого кислорода, Хасан Шаяхметович чуть было не поднял на воздух президента Франции де Голля, а заодно и своих непосредственных партийных вождей вместе со всем советским и французским генералитетом.

В Аркалыке же было не до шуток. Несколько часов чрезвычайно-экстремальной ситуации доставили потом властям и всем его жителям немало великих хлопот на многие недели и месяцы. И всё же человеческих жертв удалось избежать: на срочную помощь обесточенному городу по распоряжению Кунаева были немедленно переброшены железной дорогой энергопоезда, которые подключились к электрической сети Аркалыка. В первую очередь ток подавался на жизненно важные объекты. Это ЧП научило целинников многому. Уроки из него были извлечены правильные.

А в городе Щучинске Кокчетавской области в новогоднюю ночь, тоже отличившуюся зверскими холодами, всех рожениц, которым выпало именно в эти часы и минуты профигурировать в общепланетном демографическом взрыве, приходилось из их квартир доставлять в родильный дом на бронетранспортёрах рядом расположенной воинской части, поскольку никакой другой вездеходный транспорт не мог преодолевать сплошные снежные заносы.

Если собрать воедино все факты такого типа, получится громадная антология находчивости, отваги, мужества и феноменального разгильдяйства.

Продолжение в следующем номере.

Анатолий ВОЛКОВ

Дневник отдыхающего путешественника*

*... В сущности, путешественником надо родиться.**... У путешественника нет памяти
(о необходимости вести дневник).**... Путешествия потеряли бы половину своей прелести,
если бы о них нельзя было бы рассказывать.*

Н.М. Пржевальский

Предисловие

Записывайте жизнь, записывайте, иначе она утечёт и забудется, писала Лидия Корнеевна Чуковская. И это верно. Если сейчас мы что-то знаем о прошедших веках, то только благодаря трудам писателей, историков, просто рядовых граждан, переписывавшихся между собой, ведших записи в дневниках и т.п. Например, Н.М. Карамзин оставил нам «Письма русского путешественника», П.В. Анненков «Парижские письма», В.П. Боткин «Письма об Испании». А что останется от нашего времени? Эсэмэски? Чьи-то мнения в Интернете, зачастую напоминающие послания, оставляемые любителями эпистолярного жанра на заборах, стенах, скалах и других местах? Не могу сказать, что и я постоянно вёл или веду дневники, но случилось так, что в 1981 году мне посчастливилось совершить круиз по Средиземному морю на теплоходе «Белоруссия». Во время этого путешествия, также как и других, я ежедневно вёл подробные записи обо всём, что повстречалось, что увидел, чему удивлялся. И вот, разбирая недавно свои архивы, я обнаружил их и подумал, что они могут заинтересовать тех, кто там не бывал, а уж кому пришлось посетить эти удивительные края, напомнят о них. И ещё. Так как это было свыше трёх десятков лет тому назад, в советское время, о котором молодое поколение имеет весьма смутное представление, да и люди постарше уже забыли о многих повседневных делах, я постараюсь напомнить и о них.

Начну с того, что в то время я возглавлял в Министерстве культуры Казахской ССР планово-экономическое и финансовое управление. Время было осеннее, середина октября, когда для плановиков и финансистов наступала так называемая «посевная», т.е. завершение составления и защита в Госплане и Министерстве финансов проектов плана и бюджета на следующий год. И надо же было такому случиться, что в это же время первый заместитель министра Исаак Иванович Попов, курирующий моё управление, как на грех, срочно убыл на учёбу, а в круиз мы уезжали с другим заместителем министра, который к тому же являлся руководителем нашей казахстанской группы. Это был удивительный человек.

Как отмечает в опубликованной 28 мая 2011 г. в газете «Казахстанская правда» заметке Галия Шимырбаева: он прошёл путь от

* Печатается в сокращении.

простого сельского учителя до первого секретаря ЦК ЛКСМ Казахстана, министра культуры Казахской ССР, секретаря ЦК Компартии Казахстана, но широкой общественности Узбекали Джанибеков больше известен как учёный-исследователь и незаурядный историк-этнограф. В 1981 году по его инициативе был создан институт «Казпроект-реставрация», в задачу которого входило исследование состояния памятников истории Казахстана, составление карт и опорных планов городов. Но он не только заложил основы реставрационной школы Казахстана – благодаря У. Джанибекову в жизнь вернулись айтысы, празднование Наурыз, а многим репрессированным возвращены их добрые имена. Среди них – Шакарим Кудайбердиев, Ахмет Байтурсынов, Магжан Жумабаев и Миржакып Дулатов.

И ещё – в это же время сотрудники министерства переезжали в другое здание.

Как писала о нём 14 июля 2011 года газета «Вечерний Алматы» в статье «Где эта улица, где этот дом?»: двухэтажное деревянное здание, построенное в 1890 году по заказу Верненской городской думы по проекту Павла Гурдэ для реального училища. Поскольку это было учебное здание, архитектор, например, настоял на замене каменных лестниц деревянными, а само оно было щедро украшено резными карнизами и другим декоративным убранством. Гурдэ считал, что это здание по размерам и расположению в нём комнат соответствует всем требованиям науки и учебного начальства, поэтому отмечал, что «...ни одно учебное заведение в Семиреченской области и даже других провинциях Сибири не может сравниться с Верненским городским училищем».

Поскольку, как правило, отношение к любому переезду, как и к ремонту, у всех весьма отрицательное, такое же было и к нашему отъезду. Мне же помимо чисто служебных дел ещё как и старосте нашей казахстанской группы, о чём я расскажу ниже, пришлось крепко потрудиться. Так что дни 15 и 16 октября, предшествовавшие отправлению в путь, были не из самых лёгких.

Глава 1

16 октября 1981 года

Завтра, наконец-то, убываем, а пока, как говорится, забот полон рот.

Сегодня дозвонился в Одессу, в «Интурист», и поговорил с ответственной там, в Интуристе, за наш круиз Надеждой Ильиничной Скороход. Она мне сообщила, что и как нам предстоит делать после прибытия группы в Одессу. Оказывается, у нас не самый лучший вариант с жильём, а остальное нормально. Группы из Кирова и Башкирии будут размещены в гостинице «Чёрное море», из Донецка – в «Пассаже», а мы, саратовцы и ярославцы в кемпинге. Остальные – Чувашия, Москва, Мурманск, Киев – придут в день отправления прямо на морской вокзал. Руководитель нашей группы Узбекали Джанибеков вылетает отдельно и прибывает 18-го вечером в гостиницу «Чёрное море».

17 октября 1981 года

Морской круиз мы начинаем в воздухе.

Сегодня вылетаем. Прямой рейс из Алма-Аты в Одессу отправляется в 15 ч. 30 минут по московскому времени, а прилететь туда мы должны завтра в 1 ч. 10 минут, т.е. в пути будем около 10 часов. При этом, если бы мы полетели через Москву, то потребовалось бы 4 + 2 часа в полёте, да ещё 2 часа на переезд из Домодедова во Внуково, или 8 часов. Чудеса.

Собираться мы начали на нашем городском аэровокзале с запасом – в 16 (по времени Москвы – в 13) часов. Довольно быстро все, в том числе и мы с женой Розой Сафаровной Волковой, зарегистрировались, прошли в накопитель, а оттуда на автобусы и поехали в аэропорт. Дочка Лолита провожала нас до последнего.

Летели довольно спокойно, но без приключений не обошлось. Наш «партайгеноссе» – как мы называли партгрупорга нашей группы (в то время в туристических группах были и такие) Турсунали Турсынбекович Курымбаев оказался без места, которого около четвёртого ряда, у аварийного трапа, попросту не было, т.к. кресло «Е» оказалось снятым. Но всё утряслось, ему отыскали другое. В 19.35 при изрядной болтанке приземлились в Тбилиси. Ветер был сильный, спускаясь по трапу, приходилось держаться за поручни – сдувало. Выход в город оказался сбоку от здания аэровокзала, что при такой погоде оживления у нас, естественно, не вызвало. Само здание не очень велико и напоминает недавно выстроенные в Казахстане областные аэровокзалы. Публика в здании была рядовая, довольно невзрачная, что изрядно удивило. Организованности в работе службы перевозок было явно недостаточно. Взлетели мы в 21.55, т.е. через 2 ч. 20 минут после прибытия, а как мы садились в самолёт – это вообще уму непостижимо. Пассажиры из Тбилиси, вылетавшие этим же рейсом, ринулись к трапу и забили его до входа в лайнер – и как этот несчастный трап не перевернулся, одному Богу известно. Их потихоньку отгеснили на 2/3 трапа, но дальше, как говорится, нашла коса на камень, сдвинуть больше никого не удавалось. Поскольку по правилам сначала должны были пройти на борт транзитники из Алма-Аты, в этих условиях нам пришлось очень и очень сложно. У кого-то оторвали хлястик от пальто, у кого-то ещё что-то. В 23.20 сели в Симферополе, где было уже +5 градусов, против +12 в Тбилиси. Как всем нам ни хотелось выходить мёрзнуть, но из самолёта всех выпроводили, т.к. при заправке находится в нём, в целях нашей же безопасности, нельзя. Вышли. Помёрзли не в новом, а в старом аэровокзале, точно в таком же, как у нас в Балхаше, затем в накопителе и, наконец-то, нас пригласили в самолёт. В 1 ч. взлетели и в 1 ч.45 минут сели в Одессе, где уже было +3 (брр..р!). И, о радость, нас встретил Сергали Сагындыкович Едильбаев – начальник отдела треста Казахимремстроймонтажа, турист из нашей группы, приехавший поездом и уже нашедший встречающий нас автобус (и, конечно, свою жену Алефтину Михайловну Едильбаеву – врача-лаборанта Центральной больницы IV главного управления при Совете министров Казахстана). Быстро получили и погрузили свои вещи и поехали через всю Одессу, которая так красива ночью с борта самолёта,

когда море огней разбросано чуть ли не до горизонта, и такая старая, обшарпанная вблизи.

В кемпинге достучались до дежурной. Оказывается, нашу телеграмму здесь поняли неправильно (мы вылетели 17-го, а прилетели 18-го) и встречали нас две ночи подряд. За это с нас хотели получить, с учётом брони, чуть ли не за пребывание здесь с 15-го по 19-е октября включительно. С шумом сошлись на 18 и 19 и плюс бронь. Итого по 4 рубля 50 копеек за пребывание в кемпинге чуть больше суток. Общий счёт за всех получил я, оставил паспорт, ведомость на всю группу, и мы отправились устраиваться. У нас с женой домик хорошенький, кирпичный, двухместный, с туалетом и, о ужас, с неработающим отоплением, такой же, как и у большинства. Только холостяки из нашей группы получили два домика из смежных комнат на два и три человека. Само собой, они хорошенько отметили это дело.

18 октября 1981 года

Сегодня целый день гуляли по Одессе, а в порту увидели наш теплоход.

С точки зрения на предстоящее нам путешествие, день, в общем-то, малоинтересный. Но всё-таки два слова и о нём. Поднялись мы после 10-ти, хотя вылезать в эту холодищу очень уж не хотелось. Как вчера и договаривались, сдали деньги нашему групповому казначею – тоже Волковой, только Тамаре Диодоровне, заведующей секцией магазина «Детский мир» в Алма-Ате, и она с Аскарком Мауленовичем Молдагаринным – ведущим инспектором Министерства культуры и Сергеем Викторовичем Кимом – инспектором РВЦ ЦСУ, поехали в агентство Аэрофлота к групповому диспетчеру по транзиту. Деньги у них пока не приняли, но рейс на 10-е ноября забронировали. Мы же с женой погуляли по Одессе, заодно отправив домой телеграмму. Добрались и до морского порта, а там – о чудо! – стоит наша «Белоруссия», такая огромная, что просто дух захватывает. Обошли её со всех сторон, осмотрели, и она нам понравилась ещё больше. В это время мимо неё проплыл маленький пароход под названием «Солнцедар». Мы даже удивились такому названию, ибо в те времена под таким же названием продавалось дешёвое алкогольное пойло.

Но всё это светлое завтра, а сегодня полтора часа добирались до нашего кемпинга.

19 октября 1981 года

Днём ещё в Одессе, а вечером уже в море.

Встали в 7 часов, так как в 8 за нами и двумя другими группами должен был прийти автобус «Икарус», чтобы отвезти нас в Порт-клуб на предотъездную беседу. Оббегал всех, получил штампы у всех горничных (к счастью, никто не проштрафился), сдал их администратору, получил свой паспорт и чуть ли не в 8.30 (вот спокойный у нас народ!) поехали. В 9 часов приехали в Порт-клуб, а в 9.10 пришёл и наш руководитель, который теперь с нами. Да, в автобусе встретились с прилетевшими вчера вечером карагандинцами. Узбекали Джанибекович сразу же поинтересовался, как

у них обстоят дела с обратным выездом. Оказывается, они ещё не бронировали свой рейс и сразу же отправили одного человека в агентство.

В это время нас пригласили на выступление представителей дирекции круиза и других товарищей. Группы разбили по номерам. Представили переводчиков, которые будут сопровождать каждую группу, у нас Вера Аркадьевна. Затем проинформировали о том, что нам можно будет покупать, а также и что брать не нужно. Начали с радиотоваров (приёмники, магнитофоны и т.п.) – не более одного экземпляра. Далее трикотажные изделия – не больше 5 предметов. Джинсы – одни. Ткани – 30 метров, в т.ч. кримплен и некоторые другие виды по 5 метров, пряжу – 3 килограмма, ковровые изделия – 1 штуку и т.д. Можно также привезти и ещё одну норму чего-либо, но за каждую из них придётся платить, например, за джинсы – 50 рублей таможенной пошлины, что при зарплатах тех времён в 120-150 рублей, конечно, чувствительно, и т.д. Это для того, чтобы не было особой охоты везти лишнее. Нельзя привозить также свыше двух фотоаппаратов и т.д. и т.п. Нельзя ввозить «милитаристские» игрушки, порнографию, наркотики, звуковые автомобильные сигналы, религиозные, сионистские, всякого рода пропагандистские и иные наносящие вред печатные и иные изделия (в т.ч. крестики и пр.). Нельзя получать там от кого-либо, а затем и ввозить подарки, как от родных, близких, знакомых и тем более от незнакомых. Нельзя в зарубежных странах ввязываться в какое-либо течение жизни, критиковать что-либо. Надо уважать местные традиции и обычаи. Не поддаваться никаким провокациям. Могут быть, например, даже такие: предлагают какие-либо якобы секретные материалы, брать которые нельзя ни в коем случае, так как потом обязательно вас задержат, а у вас «такие!» материалы. Или предложат чистые паспорта, пообещают всяческие льготы, т.е. постараются поймать на это дурачков, которых сначала используют в различных пропагандистских и прочих целях, а потом выкинут за ненадобностью. И ещё. Ни в коем случае вы не должны «ченчевать». Тут же был задан вопрос – а что это такое, т.к. многие не знали, что это обмен, в том числе и валют.

Кстати, через четыре года после этого путешествия я прочитал в газете «Огни Алатау» от 17 сентября 1985 г. заметку под заголовком «Вдали от Родины». В ней, в частности, говорилось: «Ежегодно тысячи жителей Алматы и области выезжают в туристические поездки по зарубежным странам. Где бы они ни бывали, всюду достойно несут высокую честь своей великой страны. Но, к сожалению, бывает и по-другому. Ситуации во время поездок по капиталистическим странам бывают острые. Так в Париже в автобус, который вёз алма-атинских туристов, подкинули баллон со слезоточивым газом. Явно кто-то рассчитывал вызвать панику, нелестные высказывания в адрес французских властей. Расчёт не оправдался. Хотя подобный трюк с газом повторялся дважды, алма-атинцы сохранили спокойствие и такт, тем самым укрепив уважение к себе со стороны обескураженных сотрудников французского туристического бюро. В Каире на долю алмаатинской группы тоже выпало серьёзное испытание – их буквально атаковали какие-то тёмные личности: хватали за рукава, за плечи, громко кричали, что-то предлагали купить, обменять. Разворачивалась явно

запланированная провокация, да ещё под присмотром трёх невозмутимых полицейских. Кто знает, чем бы это кончилось, допусти туристы несдержанность. Этого не произошло. Посрамлённые и разочарованные, провокаторы убралась восвояси. В некоторых странах нашим землякам прямо, без обиняков предлагают сменить гражданство и родину, сулят золотые горы, мыслимые и немыслимые блага – излюбленный приём империалистических спецслужб. Едва встретив решительный отпор, проповедники райской жизни поспешно ретируются».

Когда сейчас перебираю эти записи, понимаю, что главного-то нам и не рассказали – а именно куда мы едем и на что следует обратить особое внимание. И только сейчас, перебирая свои архивные материалы, я наткнулся на опубликованную в 1983 г. в № 9 газеты «За рубежом» статью под названием «Средиземноморье: история, мифы, реальность». Она начиналась следующим абзацем: «Средиземноморье славится не только богатейшей историей, уникальной природой и памятниками культуры, но и таит в себе многочисленные загадки, разрешить которые наука до сих пор не смогла. Как возникло Средиземное море – гигантский водный бассейн площадью 2,5 миллиона квадратных километров? Почему и по сей день территорию многих стран на его берегах сотрясают землетрясения и извержения вулканов? Удастся ли разрешить сложные экологические проблемы этого района, обязанные своим возникновением бездумному хозяйствованию капиталистических монополий, хищнической эксплуатации его богатств? На эти и многие другие вопросы пытается ответить автор публикуемого ниже очерка – Рик Гор в «НЭШНЛ ДЖИОГАФИК», Вашингтон». Увы, об этом нам не рассказали, а прослушав всё вышесказанное, мы поехали на Морской вокзал.

Там заполняли таможенные декларации, сдавали деньги на обмен на внутрипароходные (только) чеки Внешпосылторга, по 10 рублей в книжечке, сдавали также деньги на общий аккредитив. А затем у нашей, донецкой и молдавской групп дело встало. Оказывается, что в соответствующей инстанции кто-то не так поставил печати в наших паспортах (не совсем чётко), и их пришлось заново оформлять. Одним словом, мы получили их только в пятом часу, после этого прошли досмотр (таможенный) и, наконец-то, отправились на корабль. С собой занесли и сувениры, в основном изделия народных промыслов, всевозможные значки и т.п., для раздачи их в поездке гидам, водителям и другим, кто будет сопровождать нашу группу.

И вот начали подниматься по трапу на наш теплоход. У входа пограничники. Лица у них строгие, внимательно смотрят на лицо, в паспорт и – проходите! Далее перед нами открылись роскошные апартаменты. Всех встречают стюардессы и разводят по каютам. У нас с женой № 2046 на четверых на второй палубе. Соседи у нас заведующий отделением НИИ краевой патологии Борис Абрамович Крутоногий и его жена, старший научный сотрудник медицинского института Вера Яковлевна Китайгородская. Поскольку моя жена Роза Сафаровна тоже заведует кафедрой организации механизированной обработки экономической информации Алма-Атинского института народного хозяйства, то

получился учёный «междусобойчик». Внизу слева и справа широкие диваны, а сверху такие же, но пока откинутае. В каюте четыре индивидуальных шкафчика, закрывающиеся входным ключом. Перед иллюминатором стол с настольной лампой, перед ним два широких стула. Есть также туалетный столик с внутренней подсветкой. Великолепный санузел с душем. В каюте имеется регулируемая система принудительной вентиляции и много другого интересного, но, конечно, все побежали на верхние палубы. Там увидели два бассейна – большой и глубокий и небольшой – мелкий. Посреди судна на самой верхней палубе ограждённая сверху и с боков спортплощадка с баскетбольными щитами.

С опозданием на 40 минут – в 17.40 началось отплытие. Накрапывал дождик. Наша махина потихоньку повернула направо, затем налево, прошли мимо маяка и – Одесса осталась позади.

Спустились вниз и занялись раскладкой вещей. В это время прозвучало объявление по внутреннему радио о том, кто, когда, в какую смену будет питаться.

Прозвучало и приглашение нашей смены на ужин. Идём, осматриваемся, всё вокруг очень-очень красиво. Началась боковая качка, не очень сильная, но всё-таки заметная. Но за время, проведённое в Порт-клубе и на Морском вокзале, все так оголодали, что набросились на ужин, не взирая на качку.

После ужина провели группой небольшое собрание, разбились, как и предусмотрено, на пятёрки и разошлись. К нашей четвёрке из каюты 2046 добавился Владимир Васильевич Дубовенко – старший мастер школы ДОСААФ из Павлодара. В это время всех усиленно зазывали на танцы (с 21 до 24 часов), в ночные бары, но мы, утомившись за день (тем более, что наш сосед Борис Абрамович немного простыл), приняв превосходный душ, забрались на свои места. Сейчас уже полночь, все спят, а за иллюминатором полыхают молнии, которые, к сожалению, никто из нашей компании не видит.

20 октября 1981 года

Чёрное и Мраморное моря и Босфор.

У нас один из самых энергоёмких видов путешествий – круиз на теплоходе. А если сюда добавить наш перелёт из Алма-Аты, бесконечную езду на автобусах, которая уже была, но главная-то ещё впереди. Сколько же горючего ещё сгорит, чтобы удовлетворить желание туристов посмотреть белый свет, а в нашем случае – одну из колыбелей человечества. Видимо, в том числе и поэтому каждый наш турист заплатил за каждый день этого путешествия по 50 рублей. Конечно, по тем временам сумма эта была значительной, но все мы на это пошли сознательно. Например, я с детства мечтал о путешествиях, зачитывался книгами Жюль Верна, Майн Рида, Купера, Беляева, Джека Лондона и других авторов, а также очень любил изучать географические карты. Это сейчас достаточно войти в Интернет, и перед тобой откроется весь мир, а тогда у нас, мальчишек, кроме них ничего не было, но благодаря этим картам мы подробно знали названия городов, рек, морей, гор, знали, в какой части света они расположены.

Любили мы играть в наименования, например, городов. Первый прозносил: Алма-Ата, а следующий должен был назвать город, название которого начинается с его последней буквы, т.е. А, скажем Александрия. Далее следовало – Якутск, Киев, Веллингтон – и тут же возникал вопрос: а какой Веллингтон ты имеешь в виду? Как правило, назывался новозеландский. Тогда в следующий раз очередной знаток снова называл этот же город и говорил, а это в Великобритании, недалеко от Бирмингема. А как у нас загорались глаза, когда мы читали описанные Жюлем Верном плавание «Наутилуса», в том числе и по Средиземному морю. А ведь сейчас в этих местах нам и предстоит побывать...

С какой натугой сегодня ночью преодолевали сопротивление волн, грозных порывов дизели нашего теплохода. Интересно, что когда ветер попутный и волны небольшие, то, стоя на носу, даже не чувствуешь, что они работают. Кажется, что теплоход сам скользит по волнам. Но стоит ветру изменить направление, а волнам увеличиться, как сразу изменяется ровное гудение моторов, двигатели меняют число оборотов, палуба начинает подрагивать, соединения в коридорах, каютах поскрипывать, а кое у кого в душе – подрагивать.

Сегодня всё предвещало день отдыха от предыдущей беготни и треволений. Всё время мы плывём, никуда не надо бежать, ходить и т.п. Интересно, что Чёрное море – чёрное и в прямом и в переносном смысле этого слова. Но на практике пришлось подсутиться, переделать кучу дел. У всех собрали приобретённые ими сувениры в одно место (особенно от карагандинцев). Наша сувенирная комиссия хотела сплавить их ко мне, но, учитывая «тесноту» в моей каюте, оставили их в двухместной каюте № 2027 у председателя комиссии Мугалимы Курмангалиевны Абильдиновой – директора Алма-Атинской областной базы парфюмерии, вместе с которой там разместилась Людмила Петровна Мельникова – косметолог парикмахерской № 86. После этого чуть не переругались, когда стали собирать у всех водку. Перед отбытием все захватили её с собой в качестве сувениров, а на борту расставаться с бутылочками никому не хотелось. В конце концов, собрали их и поместили в двухместный «гранд-люкс» № 1011, в котором проживают Тамара Николаевна Конакбаева – заведующая лабораторией института кардиологии и Валентина Александровна Капустина – главный инженер фирмы «Сары-Арка». Держатся за водку все – как я, большой любитель книг, за знаменитый двухсоттомник. После этого два часа собирали паспорта, как раз пока плыли через Босфор, затем Узбекали Джанибекович вручил мне для раздачи туристам нашей группы 40 значков «Интурист», а Розе – пластмассовый пакет «Интуриста». В это время по радио объявили: в 16.30 в музыкальном салоне сбор группы № 10 «Казахстан». Шеф провёл небольшой сбор по поводу предстоящих мероприятий, а затем стали раздавать валюту. Оказывается, наш казначей Тамара свет Диодоровна Волкова с собой везла 2000 долларов (40 туристов по 50 долларов) из Алма-Аты! Смелая женщина!

В бассейнах сегодня появилась вода. Морская забортная. Часов в 16 залезли в бассейн и мы с Розой. К этому времени вода уже остыла и была как утром в горах на Иссык-Куле, только очень солёная. Но причастились.

Босфор мы должны были начать проходить в 15.30 по местному, теплотходному, а точнее – московскому времени (кстати, сегодня в полночь передвинем стрелки на час назад, т.к. движемся вперёд). Но в связи с тем, что погодные условия были удовлетворительными, приплыли к турецким берегам в 13 часов.

Приятно всё-таки увидеть берег после того, как вокруг были только вода да небо. Берега довольно низкие, холмистые, справа – небольшой городок Кильос с мечетью, а вот и вход в Босфор. Вплываем величественно, как и подобает советскому кораблю. В честь Турции у нас поднят турецкий флаг. Все туристы высыпали на палубы. Начался большой перевод кинофотоматериалов, которые если расходовались и до этого, но умеренно, в основном вокруг бассейна, то тут уже удержаться было невозможно, хотя, особенно в начале, снимать, в общем-то, было нечего. Но вот когда стали подплывать к Стамбулу, когда впереди показался гигантский, переброшенный через Босфор мост, все снова взялись за фото- и кинокамеры.

Берега при подходе к Стамбулу застроены виллами, дворцами, мечетями. Город с берега круто забирает вверх в район Бейоглу. Резко выделяется отель «Хилтон», а в районе Эминеню все снова схватились за аппаратуру – впереди показался дворец Топкапы, а далее – Айя-София и Голубая мечеть. Проплывающие мимо нашего теплохода в лодках и катерах люди дружелюбно машут нам руками. Поражает безлюдье на берегах Босфора. Нечасто проезжают по хорошим дорогам машины – грузовые и легковые, как наши «Жигули», автобусы типа сдвоенного «Икаруса», а людей не видно.

В 1995 году в «Известиях» была опубликована статья «Атомная бомба для Стамбула». В ней говорилось о том, что для Стамбула нефтяная катастрофа равнозначна взрыву атомной бомбы. И это может произойти в любой момент. Ведь в год через Босфор проходит свыше 50 тысяч судов, а ширина пролива в некоторых местах не превышает семисот метров. Прогресс науки и техники позволил создать такие суперсуда, которыми может гордиться человеческий разум. Но одновременно многократно возросла и опасность экологической катастрофы, особенно в таком узком пространстве, как Босфор. А последствия её для 10-миллионного населения города, равного по численности населению Бельгии, просто трудно себе вообразить. Что же говорить сегодня, когда, например, возле побережья Италии наскочило на риф и затонуло огромное круизное судно на четыре с лишним тысячи человек, в котором к тому же 2,5 тысячи тонн топлива.

Всё кончается на свете, кончился и Босфор. В одном из последующих широких заливов нам в спину подул холодный ветер, но это был последний сегодня. Становится всё теплее, а когда, выйдя в Мраморное море, все снова разбрелись по палубам загорать, стало даже немного припекать. По Мраморному морю плыли невдалеке от его северных берегов, долго их было хорошо видно. Один раз над нами прогудел большой пассажирский самолёт, направлявшийся в стамбульский аэропорт.

Вечером, после ужина и сдачи водки в общественный фонд, при подходе к Дарданеллам в кромешной тьме мы с Розой выбрались на переднюю палубу. Над головой мерцали бесчисленные звёзды, прямо по курсу,

над нами и за нами, Млечный Путь (могучим же воображением обладали греки, давшие ему такое название), справа низко над горизонтом – Большая Медведица, а вверх от неё Полярная звезда. Слева и справа огни населённых пунктов, маяков, указывающих кораблям направление движения.

Сколько столетий, тысячелетий люди жили на этих благодатных берегах, трудились, воевали, любили, голодали. Кто-то также проплывал мимо, глядел на звёзды, думал о людях, населяющих эти берега, о себе, о месте в жизни под солнцем и под этими звёздами. И так же кто-то не спал, поддерживая огонь маяка и помогая людям, и так же какая-то сволочь тушила истинный маяк, зажигала фальшивый и грабила остатки разбившихся кораблей, но люди снова и снова зажигали истинные маяки, и другие люди плыли правильным курсом.

Сегодня начал работать магазин. Парфюмерия, вся сплошь французская, за валюту, т.е. за доллары, а остальные товары – за наши бонны или чеки. Пока кроме открыток с видом нашей Белоруссии купить было нечего. Сегодня также встречались с капитаном и его старшим офицерским составом. В музыкальный салон набилась прорва людей. Играл оркестр. При появлении капитана зазвучала мелодия «Капитан, капитан, улыбнитесь...». Директор круиза представил его, затем капитан рассказал немного о корабле. Построена «Белоруссия» в Финляндии в 1974 году, с 1975 года находится в составе Черноморского пароходства. Его длина – 157 м., ширина – 22 м., осадка – 6 м., мощность – 18000 лошадиных сил, скорость – 20 узлов. Тут же задали вопрос: а сколько это километров? Ответ – умножьте на 1852 метра. Детали вы узнаете из проспектов, которые мы вам раздадим. И действительно, не успели вернуться по каютам, как уже стучится стюардесса и несёт проспекты. Вот это да – знайте капитана. Таких теплоходов в СССР пять – «Белоруссия», «Грузия», «Азербайджан», «Казахстан», «Карелия». Больше по размерам у нас только шесть судов. Ходила «Белоруссия» и в Северную и Южную Америку, и в Африку, и в Европу. В этом году работала: зима – весна с туристами из ФРГ, летом – по линии Одесса – Марсель – Одесса, а осенью подряд два круиза с советскими туристами по Средиземному морю, причём 18-го октября в 12 часов прибыла с одним туром, а 19-го в 17.40 отбыла с нами. Сегодня, когда разговорился с одним из 230 человек членов экипажа, который привинчивал шуруп, починяя магнитный замок в одном из наших шкафов, он сказал, что в предыдущем туре не было ни одного пасмурного дня. Дай-то Бог и нам такого же.

Пока заполнял этот дневник, исчезли последние огоньки, значит Дарданеллы остались позади, а мы вошли в Эгейское море. Турция – позади, а впереди – Греция. Часы передвинули на час назад. Да, сегодня сходили в библиотеку (с 17.30 до 19 часов в те дни, когда теплоход в море). На мой взгляд, самая плохая районная библиотека у нас в республике намного лучше этой. Всего три небольших полки книг, из которых полторы – на иностранных языках. А сами книги – я даже не знаю, что о них сказать. Может быть, их забывали пассажиры после качки? Может быть. Во всяком случае, их подбор понять невозможно. Нет книг даже о Белоруссии и о других странах, в которых побывает теплоход.

Видимо, поэтому их так и выдают: называешь фамилию, номер каюты и группы и, не предъявляя никаких документов, забрав книги, уходишь.

Да, приведу сегодня меню в нашем ресторане. Сегодня нам подавали на завтрак: масло сливочное, сыр голландский, сосиски отварные, вермишель отварную с маслом, кашу манную молочную, какао с молоком, чай с лимоном, варенье, булочку, хлеб. В обед: икру баклажанную, консервы рыбные, борщ украинский со сметаной, говядину по-сочински, картофель духовой, салат из свежих овощей, мороженое, соус коньячный, фрукты, хлеб. И на ужин: салат «Оливье», паштет печёночный, кромески порусски, свинину духовую, кашу гречневую с маслом, салат из свежих овощей, пирожные ассорти, чай с лимоном. Хлеб.

21 октября 1981 года

Пирей, Афины и Акрополь.

Мы только что прибыли из таверны «Ночные Афины». Естественно, выбрались из неё не вечером.

Но по порядку. Не было ещё и 7 часов утра, как я забрался в бассейн. Вокруг него и в нём было полным-полно казахстанцев. Воду из Эгейского моря закачали минут 40 назад. Когда я отправился поплавать, наши в каюте ещё дремали, а когда я вернулся, идти им в бассейн уже было поздно. После завтрака большинство выбралось на палубы. В это время потихоньку начал накрапывать дождик и, к сожалению, острова Эгейского моря видны были очень плохо. По мере того как мы стали приближаться к долгожданной Греции, дождь всё больше усиливался, а затем превратился в ливень, да такой, что мы, обогнав по пути какой-то английский пароход, чуть было не прозевали Пирей, т.к. пришли вместо 12 в 11 часов. Пока разворачивались, пока к нам причаливали различные служебные суда, пока прошли мимо двух маяков, охраняющих вход в порт, дождь так и не кончился. Пришвартовались. Напротив нас стоит пассажирское судно «Галилео Галилей» под итальянским флагом.

Я уговорил руководителя нашей группы Узбекали Джанибековича Джанибекова и «партайгеноссе» Турсунали Турсынбековича Курымбаева провести сбор группы, где всем сообщили, что необходимо заранее найти Информационную и ознакомиться со своими личными номерами. Наша группа – № 10 и номера на щите с 375 до 414. При выходе на берег каждому надо будет взять свой жетон.

И вот объявили построение для выхода на берег. Мы собрались у второй (носовой) Информационной, забрав предварительно свои круглые – зелёные с лицевой и жёлтые с обратной стороны – жетоны и пошли. Спустились с трапа, подошли к зданию морского вокзала Пиреев и увидели свой автобус марки «Magirus DEUTZ». Решили, что это самый лучший, но ночью, возвращаясь из таверны, видели ещё совершеннее. Но наш всё-таки очень хорош. У водителя на верхней лицевой панели размещён телевизор. Кресла в салоне высокие, обтянутые сзади и с боков кожей, а спереди ковровой тканью тёмно-красного цвета. И греческий гид – Каллиопа и водитель Микос, очень красивые девушка и парень.

Пирей и Афины, хотя фактически уже слились и представляют одно целое, формально разделены и имеют свои муниципалитеты. В Пирее в

настоящее время проживают 50 тысяч жителей, а всего в Аттике, с Афинами, 4,5 миллионов человек. На улицах, на разделительных полосах, посажены мандариновые деревья, густо увешанные плодами. Всё вокруг очень зелёное. Оказывается, сегодняшней дождь – первый за четыре месяца, и греки, которых в стране 98 %, в том числе 95 % – православные, 4 % – католики и 1 % – мусульмане, считают это началом осени.

Едем по улицам. После Одессы поражает чистота зданий, окон, автобусов, троллейбусов, среди которых 40 советских. Чистота во всём, в том числе и в качестве отделки зданий. Масса рекламы, очень много предвыборной, например, портреты того или иного кандидата. Плакаты разных цветов – у победивших социалистов – зелёного. Встречается много дискотек. И магазины, магазины, магазины. Например, по продаже автомобилей, и каких только в них нет – и американские, и японские, и западногерманские, и югославские, и чешские. Каллиопа рассказала, что есть магазины, в которых продаётся и наша «Лада» – за 450 тысяч драхм (55 драхм – 1 доллар, 78 драхм – один рубль) или 8200 долларов, или 5740 рублей. Литр бензина стоит 300 драхм (60 центов, или 40 копеек).

Ну вот и подъезжаем к Акрополю. Недавно мы с Розой любовались его макетом в Москве в Государственном музее изобразительных искусств им. А.С. Пушкина, и вот он перед нами во всей красе. Под не очень сильным дождём перебежали дорогу и стали подниматься по крутым, выложенным мрамором лестницам, обсаженным соснами и другими растениями. Поднялись и перед нами во всей красе открылся Акрополь (по-гречески Верхний город), внизу под которым раскинулся грандиозный театр на 6000 мест Гератикус Аттикус. В нём до сих пор проводятся выступления артистов, в частности, выступает балет.

Вот перед нами и Пропилеи, через средний проход которых когда-то въезжали на колесницах, а через четыре других входили. Слева Эрехтейон (в строительных лесах – реставрация за счёт средств ЮНЕСКО), а вот и сам Парфенон! Он многократно описан, существует масса фотографий, рисунков и картин, но в натуре он невероятно величественен и прекрасен. Как говорится – лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать. Покоряет, заставляет восхищаться возможностями человека, создавшего его 25 веков тому назад, но не подавляет своей величиной.

Здесь не могу не отвлечься. 13 июля 1985 года в «Комсомольской правде» была опубликована статья «Акрополь будет жить». «Вопреки разрушению временем в них всегда будут жить процветающий ум и душа нестареющая... Так писал Плутарх о великолепных памятниках афинского Акрополя, созданных 2500 лет назад. Но вот парадокс, который великий мыслитель древности не мог предугадать. Не от всемогущего времени пострадал Акрополь, больше – от варварства человеческого. Достаточно лишь беглого экскурса в историю, чтобы убедиться в этом.

Когда в XIII веке в Афинах обосновались бургундские правители, античные храмы священного холма были перестроены в их резиденцию. В 1458 году, после завоевания города турками, Парфенон превратился в мечеть. В сентябре 1687 года наёмные войска венецианского генерала Морозини расположились вокруг крепости. Турки, готовясь к

обороне, разобрали храм Афины-Ники и из его частей построили мощный бастион. Во время штурма ядро венецианцев попало в Парфенон, где был устроен пороховой склад. Памятник раскололся надвое. Морозини, желая послать в Венецию трофейный дар, остановился на скульптурах Посейдона и двух коней. Но, когда статуи начали снимать с фронтона Парфенона, они упали и разбились. Генерал был вынужден покинуть Афины с пустыми руками, но с тех пор, считают греческие историки, путь к разграблению европейцами памятников Акрополя был открыт. Особенно «прославился» на нём британский лорд Эльджин. Под предлогом исследования античных памятников он похитил 12 скульптур и десятки других фрагментов с фронтонов Парфенона и отправил их в Англию, где в Британском музее они и находятся до сих пор.

Однако не меньше бед, чем за все прошедшие века, принесло Акрополь нынешнее столетие. Главная среди них – крайняя загрязнённость атмосферы. Если верить древнегреческому мифу о происхождении Афин, то именно «ароматный и чистейший воздух» знаменитого холма побудил основателя города – Кекропа – возвести здесь свою «крепость». Сегодня же, поднявшись на Акрополь, вы увидите совершенно иное атмосферное явление – вязкое грязно-жёлтое облако, обволакивающее памятники. Содержащаяся в смоге двуокись серы даже при самой незначительной влажности разъедает мрамор, превращая его в гипс. Катастрофически разрушают мрамор и ржавеющие железные конструкции, которые использовались во время предыдущих реставраций. Наконец, склоны Акрополя заметно страдают и от ... ног миллионов туристов.

Спасти Акрополь – такая задача была поставлена перед созданными в 1969 году по решению ЮНЕСКО двумя комиссиями из учёных разных специальностей».

После посещения Акрополя мы прокатились по Афинам. Много, очень много интересного и увлекательного. Не может, например, не запомниться памятник на улице королевы Амалии. На нём Греция, в виде полуобнажённой женщины, ласково привлекает к себе Байрона, как ребёнка. Его чтут здесь. Во 2-м томе «Большой советской энциклопедии» об этом пишется: «В июле 1823 г. он отправился в Грецию, чтобы принять участие в освободительной борьбе греческих патриотов против турецкого ига. В 1823 г. он достиг г. Миссолунги, где заболел лихорадкой и умер. Героической борьбе греков Байрон посвятил стихи «Песнь к сулиотам», «Из дневника в Кефалонии», «Последние слова о Греции».

Увидели мы и три здания, построенных из мрамора, добытого из того же карьера, что и Парфенон, – Академии наук, Университета, Библиотеки. Полубовались мы старым и новым королевскими дворцами, в которых теперь размещаются парламент и президент республики, и бывшим королевским садом. Сам король в настоящее время в Дании у жены, т.к. в своё время женился на датской принцессе. А вот перед нами и арка Адриана, который построил её в целях укрепления римской власти, а от неё начал застройку Афин в римском стиле. Он заявил, что когда-то здесь был город Тезея, а теперь будет Адриана.

Приехали в Пирей. Узнали у Каллиопы, в какую сторону бежать в магазины, и ринулись вперёд, т.к. в 18 часов 20 минут надо быть на теплоходе. Пошли всей толпой по улице, на которой расположены сплошные магазины, как мы поняли, чисто портовые – различная греческая керамика, рубашки, блузки, транзисторы. Некоторые цены. Вельветовые брюки – 1500 драхм, джинсы Levis – 1620, безрукавки Adidas – 390, зонтики – 700, рубашки – от 300 до 1200, «дипломат» – 400, мужская вельветовая куртка – 2950, джинсовая куртка – 1490, простой костюм – 4950, мужские туфли – от 1500 до 2000 драхм и т.д. Само собой, никто ничего не покупал, так как впереди ещё много стран и магазинов в них. После ужина нас повезли в таверну «Ночные Афины». Оказывается, в этом месте целый квартал всевозможных таверн, баров, ночных клубов, некоторые из которых с сексуальным уклоном. В нашу небольшую с виду таверну на втором этаже набилось семь групп с нашего теплохода, а на первом – ещё четыре наших, а также французская, немецкая, итальянская, да ещё и местные греки. Сидели, как говорится, в тесноте, да не в обиде. В 22 началась программа (на каждом этаже играл свой оркестр, а артисты поочерёдно выходили на сцену то на втором, то на первом этажах). Были разные певцы, за исключением одной девушки, слабее, чем у нас дома, танцевальная группа – 5 парней и четыре девушки, ведущий сказал даже несколько слов по-русски. Всё это – национальное. Гвоздём программы была исполнительница танца живота, танцевавшая и так, и эдак, и даже с саблей на голове. В конце выступления она вовлекла даже шесть мужчин из разных групп, в том числе одного из нашей и одного молдаванина. Очень все веселились, когда она по очереди то садилась, то даже ложилась на кого-либо из посетителей и выкидывала подобные этому номера. На столы поставили по литровой бутылке сухого вина на двоих и по тарелке с нарезанными яблоками и апельсинами на 4-6 человек.

В половине первого стали расходиться. Приехали, дождя не было, а сейчас снова идёт, полыхают молнии, у нас все спят крепким сном.

22 октября 1981 года

Коринфский перешеек, Пелопонесс, Арголида. И прочай, Греция.

Накатались сегодня в своё удовольствие – километров 300. Вообще-то в такие длительные поездки следует брать что-либо против укачивания, особенно если предстоят крутые горные дороги. Водители – звери, водят свои огромные машины так, как будто это велосипед. Разворачиваются на таких пяточках, где, кажется, и «Жигулям» не развернуться, а на крутых поворотах гонят так, что не знаешь, куда тебя сейчас выкинет – в окно или в проход. Наш Микас точно такой же.

В 8.30 выехали в сторону Коринфского перешейка, а затем на Пелопонесс, в АргOLIDУ. Сразу же за Афинами местность каменистая, холмистая, чуть поросшая травой. Поражает отделка самых обычных зданий – то ли у них цветной цемент, то ли очень хорошие краски приглушённых цветов, но дома выглядят прекрасно. Интересна отделка интерьеров. Например, дверей из матового тёмного с

ребристой поверхностью стекла и решётками из металлических гнутых полос и т.п. На плоских крышах более низких зданий, огороженных решётками, жилые площадки. Вокруг всё очень ухоженное – дома, поля, сады, дороги, дорожные знаки, машины, рестораны...

Наконец добрались и до Коринфского перешейка, где, кстати, за проезд все платят. Перешеек пересекается очень глубоким каналом, который соединяет Саронический залив Эгейского и Коринфский залив Ионического морей. Он строился с 1881 года и запущен 28 октября 1893 года. Его длина – 6500 метров, глубина – 10 метров, верхняя точка над уровнем моря – 79 метров. В год через него проходит до 11 тысяч судов девейтом до 3 тысяч тонн, мелкие круизные суда, катера, яхты. Автором проекта был французский архитектор Фердинанд де Лессеп. До этого, с древности, грузы здесь перетаскивали волоком, также взимая за это плату. В качестве альтернативы предлагался вариант с огибанием Пелопонесского полуострова.

После короткой остановки у канала поехали вперёд, на Пелопонесс. Местность сразу же меняется, как будто попадаешь в другой мир. Всё вокруг засажено, всё растёт, всё благоухает. Греция находится на третьем месте в мире, после Испании и Италии, по производству оливкового масла, а втроём эти страны дают 90% его мирового производства. Важным источником доходов являются также цитрусовые, целые плантации которых мы встречали по дороге.

Первым местом, где мы сегодня побывали, был театр Эпидавра на 14 тысяч мест (сейчас здесь размещается до 17 тысяч зрителей). Театр связан с Асклепием – или Эскулапом, бывшим, по преданию, изумительным врачом, не только исцелявшим больных, но воскрешавшим мёртвых, за что на него прогневался Зевс и повелел убить его молниями. Но затем воскресил его, и Эскулап попал в сонм богов на Олимпе. Здесь в его честь стали устраивать спортивные состязания типа олимпийских, им сопутствовала культурная программа, для проведения которой и был построен этот театр. Поражает в нём, расположенном на склоне холма получашей в 55 рядов ступеней (и каменных кресел), акустика. Когда становишься на сцену, а кто-либо поднимается вверх, то свободно можно переговариваться, причём негромко, с любым местом. Одна французская фирма попробовала построить копию этого театра, но с решением акустической проблемы ничего не получилось, т.к. не были соблюдены какие-то неизвестные составляющие, которые учитывали древние строители. Предполагают, что здесь как-то влияет и окружающая среда – холмы, лес и т.п.

Из Эпидавра поехали к Арголикскому заливу в Нафлеон, первую столицу Греции после её освобождения от турецкого ига. Этот промежуток ехали по дороге не двухрядной, а узкой асфальтовой, прихотливо вьющейся между холмами, деревушками, с крутыми поворотами, спусками и подъёмами. Вот здесь-то многих и укачало. Поэтому, когда проезжали Нафлеон, все уже и песни петь перестали, а в качестве запевалы большим мастером показал себя Узбекали Джанибекович – казахские, русские, татарские, киргизские, азербайджанские, но сил больше не было уже ни у кого. Но когда приехали в Микены и остановились у ресторана «Агамемнон», все

высыпали сразу и уселись в зале за накрытыми столами, на которых уже стояли вода, вино, лежали груши и салат из свежих овощей с оливками. Пить и жевать все принялись очень энергично. И только слегка утолив голод, подняли глаза и осмотрели зал – стекло со всех сторон, колонны и ригеля отделаны светлым залакированным деревом, мебель такого же типа, что и в таверне «Ночные Афины», но только светлая. Но вот принесли что-то печёное, слоёное, как определили наши женщины: сыр и тесто, или тесто и сыр, а также по два хороших куска мяса и крупно зажаренный картофель.

После этого вышли, забыв обо всех дорожных укачиваниях. Вокруг, конечно, оказались магазинчики, в которых продавались всевозможные греческие вазы из керамики, в т.ч. покрытые кобальтом из оникса (о, прелесть!) – 1900, 2500 и т.д. драхм, вышитые кофточки, вязаные кофты и пр.

Но вот и 14 часов. Уселись в свои автобусы и снова в путь. До дворца Агамемнона уже рукой подать. Этот дворец является одним из центров т.н. крито-микенской культуры в XV-XIV веках до нашей эры. Название это пошло от сделанных в 1876 г. Шлиманом в Микенах и в 1892 г. Эвансом на Крите открытий после проведённых ими раскопок. Очень велика роль Шлимана, поверившего в то, что описанные Гомером события о походе греков на Трои имели место. В истории Греции сейчас насчитывают несколько периодов: крито-микенский XV-XIV вв., гомеровский XI-VIII вв., архитектурный VII-VI вв., классический VI-IV вв. и период эллинизма IV-I вв. до н.э. Строительство в этих местах началось ещё в XVIII-XVII вв. до н.э. так называемыми ахейцами. Строили из каменных глыб, нижние из которых были весом до 12 тонн каждая. Но расцвета культура достигла на Крите, а затем уже её приёмы и черты стали применять, использовать и на материке, где она получила даже более широкое распространение.

Сами остатки дворца, массивные каменные глыбы, глубокие места захоронений, где возложив умершего, по обычаям тех времён пировали, а остатки пира разбрасывали, производят впечатление незыблемости, твёрдости, ничем непоколебимой гордости. Сверху из этого дворца, подобраться к которому было почти что невозможно, Агамемнон и другие правители смотрели на изумительно прекрасные окрестности, в которых изумрудные холмы плавно переходят в долины, а роции и поля прихотливо сменяют друг друга. От него за несколько минут мы доехали ещё до одного места захоронения древних. Прямо в холме вырыто конусообразное углубление, выложенное массивными камнями.

И снова в путь. В Афины, точнее – в Пирей. По дороге проезжали основные роции, назвать которые лесами язык не повернётся. К деревьям привязаны ящики, в которые собирается сок, добавляемый греками в вино. Большой размах у греков приобрёл культ бога Диониса. По дороге побеседовали с гидом о делах земных. Зарплата рабочих на государственных предприятиях (на частных платят больше) у начинающих (т.е. ничего ещё не умеющих) – 14000 драхм. Постепенно, по мере роста стажа и квалификации может дойти до 100000 драхм. Водители получают от 25000 до 50000 драхм в зависимости от времени работы и других условий. Образование до 6 класса включительно – обязательное и, следовательно, бесплатное, а

далее лицей 3 года, гимназия 3 года и 4 года университеты. Здравоохранение платное. Наша гид – Каллиопа – учится на третьем курсе университета в Афинах, живёт у родителей. Её отец – пилот «Боинга-707» – летает уже 30 лет, каждые полгода проходит медкомиссию. У них собственный дом, и поэтому ей не надо платить за общежитие – 4000 драхм и за питание – 10000 драхм, т.е. того минимума, без которого студент не сможет прожить. Также необходимо платить за книги, за пользование лабораториями.

Некоторые цены. Мясо – 500-600 драхм за килограмм, хлеб – 5-10 (булка-палка), сахар – 40, цитрусовые – сейчас, когда сбора урожая ещё не было, – до 30 драхм за килограмм, затем будут дешевле. Квартиры: при найме или аренде – в зависимости от размещения дома – от 20000 драхм в месяц в центре за комнату до 5000 на окраине. Но все сейчас считают, что раз к власти пришли социалисты, то будут изменения и домовладельцев ограничат в их праве взвинчивать цены. Рабочий день – 8 часов при пятидневной неделе. Наша Каллиопа за два дня поездки заработает 5000 драхм, из которых 1000 будет отдана государству.

Дорога снова, теперь уже с другой стороны, привела нас к Коринфу. Кстати, на дорогах встречаются маленькие часовенки. Они устанавливаются родственниками в тех местах, где в результате дорожных катастроф погибли их близкие – как память о них и напоминание живущим. Во времена великих римских завоеваний Коринф был разрушен, но затем они же его и восстановили. Вообще римляне почти ничего не разрушали. Более того, они сделали множество копий, благодаря которым мы теперь можем знакомиться с искусством Древней Греции. Жители Коринфа, благодаря удачному месторасположению у перешейка и предприимчивости жителей, были богаты материально, но бедны духовно. Св. Павел, который проповедовал слово Божье во многих странах, в Коринфе провёл 18 месяцев. Коринфяне были искусными ювелирами, строителями, они изобрели свой собственный коринфский ордер, отличный от простого ионического; они также были искусными моряками и строили прекрасные суда.

Для того чтобы вести в этих местах раскопки, приходится сносить действующие поселения. Так, в одном из мест после сноса части посёлка откопали древнюю Агору с храмом Аполлона, построенного на век раньше Парфенона, с колоннами из цельного куска мрамора. С этими местами связано много легендарных имён, например, Медеи, Сизифа. Величественные остатки стен древнего Акрополя на высоком холме. В настоящее время Коринф является центром нома (области), в нём проживает около 20 тысяч жителей.

Что поражает при сопоставлении, например, Одессы и Греции. Одесса, естественно, намного моложе, но в ней чувствуешь себя как в старом, грязном музее, а искусство греков, как древних, так и современных, заключается помимо всего и в сооружении зданий, дорог, создании произведений искусства, которые вселяют в человека светлые чувства. Даже такие махины, как Парфенон, или современные крупные строения, не подавляют человека своим размерами,

тяжестью, гигантизмом и не унижают обшарпанностью и наплевательским отношением, как к другим, так и к себе – как в Одессе.

Но вот добрались и до Пирея, поблагодарили Каллиопу и Микоса, сделали им небольшие подарки и побежали на остающиеся 45 минут по магазинам.

Кстати, о торговле. 27 января 1996 г. в газете «Ва-банк» была опубликована статья Еленой Калядиной «Хорошая шуба любит, когда её глядят против шерсти», в которой, в частности, отмечалось: «Если в развесёлом афинском порту Пирей, куда, быть может, вас пригонит счастливая средиземноморская волна, прямо у трапа разудалый грек (скорее всего, отечественного происхождения) предложит вам прямо-таки за копейки дорогой пушистый товар, будьте бдительны! Не теряйте самообладания и в том случае, если после сладкозвучных увещеваний вас доставят непосредственно к заветному прилавку, за которым в честь предстоящего приобретения обильно угостят местными резко тонизирующими напитками. Ваш тонус стремительно упадёт уже на следующий день, когда с приобретения, точно тополиный пух, посыплется жидкий мех. Да, чуть не забыла о главном – ценах. Их диапазон широк в зависимости от меха и фасона – от 450 до 150 тысяч долларов. И в связи с этим последнее напутствие. Отправляясь в греческий шубтур, забудьте известную формулу: «Мне, пожалуйста, получше и подешевле».

На теплоходе сдали жетоны.

Сегодня ночью мы покинем Эгейское море и Китирским проливом между Пелопонессом и о. Крит выйдем в Средиземное море.

Продолжение в следующем номере.

Яна АБДЕЕВА

Акбилек, дочь Маркаколя

Что прежние мечтания девицы?

Песок под ногами женщины...

Ж. Аймаутов

*Если жена хороша,
человеком сделает плохого мужика.*

Казахская народная пословица
*Хорошая жена – друг бесценный,
и собеседник задушевный.*

Казахская народная пословица

«Акбилек» Жусипбека Аймаутова... Впервые опубликованный в 1927 году, этот роман долго (до 1989 г.) был под запретом, а на русском языке пришёл к читателю лишь в 2007 году. Почему бы это?.. Чем же так неудобна для «партийных корифеев от литературы» оказалась история простой казахской девушки? И почему этот роман так современно звучит сейчас? Все исследователи творчества Аймаутова восторгаются прекрасным языком писателя, его умением точно передавать чувства и настроения героев... с точки зрения мужчины. А что, если взглянуть на роман немного под другим углом?

Всем известен красивый древнегреческий миф о скульпторе Пигмалионе, изваявшем из камня прекрасную девушку. Она выглядела настолько живой, что, казалось, сейчас заговорит. Но скульптура молчала, а её творец заболел от любви к своему чудесному созданию. Ведь в нём он выразил своё сокровенное представление о женской красоте, вложил всю душу. И терзался оттого, что никогда не станет эта мраморная девушка живой. Эта странная любовь была настолько сильна, что боги сжалились и оживили изваяние.

Очевидно, в искусстве возможно такое чудо, когда художник всерьёз увлекается своим собственным творением. Вероятно, и Жусипбек Аймаутов, работая над романом «Акбилек», любовался чудесной девушкой, оживающей под его пером. Он с любовью описывает её внешность, силу чувств, «милую простоту». Вот какой мы видим героиню на первых страницах романа: «Любимая доченька Мамырбая Акбилек в белом, развевающемся на ветру платье, звеня золотыми серьгами и серебряными подвесками, вытряхнула красно-жёлтые одеяла и несла их в дом».

Часто говорят о «тургеневских девушках». Эти образы будут вечно тревожить воображение своей женственностью, чистотой. Искренностью и силой характера. Но, думается, что «аймаутовские девушки и женщины» не менее интересны и привлекательны. Исследователи творчества Жусипбека, и Шахимарден Кусаинов в их числе, справедливо полагают, что классические архетипы казахской девушки и женщины ввёл в литературный мир именно Аймаутов. По словам Ш. Кусаинова, аймаутовская героиня Акбилек «идеально соответствует традиции воспитания казахскими отцами своих дочерей, желавших видеть в них нежных, скромных созданий, и, в то же время, прививавших им решительность и способность к мужественным поступкам». Так ли это? Попробуем разобраться. Вообще говоря, о таком образе сложилось устойчивое выражение «девушка-джигит», невозможное, скажем, на Кавказе или на Арабском полуострове, как утверждает, опять же, Ш. Кусаинов. Да, безусловно, Аймаутов – сын своего времени, и он описал свою героиню именно такой, какой, возможно, видел образ идеальной девушки. Подчеркнём – идеальной для ТОГО времени. Честно

говоря, на наш субъективный взгляд, джигит в её образе как-то не чувствуется. Хотя личность она, безусловно, сильная и неординарная. Но... Обо всём по порядку.

1. Акбилек.

В начале романа мы встречаемся с ней в Курчуме, во время набега белогвардейских солдат на аул её отца Мамырбая. На глазах дочери они расстреливают мать, пытающуюся защитить Акбилек. Вот как об этом пишет автор: «Алла!» – вскрикнула и упала. Русская тройка кинула Акбилек поперёк лошади и скрылась. Взывал вздох детёныш к матери, затряслись земля и небо, грохотали копыта, вслед за ними горы, опять залаяли собаки...».

Забрав свою добычу, в ночь умчались незванные гости, пристрелив по пути ещё одного преследователя. Кто был этот ночной герой? Кто помог найти спрятавшуюся в яме Акбилек? Всё это предстоит узнать читателю в дальнейшем.

Заурядный человек по имени Мукаш, выходец из бедных и всю жизнь прослуживший в богатых домах, решает судьбу ни в чём не повинной Акбилек. Вступив в ряды большевиков, он жаждет мести за обиды прошлой бедной жизни. Оказалось, что и с Мамырбаем, отцом Акбилек, у него были свои житейские счёты. Выдав Акбилек белогвардейцам, Мукаш находит успокоение давно терзавшим его мыслям о мести.

Ужас начался после этого. Для молодой девушки, не знающей по-русски ни одного слова, начались страшные, полные унижений, страданий, между жизнью и смертью дни. «Застенчивая девушка-ангел, никогда не поднимавшая взгляда на мужчину, теперь, потеряв природную чистоту, по принуждению, сгорая от стыда, стала забавой, развлечением для белого бандита, офицера белой армии с чёрными усами», – отмечает исследователь Р. Нургали в своей работе «Казахская литература: концепции и жанры».

Но всё проходит в этой жизни. Белогвардейцы вынуждены срочно уходить в горы. И здесь писатель, по словам исследователей его творчества, несмотря на общую негативную характеристику русского офицера, показывает его душевные переживания, борьбу с самим собой. Вначале Черноусый решает застрелить девушку, чтобы она никому не досталась. «Я люблю тебя, ради тебя душу погубил, не хочу, чтобы тебя кто-то любил после меня», – переводит толмач. Да, хороша «любовь», ничего не скажешь! Использовать беззащитную девушку, как сексуальную рабыню, и выбросить за ненадобностью. Точнее, думается, уничтожить следы преступления. Так что ни о какой любви здесь не может быть и речи. Сплошное удовлетворение низших уровней пирамиды потребностей. «О, времена, о, нравы...».

«Не убивай меня! Позволь мне жить!» – умоляет несчастная девушка. Да, лишь по воле Всевышнего, остановившего руку убийцы, Акбилек осталась жива.

Язык автора удивительно красочен, взгляд предельно внимателен: «В сумерках, приятных лишь в тёплых домах у уютных ламп, русские, повинаясь горланному приказу, вскочили в сёдла и гуськом потянулись из узкой горловины ущелья. Вместе с ними стала отдаляться от Акбилек и её тень, навек перепуганная, униженная и развращённая мужскими ласками. И пока доносилась до неё дробь конских копыт, она невольно вдыхала: «А-а...» и выдыхала шёпотом: «Алла...». Акбилек одиноко бродила по оставленному лагерю русских, как приبلудный щенок, но одиночество её не тяготило. Умереть, скитаясь в безлюдных горах, ей казалось предпочтительней, чем от пули...».

«Хладная мгла, ау! Как в ней разглядеть чёрный туман, клубящийся в душе Акбилек?» Слова эти явились предвестниками обрушившихся на девушку новых, ещё более драматичных испытаний. Мы видим Акбилек в единоборстве с голодными степными волками, ночью окружившими её палатку. Борьба мыслей переходит в физическую борьбу за жизнь: «От разгоревшегося костра волки и отступили разом... И как здесь не зашаманить самой? «Взлетай, мой огонь,

взлетай! Разгорайся, мазда, разгорайся, дай огня, дай! Трусливые звери, немое вражьё! Вот огонь, вот ружьё!.. Вам гореть в огне! Обожгу, опалю!» – скакала и выкрикивала в полубезумии до самого рассвета Акбилек: «мазда-мазда» и спаслась». Да, вот в такой ситуации далеко не каждый мужчина способен защитить себя (тем паче, СОВРЕМЕННЫЙ мужчина)! Так и хочется спросить, почему же она свой шаманизм не применила против ненавистных белогвардейцев, которые гораздо хуже волков?!

Следующим знаковым, как сейчас принято говорить, событием, становится встреча девушки со странствующим дервишем – святым человеком, дуаной Искандером. «...и колдун себе, и знахарь, и божий человек... такой может всё. Жизнь Искандера – тайна. Конечно, Искандер человек. Но что за человек?». Доверившись дервишу, часть пути в буквальном смысле несущему её на спине, Акбилек возвращается к своим. «Она желала лишь одного – добраться до аула, к отцу. Увидит его, обнимет с разлуки, помолится над могилой матери и сама станет, как мать, заботиться о родителе».

«Где теперь мама? О, Создатель, кто и что вместо неё заполнит теперь гулкую пустоту? Кто прикоснётся губами со вздохом к лобу Акбилек, когда она появится у родного дома? С кем она поплачет, кто утешит её?».

Удивительна для автора-мужчины передача эмоций героини: «Бедняжка Акбилек! Кому, как ни тебе, заливаться слезами? Лишилась ты мамы, носившей тебя в чреве своём и вскормившей тебя терпеливо, как аруана своего верблюжонка! Потеряла ключик к завтрашнему, казалось бы, неминуемому счастью, опрокинула и откатился прочь от тебя золотой котёл, разлилось золотое масло. Юное девичье сердце перестало биться – обуглилось. Весенний бутон твой, не успев распуститься, завял, стал трухой. Светлая душа твоя покрыта пеплом... Смой слезами тоску! Море наплачь!.. Пусть вздымаются солёные волны! Пусть обидевшие тебя канут в них, и каждая капля в наплаканном тобой море пусть станет им ядом».

Вторая часть романа – «Рана» – посвящена главным образом мужским персонажам. И в том числе Бекболату – несостоявшемуся жениху Акбилек – и Толегену, брату девушки. Образ самой Акбилек появляется здесь лишь косвенно: «Я вот свет божий увидел, поправился. А какие страдания терпит она? Выплакивает в неволе глаза? Или убили её русские? Или обнимает русского? Или они все разом...». Вновь и вновь Бекболат мысленно видел Акбилек, «но в бескрайней степи, наполненной вольным и беспечным течением живого мира, мимо реальности виделась она ему цветущим стебельком... Какая она была, когда он впервые увидел её, когда с компанией охотников с беркутами заехал к ней! Лицо белое, лоб открытый, шея лебединая, глаза сияют, брови тонкие, губы нежные, пухленькие, как у младенца! Фигура точёная, без единого изъяна, как весенний росток. А когда зазвенела она монистами в косах, вскакывая с места, когда округлила коленями белый подол платья, присев снова, когда прошла в щегольских туфельках, выходя из комнаты, засмеялась с серебряным звоном, пошептавшись с матерью...». Любопытна характеристика, данная автором брату главной героини: «Толеген по натуре господин. *Советский господин* (курсив мой. – Я. А.). И титул у него советский. Приятели и не зовут его иначе, чем Продком. Всё на свете можно найти у Продкома: и костюм «Москвашвей», и чёрную икру». На этих страницах впервые появляются ревкомовцы Балташ и Акбала, которым предстоит сыграть не последние роли в судьбе нашей героини.

2. Тоска.

С большим трудом вырвавшуюся из рук смерти, измученную, еле добравшуюся до родного аула Акбилек ожидали ещё большие муки, унижение, позор. «Позади остались зло и насилие банды, но настоящий ад начался теперь, когда из-за грязных сплетен, гулявших по аулу, невозможно было смотреть людям в

лицо, они жгли ей душу», – пишет Р. Нургали. «Напрасно она, напрасно выжила, ведь кто она теперь, если не облизанная псом посудинка, ясно самой себе: падшая и телом, и душой... Как она сейчас своими грешно исцелованными губами прикоснётся к святому лицу своего отца? Гнева Божьего не страшась, войдёт в благословенный, как мечеть, отчий дом?». Да, красочное описание терзаний главной героини тронет даже самую зачерствелую душу. Но... И здесь чувствуется патриархальщина в самом заскорузлом варианте: что бы ни случилось, виновата женщина! И, что самое гадкое, женщина почему-то всегда ЧУВСТВУЕТ СЕБЯ ВИНОВАТОЙ! Впрочем, что ожидать ещё от общества, созданного мужчинами для мужчин! Развитию самосознания Женщины здесь места нет. Есть лишь роль сексуальной рабыни, кухарки, домашней прислуги. Автор (мужчина, между прочим – подчеркнём это! – Я. А.) не постеснялся сказать об этом откровенно. И это, видимо, одна из причин, по которой роман долгое время был под строгим запретом. А фильм, снятый в 1997-м, тоже, кстати, посмотреть довольно сложно. Кто-то там, как обычно, что-то НЕ ТО увидел, и пошло-поехало... Сейчас начнут говорить, дескать, «восточная патриархальщина»... Да? А у русских, что, не так было? И, кстати, до сих пор... Много ли женщины в правительстве в странах бывшего СССР? В своё время замечательный художник-карикатурист Херлуф Бидstrup, будучи в Союзе, искренне удивлялся, что в советских республиках женщины получают зарплату наравне с мужчинами. Да-да, это не шутка – дело происходило в 1950-е годы, если не ошибаюсь... Что же получается, половой признак влияет на величину... заработной платы, так? А ведь, между прочим, по положению женщины определяется степень развитости общества в целом. Как это у классиков – «рождённая в рабстве способна рожать лишь рабов». Но не об этом речь. Вспомните (только, пожалуйста, без ненужной и неуместной в данном случае ностальгии и «вздохов на скамейке») КЛАССИЧЕСКУЮ РУССКУЮ ЛИТЕРАТУРУ. Да-да, ту самую, которую с таким остервенением уже которое десятилетие изучают в школе. Все эти «Бесприданницы», «Татьяны Ларины», «Бедные Лизы» и прочие «тургеневские девушки», задавленные беспросветным мужским половым шовинизмом, не имеющие возможности элементарно ВЫБРАТЬ СВОЮ СОБСТВЕННУЮ ДОРОГУ В ЖИЗНИ, вечно вынужденные мириться с тем, что скажут и предложат (естественно, в собственных интересах!) власть предрержащие. Разумеется, МУЖСКОГО ПОЛА.

Но вернёмся к Акбилек... Как бы там ни было, она «доверилась всему доброму, что творилось вокруг неё, всех ощущала родными: меня жалеют, меня ещё любят».

А вот какой стала Акбилек в глазах вновь объявившегося в её жизни Бекболата: девушка «стала ещё краше, исчезла девчачья угловатость, плечиками округлилась, светится вся. Сердце хвастливо забилось, улыбка прячется под усами, какая у него суженая!». Его глаза говорили: «Люблю только тебя».

И, несмотря на это, даже Бекболат, который раньше любил её, узнав о страшном событии, случившемся с ней, отвернулся от неё (да, весьма характерно-с для патриархально воспитанного юноши, с молоком матери впитавшего «двойную мораль»). Женитьба отца Мамырбая, суровый характер мачехи, человечность Уркии, жены старшего двоюродного брата, рождение сына Искандера, зачатого от белого офицера, – всё это описано с подлинным реализмом. Великолепен образ Уркии, жены Амира, племянника Мамырбая: «К кому обратиться? С кем поделиться? А кто есть? Разве что знавшая её с детства тётушка Уркия... Замечательная женщина, вот разве что не дал ей Бог своих детишек. Мать Акбилек доверяла только ей детей, когда отъезжала, скажем, погостить в дальний аул. Кто же, как не тётушка Уркия, самая любимая после мамы, вспомнит об Акбилек?».

Дальнейшие события в романе развиваются активно. Отец Акбилек, человек ещё не старый, приводит в дом молодую жену. О, мачеха главной героини, вдова Орик, – это вообще отдельный разговор: «Она оказалась смуглой женщиной с прямым взглядом из-под тонких век и изогнутых бровей, нос – короткий, сидит, надувшись, с вызывающим видом, словно непрестанно думает о чём-то недоступном для остальных. Сердце у Акбилек похолодело...». Всё больше дети отдаляются от отца, обиженные мачехой. И на этом не кончаются испытания Акбилек. Как гром среди ясного неба, обнаруживается беременность и без того опозоренной Акбилек. Близкая по духу, во многом заменившая осиротевшим детям мать бездетная Уркия притворяется беременной. «Как в сказке, злая мачеха выгоняет находящуюся в родах Акбилек из дома», – отмечает А.С. Исмакова в своей статье «Роман и стиль». Спасительница Уркия приводит молодую женщину в дом немногословной доброй старухи, которая принимает роды Акбилек. «Такого изображения процесса рождения ребёнка ещё не было в казахской прозе, – подчёркивает далее А. Исмакова. – Поражает при этом то, что пишет об этом автор-мужчина!».

Вызывает удивление и восхищение смелое и откровенное преклонение автора перед Женщиной, перед Матерью: «Ой, сёстры, ай! Не верьте обещаниям мужчин в подлунном мире. Сами себя загоните в неволю! Ой, детишки, ай! Пусть ваши матери не умирают, пока вы растёте и не встанете на ноги! В сердце детское вместе с кровью вольётся печаль. Ой, зелёная поросль, молодые, ай! Кто дал вам гордое горячее сердце? Кто выкормил грудью, нянчил вас, убаюкивал, зацеловывал, оберегал-отстаивал? Мама... Мама... Добрая мама. Если мы способны любить, если есть в нас совесть и стыд, то мы, дети, вспомнив раз отца, десять раз обязаны вспомнить маму. Низкий поклон поднявшим нас матерям! Много светлых лет жизни матерям!».

Да, автору тоже низкий поклон. От женщин.

3. Любовь.

И вот – заключительная часть романа. «Прошло пять лет», – констатирует автор. На берегу Иртыша в губернском городе Семипалатинске встречаются в пятницу летним вечером две молодые женщины – Акбилек и Камиля. Родственница матери Акбилек – Камиля, дочь бывшего волостного, рассказывает свою «историю», традиционную для тех времён. Покинув дома, бежали от большевиков состоятельные казахи в Китай: «Спаслись, а оказались среди людишек скверных, разнузданных. У них свои какие-то законы, нам непонятные, и каждый толкует законы, как ему выгодно, весь скот у нас отобрали... Ни скота, ни дома, ни родных, ни близких, жили в шалаше... Меня хотели украсть (вот опять женщина – вещь, неодушевлённый предмет, который можно красть, обменивать, делать с ним всё, что угодно, а он, она, то есть, бессловесная, всё стерпит, поскольку так воспитана! А мужчин, вообще говоря, такое положение вполне устраивает – конечно, удобно! Это ещё в Древней Греции было, да и раньше – патриархат, господа! – Я. А.), но Бог миловал». Не найдя приюта, ограбленные и голодные беженцы вынуждены были вернуться на родную землю. Что же ждало людей, виновных лишь в том, что они были не бедными? «Вернулись в свой аул, посмотрим, а все наши постройки, всю нашу землю присвоил себе один голодранец из соседей. Не пускает нас в наш собственный дом. Отец и к старейшину обращался, и к волостному ходил – всё без толку», – так в словах Камили отразилась эпоха повального раскулачивания, «выравнивания» сословий. «В один из дней приехали в аул двое милиционеров с ружьями, схватили и увезли с собой. Спрашивает он у них: «В чём я провинился?» – а те ему: «Ты беглец, буржуй». Откуда нам знать, кто такие буржуи...».

Как вещь, в обмен за свободу отца отдают Камиллю замуж за человека, способствовавшего его освобождению: «И плакала я, и умоляла пощадить, и жалилась, как могла. Как не слышал. Железными пальцами переломал всё тело. Что тут... муки адские перенесла, сестра моя, настрадалась, истерзал он всю меня, всё прокляла на свете». Опять же, удивляет смелость автора-мужчины ТАК честно и правдиво писать об этом. Как же возненавидеть должны были его «собратья по полу» уже за одно это!

«Впервые для себя, – отмечает А. Исмакова, – Камилля видит в городе пьянство, взяточничество среди нового класса – большевиков. Её мужа, спившегося коммуниста, снимают с работы, и он уезжает в другой город».

А что же Акбилек? Вернёмся в тот трагический для неё год... Тем летом приехал в аул с продрозвёрткой её старший брат Толеген. Нашёл он Акбилек, прятавшуюся в доме у Уркии. «Прожив в ауле месяца полтора, Толеген примирил отца со всем, что случилось с его дочерью, и привёл Акбилек обратно домой. Как она плелась по аулу с пылающим лицом, ау, лучше не вспоминать. Толеген заявил, что готов забрать сестру с собой в город... Скоро Толегена перевели по службе в Семипалатинск. Квартиру получили просторную, жили в достатке. Брат записал Акбилек на курсы... Впервые она услышала об арифметике, о географии... Акбилек проучилась на тех курсах шесть месяцев. Дома она помогала невестке по хозяйству. Наденет передник и чистит картошку, лапшу нарежает. Узнала кулинарные секреты приготовления пирожков, самсы, пельменей, котлет. И одеваться стала по-другому. После переезда в Семипалатинск брат и невестка заказали ей городские платья по последней моде... Затем Толеген получил в отделе образования для сестры направление на рабфак в Оренбурге. Тогда-то Акбилек первый раз села в поезд...».

«Учиться оказалось тяжело, не то что в Семипалатинске. В Семее учителями были казахи и книги на казахском языке. Русских уроков было совсем ничего. А тут учёба на русском языке. И учителя только русские, кроме одного-двух казахов. Акбилек научилась кое-каким русским словам и выражениям у брата и невестки, но разве это наука! Что хорошо – много русских девушек вокруг, разговоры с ними приносили больше пользы, чем все уроки русского языка. Если бы не русские подруги, которым она ни в чём не желала уступать, Акбилек не училась бы так успешно».

«В общежитской коммуне жило до пяти сотен человек. Жили тесно и в холоде... Сдохнуть от голода было проще, чем уразуметь лекцию. Сколько юных созданий исчезло, заболело! Были среди них и действительно умершие. К концу зимы и Акбилек дошла до полного истощения. Весной с двумя-тремя сокурсницами вернулась в Семипалатинск. Акбилек удивлялась, как она смогла выжить в Оренбурге, но одно знала твёрдо: от учёбы ты никогда слабее не станешь. Брат Акбилек уже работал на солидной должности в губернском комитете. Сразу же нанял ей бездетную учительницу русского языка на четыре месяца, чтобы не скучала без дела. Она и выучила Акбилек грамотно писать и говорить на русском. Время такое наступило – надо. Не жить же, как продолжали жить казахи: в копоты, вони да со вшами. Богатство – в знаниях». И при этом сам же автор причитает устами главной героини: «Хоть в копоты, хоть со вшами, зато со своими, среди своих. Я так скучаю по аулу, по лицам родным! Кажется, всё на свете бы отдала, лишь бы оказаться среди них!».

В Оренбурге Акбилек проучилась три года. Именно там, за чаепитием у одного из учителей она знакомится с двумя товарищами – Акбалой и Балташем. Любовная записка коммуниста Балташа, вполне характерная для него, начинается со слов: «Акбілек жолдас», «товарищ Акбилек». Одновременно влюбляются в неё Акбала и Балташ, но первоначально предпочтение Акбилек отдаёт первому. Когда молодая женщина рассказывает Акбале свою «историю» с

русским офицером, закончившуюся рождением сына, то ситуация резко меняется. Всё это было ударом для Акбалы, который искал идеальную, нетронутую девушку, какой ему казалась Акбилек. И снова «двойная мораль»! Как говорится, «что дозволено Юпитеру...».

«Балташ – видный коммунист, способный ответить на любой политический вопрос, опытный служащий... Он служил в Акмоле и Семипалатинске, и в Уральске, и Букеевской губернии, ему знакомы все... кадровые вопросы, общается запросто со знаменитостями, а посему и весь мир, можно сказать, лежит у его ног». Вскоре мы узнаём, что Балташ ещё больше полюбил Акбилек, поразившись тому, что молодая женщина после всего пережитого сумела сохранить человечность и любовь к жизни. «Произошло духовное соединение», – констатирует А. Исмакова. Но писателю важно расставить все точки над «i». В загсе, куда пришли зарегистрировать свой брак Акбилек и Балташ, молодожёны встречают того самого (Черноусого) русского офицера: «Как только прозвучало имя Акбилек, он поднял глаза на неё и буквально впился взглядом в её лицо... Он смотрел ей вслед, и ей показалось, с теплотой (О, наивность! Какая может быть теплота у подобного существа... так и хочется написать – «организма» мужского пола? – Я. А.). Она чуть заметно, прощаясь, кивнула ему (Зря, зря снизошла! Он и мизинца её не достоин! – Я. А.). Он запустил пальцы в волосы и сжал кулак. Сожалел ли, раскаялся ли... кто его знает (Ну да, как же, дождёшься от такого типа раскаяния... Инстинкты заиграли – это ещё возможно. – Я. А.)».

«Жизнь приятна, жизнь забавна! Всё выглядит смешным для молодожёнов. Акбилек стала любительницей подшучивать над мужем. И ничего, терпит, нет и тени обиды», – пишет автор, искренне радуясь за свою героиню, обретшую наконец своё счастье. И вот молодые супруги прибывают в Зайсан. «На пристани их встречали Толеген с женой и маленькой дочерью на руках, получившие от них правительственную телеграмму: «Ждите»... Балташ и раньше был знаком со старшим братом Акбилек, служили вместе. Прежде он обращался к нему: «Товарищ Толеген», – а сегодня по-родственному, сердечно... Толеген всегда считал Балташа человеком ограниченным. Сейчас об этом и не вспоминал. Теперь Балташ ему зять, к тому же работающий в центре. Какая может быть ограниченность в новом положении? Не стал бы чваниться, и довольно...».

«Прослышав, что прибыл столичный комиссар, к дому Толегена, как правоверные к Мекке, заспешили уездные недокомиссары в пузырящихся на коленях брюках и жёваных пиджаках...».

Скоро Акбилек и Балташ «двинулись дальше, к аульному родному миру». И вот тут нашу героиню поджидала ещё одна неожиданная встреча: «В центре поселения стоял большой дом, у которого крутился десяток жеребят. Справа от дома была поднята белая юрта». И... «появился Бекболат в лисьем треухе, сдвинутом набок, и чапане, наброшенном на одно плечо. Поглядывая исподлобья, он двинулся навстречу нежданным гостям... Встретившись глазами с Акбилек, побледнел, но и с ней, и с её братом поздоровался, как с давними знакомыми. И поспешил ввести гостей в юрту...». Далее перед нами достаточно непривлекательный (во всех смыслах!) образ нынешней супруги Бекболата, похоже, вполне довольной своим положением домашней прислуги (принято говорить пафосно – ХРАНИТЕЛЬНИЦЫ ДОМАШНЕГО ОЧАГА, оправдывая тем самым исконно мужские амбиции, сужающие мир женщины до трёх «к» – «киндер, кирхе, китчен»): «Перед стопкой одеял сидела за шитьём смуглая курносая молодуха. Её фигурка сразу бросилась в глаза Акбилек. Молодая хозяйка с недовольным видом тоже прежде оглядела женщин. Ей явно не пришлось по душе то, что женщины, нисколько не смущаясь, прошли и сели рядом с мужчинами, чуть ли не колено к колену! Взгляд её выразил одну мысль: «Ишь ты какие! Нарядились-то как! Что они из себя воображают? Ах, так тебя...». А ты кто такая, глупая домашняя курица с кругозором, ограниченным одеялом (простите! – вспоминается

Г.Х. Андерсен с его знаменитым «Гадким утёнком» – как там – «Глупые птицы, вы же никогда не видели ничего, помимо вашего птичьего двора!»)... Впрочем, «не судите, да не судимы будете».

«Акбилек подумалось о том, что Бекболат не любит свою супругу, и ей стало жаль его. (Ну вот – опять тратим время и силы на жалость, и к кому – к какому-то там НЕСОСТОЯВШЕМУСЯ жениху! – **Я. А.**). Несколько её встреч с ним вновь ожили перед ней, но не настолько, чтобы взволновать её, как прежде. И тут же безвозвратно канули в прошлое, без капли сожаления. Что прежние мечтания девицы? Песок под ногами женщины, она шагает, нисколько не утопая в нём, дыша новыми желаниями». (Браво, автор! – **Я. А.**).

Встретившись с прошлым, проезжая знакомые с детства места, Акбилек «вынесла своё сердце за семь небес и в космосе обмыла его в золотой чаше, вновь родилась – чистая, иная» (курсив мой – **Я. А.**).

Приятно поражают перемены, произошедшие в душе старого Мамырбая: «Аксакал на коне: какой сын! Каков зять! Какая невестка! Какая дочь! Ну у кого ещё по нынешним временам так удачно сложилась жизнь?!».

«Ну, само собой разумеется, Мамырбай устроил той...Пять аулов Маркаколя праздновали праздник аксакала Мамырбая!».

И подлинным апофеозом романа становится встреча Акбилек со счастливым обретенным сыном Искандером, выращенным доброй и мудрой Уркией: «Жеребёночек мой! Как славно ты всё сделала, тётушка, ау!.. Я думала: погубила его... Как я счастлива!».

Проходят эпохи, меняются моды, увлечения, общественные условия и законы, но всегда будут в чести те душевные качества, которые делают «аймаутовскую девушку» Акбилек столь милой и обаятельной: чистота, благородство, верность.

И вот тут-то мы подходим к ключевому, по сути, моменту – ПРЕДНАЗНАЧЕНИЕ ЖЕНЩИНЫ по Ж. Аймаутову. Да, не побоимся столь громких пафосных фраз. Они в данном случае ох как уместны. Да, всем своим романом, простой судьбой главной героини, её и в самом деле архетипическим образом автор говорит: женщина – тоже Человек. И, пожалуй, для Ж. Аймаутова (кстати, как и для И.А. Ефремова, также, как и Ж. Аймаутов, незаслуженно преследуемого за свои слишком смелые взгляды, в особенности на взаимоотношения полов в настоящем и будущем!), именно ОНА прежде всего Человек. Всё остальное вторично... Вечен лишь светлый образ девушки Акбилек – воплощение вечной Женственности, Красоты, Доброты, Милосердия. Образ Акбилек – молодой матери, обретшей, наконец, своего сына. Образ вечной женской Любви, торжествующей во все времена.

Использованная литература

1. Аймаутов Ж. Акбилек: роман / пер. с каз. Ш. Кусаинова. – Алматы: Раритет, 2007. – 232 с. – Библиотека «Алтын кор».

2. Джуаньшбеков Н. Жусупбек Аймаутов. Очерк о жизни и творчестве. – Алматы, 2006. – 38 с.

3. Исмакова А. С. Возвращение Плеяды. Экзистенциальная проблематика в творчестве Ш. Кудайбердиева, А. Байгурсынова, Ж. Аймаутова, М. Жумабаева, М. Дулатова и М. Ауэзова. – Алматы: НИЦ «Гылым», 2002. – 200 с.

4. Казахские народные пословицы и поговорки. – Алматы: ИД «Кочевники», 2002. – 216 с.

5. Нурғали Р. Казахская литература: концепции и жанры. – Астана: Фолиант, 2010. – 504 с.

г. Усть-Каменогорск.

26 августа 1980 года мой отец Абдыкадыр Иминов получил инфаркт миокарда и находился в очень тяжёлом состоянии. Отца повезли в Алма-Ату и положили в Центральную городскую больницу.

Я в то время был студентом 3-го курса филологического факультета КазГУ. Вместе с отцом в больницу лёг и я, ухаживал за ним. Весь сентябрь был рядом с ним. В октябре начались занятия, до обеда я был на лекциях, остальное время – рядом с отцом.

Отец знал, что жить ему осталось мало. Знал и видел это и я. Удивительное дело: когда человек уходит, он вспоминает свою родину, детство, юность, родителей, близких и дорогих людей. Почти все его рассказы я хорошо запомнил, многие записал. Эти последние месяцы рядом с отцом меня многому научили, я лучше узнал жизнь.

Отец тихо скончался 7 июля 1981 года, последнее его слово было «Аллах».

После него остался архив: книги, письма, документы, стихи, а главное – записи о своей жизни. Именно на основании этих записей и своих заметок я восстановил его рассказ о дружбе с Джамбулом, который и предлагаю читательскому вниманию.

Исмаилжан ИМИНОВ.

Абдыкадыр ИМИНОВ

Меня благословил Джамбул...

Сегодня, 9 июня 1972 года, Казахстан отмечает 125-летие со дня рождения Джамбула Джабаева. Слушаю выступления по радио и телевидению, читаю статьи и воспоминания в газетах, журналах. И мне всё кажется, что это сказано, написано не о Джамбуле, а о другом незнакомом и чужом мне человеке.

Меня вновь никто не вспомнил, никто не пригласил на торжества. Кому я нужен?! Придёт ли время, когда будут говорить о моих особых отношениях с акыном? Ведь темы «Джамбул и религия», «Джамбул и имам» закрыты, наверное, навсегда...

Утром попросил супругу приготовить на масле лепёшки. Прочитаю молитву, помяну человека, который в далёкие 30-40-е годы заменил мне отца, спас, наверное, от неминуемой гибели. Пройдёт суэта торжеств, а я с сыновьями съезжу на могилу акына и вновь прочитаю молитву, посвящая её ему.

Порою он мне снится, и я долго с ним беседую, иногда спорю, как в юности. Сегодня во сне он мне сказал: «Напиши обо мне, может быть, когда-нибудь пригодится». Поэтому я взял перо и стал писать о нём, о нашей дружбе.

***

Но прежде хочу рассказать немного о себе.

Я родился весной 1917 года в древней уйгурской столице г. Кашгаре, в семье потомков ходжей. Детство моё было счастливое, я жил на родине, очень любил родителей Иминахуна и Сакинахан, братьев, сестру. Я получил хорошее мусульманское образование, закончил медресе. Изучал Коран, арабский и персидский языки, светские дисциплины.

В 1931 году уйгуры подняли антикитайское восстание. 12 ноября 1933 года была провозглашена Восточно-Туркестанская Исламская республика. В феврале-апреле шло кровопролитное сражение за Кашгар. Среди защитников города был и я, мне тогда не исполнилось и 17 лет. После падения Кашгара начались массовые расстрелы. Среди расстрелянных был и я, чудом оставшийся в живых.

Я упал, а на меня свалились трупы людей, стоявших передо мной, и это спасло мне жизнь.

В конце апреля 1934 года я с караваном из Советского Союза перешёл границу в районе Эркештам. В Киргизии в то время ещё был голод, я видел сотни погибших людей. Я был один, со мной не было родственников, друзей, везде я был чужой. В поисках работы и покоя побывал в городах Ош, Фергана, Андижан, Ташкент, Краснодарск, переплыл на теплоходе Каспийское море, увидел Баку, шесть месяцев проработал на заводе по выработке растительного масла в городе Гянджа.

В 1935 году приехал в Алма-Ату. В стране в это время был воинствующий атеизм, были закрыты почти все мечети. Я везде открыто читал намаз, Коран, и это спасло мне жизнь, благодаря этому я познакомился с Джамбулом, приобрёл друзей, единомышленников.

По приезду в Алма-Ату я несколько дней жил в мечети, от людей узнал, что недалеко от города в Каскеленском районе в колхозе «Политотдел» строят школу. Отец мой Иминахун привил мне любовь к физическому труду. Я был неплохим строителем, поэтому с большой радостью поехал туда работать.

Я всей душой полюбил казахов, этот скромный и гостеприимный народ. Быстро овладел языком, полюбил их песни и музыку, особенно кюи Курмангазы. В это время казахская письменность была на латинице. Литература, которая была издана на основе арабской графики, уничтожалась. Я стал собирать старые книги, – так оказался у меня сборник Абая. Я не расставался с этой книгой, многие его стихи знаю наизусть до сих пор.

***

Один из руководителей колхоза «Политотдел» был сородичем Джамбула, именно у него я и познакомился с акыном. Джамбулу, наверное, рассказывали обо мне, что здесь живёт и работает верующий юноша. Он решил поговорить со мной. Меня пригласили к нему.

Я зашёл и увидел человека среднего роста, с бородой, одетого в чапан, на голове была тюбетейка. Таких стариков в те годы было немало. Но что-то меня поразило в нём. Это были его глаза. Они внимательно смотрели на меня, в них я увидел ум и печаль, которые приходят к мудрым людям с годами. Он приветливо поздоровался.

– Как тебя зовут? Откуда ты родом, сынок? – спросил он с улыбкой.

– Зовут меня Абдыкадыр, родился и вырос я в Кашгаре. Родину был вынужден покинуть в апреле 1934 года, – ответил я.

Я, конечно, слышал о Джамбуле. И мне было приятно с ним познакомиться. В тот первый день нашего знакомства больше говорил я, а он внимательно слушал. Лишь изредка задавал вопросы. Я кратко рассказал о своём родном городе, родителях, учёбе, восстании уйгуров. Но больше всего, конечно, говорил о религии. Мы были люди разных поколений, национальностей, судеб, но нас объединяла великая вера в Аллаха, в его силу и милосердие. Только беззаветно верующий человек в те годы мог открыто читать намаз. Джамбул хорошо знал Коран, глаза его помолодели, когда он прочитал первую суру «Ал-Фатиха» из священной книги.

Эта первая встреча сроднила нас и сблизила. Он с отеческой лаской отнёсся к моей горькой судьбе, меня благословил и пригласил к себе. Так я оказался в Кастекском (ныне Жамбылском) районе.

Акын вырос в религиозной семье, дядя его Тайты дважды совершил хадж. Джамбул всю жизнь читал намаз, соблюдал мусульманские обряды. Он часами любил слушать, как я читаю Коран, многие суры его я переводил на казахский

язык, комментировал. Любил слушать Сунну, рассказы, описывающие жизнь пророка, живо интересовался хадисами. Иногда я читал наизусть стихи моих любимых поэтов Алишера Навои, Моллы Билала, Абая и Габдуллы Тукая.

Благодаря Джамбулу я стал довольно известным человеком, в народе меня уважительно называли «мулла Джамбула» или «мальчик-мулла».

Дома у Джамбула я познакомился со многими писателями, деятелями культуры и искусства. Запомнились мои беседы с Сабитом Мукановым – он был религиозным человеком. Сабит-ага часто подробно расспрашивал меня о жизни в Кашгаре. Позже он напишет роман о Чокане Валиханове «Промелькнувший метеор».

***

Как-то в конце 1938 года акын пригласил меня к себе. «Мне уже 92 года, и ты не мальчик, если я завтра умру, кому ты нужен, Абдыкадыр?» – сказал Джамбул. Я молчал, прекрасно понимая, что акын прав. Он продолжал: «Я много думаю в последнее время о тебе и решил тебя женить. В Узунагаче живёт мой земляк Шарип. У него есть дочь – красавица Гульжахан, которая родилась и выросла здесь, семья эта состоятельная, пользуется уважением. Если ты женишься на ней, станешь зятем Шарипа – я могу умереть спокойно». Я был знаком с этой семьёй – действительно, Гульжахан была красавицей, и поэтому я сказал: «Жаке, всё в Вашей воле, если Вы так решили, и если девушка согласится – я не против».

На следующий день Джамбул и я поехали в Узунагач. Гульжахан с улыбкой встретила нас. Шарип внимательно выслушал акына и сказал: «Я не возражаю, если молодые согласны». В тот же день, пригласив небольшое количество гостей, Джамбул сам совершил обряд бракосочетания – неке кию. Так я стал зятем Шарипа.

Послереволюционные годы изменили людей, страх поселился в их душах. 1937-1938 гг. – это страшные годы, почти каждый день мы узнавали, что забрали того или иного человека.

Я был знаком с семьёй Ораза Жандосова, несколько раз был у них в гостях. После того как репрессировали О. Жандосова, арестовали много его родственников, друзей, да и просто знакомых. Конечно, и я переживал, что репрессии могут коснуться и меня.

После первой поездки Джамбула на Декаду казахского искусства и литературы в Москву дважды приезжал к нам в аул Сакен Сейфуллин. Он узнал о моём увлечении лекарственными травами и во второй приезд подарил книгу «Лекарственные растения», изданную в 1903 году на татарском языке в Казани. Это была книга, которой Сакен сам пользовался более 30 лет, и поэтому подарок дорог был вдвойне. Подарил он эту книгу с дарственной надписью, автограф был и на одной из страниц.

После того, как С. Сейфуллина репрессировали, я вынужден был уничтожить дарственную надпись, но личный автограф в самой книге остался. Эту книгу я бережно храню до сих пор.

Теперь вернёмся к моей женитьбе на Гульжахан. Странная жизнь у меня была с ней. Мы были молоды, красивы, как будто любили друг друга, но страх, который поселился в душах людей, сделал наш брак невозможным. В это время были расстреляны, отправлены в лагеря, в ссылку почти все мусульманские священнослужители, а я открыто читал намаз, соблюдал и совершал мусульманские обряды. Мой тесть Шарип, страшно напуганный режимом за свою жизнь и жизнь дочери, просил меня изменить своё поведение, но я не мог. Отношения мои с тестем и с женой становились всё напряжённей. Дошло до того, что летом

1939 года неожиданно за мной приехали из районного НКВД и увезли в Узунагач. Дома сделали обыск, забрали Коран, изданный в Казани в XIX веке, книгу, подаренную С. Сейфуллиным, и другую литературу.

Неприятная весть быстро дошла до Джамбула. Акын приехал в Узунагач на своей машине, не заходя в здание НКВД, стал стучать тростью по входной двери, вскоре вышли почти все сотрудники, которые находились в здании. Вышел и начальник. Очевидцы рассказывали мне, что акын ударил его тростью и потребовал, чтобы меня немедленно освободили. Начальник объяснил, что от моей супруги поступило заявление, будто я веду религиозную пропаганду, храню мусульманскую литературу, и он вынужден был меня арестовать. Джамбул попросил показать ему этот донос и здесь же его порвал. Меня освободили, лично в руки акына передали мои книги. Почти все эти книги я сохранил до сих пор.

Я понимал, что Джамбул спас меня от большой беды. Ведь кроме доноса в руках сотрудников НКВД были и мои книги, среди них одна с автографом Сакена Сейфуллина.

Наш брак с Гульжахан стал невозможным.

Джамбул сказал, что в Каргалах живут его близкие друзья, родственники Буйрекбай и Жамиля, и что я буду жить с ними. Вскоре в Каргалах я построил отдельный дом и навсегда связал свою судьбу с этим красивейшим селом.

***

После начала Великой Отечественной войны отношение к религии началось меняться. Государство понимало, что в это сложное время народу не выстоять без поддержки Аллаха. У нас сформировалась группа, человек 250, беззаветно верующих. В группе были в основном жители сёл Каргалы и Майбулак, но немало было представителей других населённых пунктов.

Активистами этой группы были Малсак Накысбекулы, Ыстыбай Кеншимулы, Сулеймен Турсынов, Кожамкул Бейсеуов, аксакалы Аббас, Сыдык, Сембай, Кожамет, Жунус, Жайлау. Этих людей я очень уважал. Они были людьми сильной воли, твёрдых убеждений, в страшные годы репрессий сохранили веру, открыто, не скрывая, выполняли все мусульманские обряды, собирались по пятницам. Мы, наверное, были ближе друг другу, чем родные братья.

Джамбул часто посещал сёла Каргалы и Майбулак, бывал в семьях этих людей, по-отечески относился к ним. Эти простые и добрые люди всегда чувствовали его поддержку.

В Каргалах находилась мечеть, построенная в 1886 году на средства волостного правителя Сата. После революции в здании располагалась школа. Акын, конечно, знал об этой мечети. Мы мечтали вновь там открыть мечеть. В 1943-1944 гг. Сталин ослабил давление на религию. В это время Джамбул поехал в Алма-Ату на приём к Жумабаю Шаяхметову и добился, чтобы мечеть открылась вновь. По его личной рекомендации первым имамом стал я. Это была первая религиозная община, официально зарегистрированная на территории Казахстана. Уже после нас зарегистрировались мечети Алма-Аты и Семипалатинска. На открытии был Джамбул, он часто бывал и в последующем, совершал в ней жума-намаз. Надо открыто сказать: если бы не было Джамбула – не было бы и мечети в Каргалах. В те годы на всей территории Казахстана действовало 7-8 мечетей.

***

Я хорошо помню куда-то тамак, который дал Джамбул перед отправкой сына Алгадая на фронт. Мы его все провожали в Алма-Ату, куда он поехал на своей собственной лошади, чтобы сражаться на фронте в кавалерии Красной Армии.

В годы войны акын тяжело переживал гибель сына Алгадая, многочисленные жертвы с нашей стороны. Тогда он написал, наверное, свои лучшие стихи, посвящённые войне. Но это была лишь видимая сторона из жизни акына, а обратная – он ещё больше ушёл в религию. Много молился, размышлял о жизни и смерти, о вечности. Подолгу рассказывал мне о своём детстве, об отце.

Джамбул, к сожалению, стал чаще хворать. Болезнь обострилась весной 1945 года. В это время он часто мне говорил: «Когда я умру, обряд жаназы соверши ты. Я это сказал Ж. Шаяхметову, С. Муканову, близким родным».

Семнадцатого июня тяжелобольного Джамбула увезли в Алма-Ату в больницу. 22 июня 1945 г. он скончался. Эту тяжёлую весть мне лично передал водитель Джамбула – Нагашибек.

23-24 июня с акыном прощались в Алма-Ате, в театре оперы и балета.

24 июня, после обеда, тело Джамбула привезли в аул.

В тот же день вечером Сабит Муканов сказал мне: «Абеке, мы оба знаем, что Джамбул завещал Вам совершить обряд жаназы. Выполните последнюю волю акына. Об этом знает Шаяхметов».

Во всём мне помогал известный религиозный деятель из Алма-Аты Шарип-ходжа. Я присутствовал, когда обмывали тело акына сородичи.

Двадцать пятого июня в старом доме Джамбула я тайно совершил обряд жаназы. При этом присутствовали Сабит Муканов, Калкаман Абдыкадыров, Гали Орманов, близкие родственники.

После похорон Коран на могиле акына первым прочитал Шарип-ходжа, я был вторым.

Тысячи людей провожали в последний путь акына, мы все прекрасно понимали, что хороним гордость и славу Казахстана.

Четверть века прошла после кончины Джамбула, но боль до сих пор у меня не улеглась.

Я тогда прекрасно понимал, что в моей жизни начался новый этап. Мой ангел-хранитель ушёл, а я остался со своими проблемами один.

Я молил Аллаха, чтобы он мне помог.

Июль 1972 года.

Село Каргалы

Джамбулского района.

Публикация Исмаилжана ИМИНОВА.

Геннадий ЛЫСЕНКО

Спелой рябины вкус

Рассказ

Несмотря на свои семнадцать неполных лет, Виталий Карасёв был хорошо физически сложен и со спины походил на рослого молодого мужчину. Широкие плечи, мощный торс, пружинистая походка выдавали в нём неплохого атлета. Однако румяное, с пухлыми щеками лицо говорило о том, что это ещё вчерашний подросток, только-только вставший на порог своей юности. К тому же он был крайне застенчив и при малейшей возможности пытался спрятать от окружающих голубые глаза, напоминавшие весенние подснежники. Его голову украшали кучерявые есенинские волосы, и не одна девчонка мечтала зарыться в них лицом. Но ему нужна была только Алёна, Алёна Виноградова, девчонка с соседней улицы, из параллельного класса.

Она не была красавицей, но при виде её стройной изящной фигурки не у одного Виталия замирало сердце. Когда девушка весело шла по просторным улицам Вознесенки, то казалось, что вместе с нею по дороге идёт само весёлое настроение. Всё вокруг смеялось и пело в такт подпрыгивающим, прикрытым тканью грудям и огненным волосам. Её талия была так тонка и изящна, что, казалось, её можно перехватить рукой. На полудетских пухлых губках всегда присутствовала лёгкая усмешка. И как Виталию было не мечтать о любви, когда он находился в таком возрасте, когда душу мучили вечные необузданные желания, а в груди жило ожидание. Ожидание чего-то большого, непознанного. И мечты, мечты, мечты...

Молодёжь никогда не торопилась расходиться из клуба после окончания вечернего киносеанса. Устраивались всевозможные игры и гуляния на улице, и уже многие ровесники Виталия обзавелись подругами. Девчата, разговаривая меж собой, с упоением произносили слово «мой». «А мой вчера...» и т.д. Алёна пока ни с кем не была в паре, хотя некоторые парни время от времени провожали её до высоких тесовых ворот. Таких ворот в их селе больше не было ни у кого. Их поставил Степан Кондратьевич, отец девушки, работавший в городе и занимавший какой-то значимый пост в финансовых кругах. Это был очень важный, даже спесивый субъект. Люди его не любили. Дочь тоже была гордичкой, но, в отличие от отца, пользовалась всеобщей любовью. А уж о Виталии и говорить нечего. Он души в ней не чаял.

Часто стоял парень у ворот Алёниного дома, наблюдая за окнами. За изгородью буйно цвела рябина, а поздно осенью её спелые гроздья свисали на эту сторону забора. Он в мыслях представлял, как они однажды с Алёной будут срывать их и есть. И эти гроздья представлялись Виталию самыми сочными и сладкими.

Так потихоньку и закончился последний год учёбы в школе. На выпускном Алёна сама подошла к парню и увела его к себе домой. Так он первый раз в жизни оказался по ту сторону высоких тесовых ворот. Остаток ночи влюблённые провели в домике для гостей, оказывается, бывают и такие сооружения во дворах состоятельных людей. Карасёв стал мечтать о совместной с девушкой жизни. Она поддерживала разговор, но как-то вяло. Однако жизнь всё расставила по местам. Хотя Алёна и слабо училась в школе, но поступила в институт, а Виталий до призыва в армию пошёл временно работать грузчиком в хозяйственный магазин. Виделись редко. На проводы девушка приехала с подругой на отцовской машине. Весь вечер клялась в вечной и верной любви.

– Да, девочка – сказка, – сказал их бывший одноклассник Борька Седнев. – Зря идёшь в армию, даю слово – она будет моей.

Пять месяцев Виталий получал письма с увереньями в любви, а на шестой они перестали приходить вовсе. Позже мать написала, что Алёна вышла замуж за Бориса.

После демобилизации Виталий, не заезжая домой, укатил на Север. Его мать вскоре переехала жить в другую область, и он больше тридцати лет не был на родине. А прошлым летом скоропостижно скончалась его жена Светлана. С Севером его больше ничего не связывало, и он осенью решил в очередной отпуск съездить в родное село и, если посчастливится, увидеть Алёну, ибо всю жизнь в его душе не угасала любовь к ней.

В автобусе Карасёв всматривался в незнакомые лица, надеясь увидеть тех, с кем раньше встречался, но в салоне были одни незнакомцы. Село изменилось неузнаваемо. Всё было по-другому, и даже школьная котельная хоть и осталась прежняя, но выглядела совсем иначе. На участке Виноградовых высился новый кирпичный дом. Гроздя спелой горькой рябины так же, как и много-много лет назад, свисали из-за изгороди.

И вот Виталий стоит перед подворьем со знакомыми тесовыми воротами. Теперь они были распахнуты настежь. Из глубины доносилось гусиное гоготание. Кто здесь живёт, прежние хозяева или новосёлы? Несмотря на раннюю осень, по двору ходила какая-то старушка в телогрейке и шерстяных брюках. «Значит, дом обитаем», – подумал Виталий.

– Здравствуйте, хозяйюшка, пустите в дом? – спросил он, не снимая очков с затемнёнными стёклами.

– Отчего ж не пустить хорошего человека, – ответила она прокурренным голосом, – сядешь за стол – гостем будешь, поставишь бутылочку – хозяином будешь.

Торопиться было некуда и Карасёв достал из портфеля бутылку коньяка. Быстро спустившись в подпол, хозяйка достала солёные огурцы, торопливо порезала их на стол и стала деловито разливать коричневую жидкость по гранёным стаканам. И только когда выпила первую порцию, немного утомилась.

– Ну, со свиданьем, зачем пожаловали?
– А где Степан Кондратьевич?
– Нету его, ушёл.
– И далеко?
– Куда ушёл – оттуда ещё никто не вернулся, – сказала она как-то не жалеючи. – Всю жизнь мне угробил...

Сказав это, она будто спохватилась:

– А вам зачем, кто вы такой?

«Боже мой, это ж она, Алёна», – резанула, как ножом по сердцу, догадка. Тёмные очки надёжно скрывали изменившееся за тридцать лет лицо Виталия, а по голосу она не могла узнать, потому что после того как три года назад простыл, провалившись в прорубь, голос его стал как у артиста Василия Ливанова, некогда сыгравшего Шерлока Холмса.

– Да работали когда-то вместе, – схитрил Виталий. – Можно я вас на фоне домика сфотографирую? – попросил он, сам не зная зачем. – А давно умер?

– Дак пару годков назад он моего Бориску пристрелил и себя заодно... А снимать снимай, если за деньги, я могу и голой, – хохотнула она. – Сейчас только причешусь, – и засемила в дом.

Воспользовавшись паузой, Виталий достал из портфеля листок бумаги и написал: «Вот мы и встретились, Алёна, – потом подумав, добавил: – Только не пей. Виталик».

Достав из внутреннего кармана пачку денег, он положил несколько банкнот под записку и решительно пошёл на улицу.

Всё так же, хотя по-осеннему, но ещё ярко светило солнце, пели птицы, но на душе у него было пасмурно и тоскливо, будто только что умер близкий ему человек.

г. Новосибирск.

Нарбинь КЕНЖЕГУЛОВА

Затерянный аул

Научно-фантастическая повесть

Глава I

Странное утро

Вот уже четвёртый месяц, как в своих воспоминаниях, тревожных и необычных, я возвращаюсь к тому утру. Оно началось обычно, ничем не примечательное, как и все рядовые утра сельского ветеринара. Как всегда, я торопился на ферму. Но прежде меня разбудили грохот и гул, сильнее, чем обычные в наших местах, к которым мы так и не смогли привыкнуть, хотя сызмальства были знакомы с ними. С сожалением встав с тёплой постели и с некоторой завистью посмотрев на свою супругу – улыбающуюся во сне Салиму, я прошлёпал босыми ногами по прохладному полу, чтобы взглянуть на циферблат висящих на противоположной стене часов. Проклятая близорукость! Носить очки я стеснялся, а глаза год от года видели всё хуже. На улице уже заметно посветлело. Закричал петух, затем другой, а за ними заголосили петухи всего аула. «Надо ехать», – подумал я с решимостью и на цыпочках, чтобы не разбудить спящих детей – шестилетнего Заура и двухлетнюю Зауре, вышел во двор.

Было тихо. Спросонья чирикнул и умолк в листве тополя, растущего перед домом, возле колодца, воробышек, со стороны речки потянуло лёгким ветерком. На востоке, на краю горизонта, заалела бледно-розовая полоска. Летняя ночь коротка, а в степи утро занимается особенно быстро и споро. А розовая полоска – это верный предвестник зари.

Вывел из гаража трёхместный мотоцикл «Урал» и, выкатив его на пыльную дорогу, резким движением ноги нажал на стартер. Постоянно барахливший мотор почему-то сегодня завёлся с первого раза. Быстро вскочив в седло, громко тарахтя, понёсся по сонным улочкам родного, до мелочей знакомого мне родного аула. Шлем я не надевал, и встречная прохлада целыми охапками порывистого ветра трепала мои немного отросшие волосы, студила разомлевшее ото сна тело. Хотел было притормозить на окраине аула, немного согреться, сделав зарядку, но упрямая мысль заставила ехать без остановок: «Доедешь до места и согреешься».

По обеим сторонам дороги оставалась стерня, пшеницу тут уже убрали и землю вспахали под озимые. А вот и поздние сорта пшеницы, их у нас убирают глубокой осенью. Нынче она вымахала выше пояса. Во многих местах уже почти созрела, и прямые сухие колосья упруго качались, бережно неся в своих головках крупные зёрна. Ничего особенного с этой пшеницей у нас не делали, уход, как и прежде, но поля обещали дать богатый урожай, что заставляло нашего агронома гордо пыжиться и делать вид, что сам чёрт ему не брат. Из-за высокой пшеницы мне, сидящему в седле мотоцикла, ничего не было видно вдаль, но, мельком бросив взгляд на запад, я заметил что-то странное на горизонте, чему в тот момент не придавал особого значения. На западе, прямо у самой земли висела иссиня-чёрная туча, так похожая на горбатую гору. И я подумал: «Наверное, ливневая...», – но тут же забыл о ней, так как уже заворачивал с асфальта на грунтовую дорогу, ведущую к ферме.

У фермы меня встретила маленькая белоградная собачка нашего сторожа и скотника Жоламана. Она по обыкновению немного потявкала, а затем завиляла хвостом. И меня сильно удивило, что хвост у ней был розовый, облезлый, безволосый, «Не забыть бы её осмотреть», – подумал я. Все коровы стояли в летнем загоне – обнесённом толстыми брёвнами участке, и только четверо отдельно от них – поодаль, под навесом. Под него я скотников просил ставить больных и подозреваемых в болезни животных. Но эти четверо не были больными, в полном смысле этого слова, они сильно запоздали с отёлом. И вот теперь интуиция подсказывала мне, что долгожданный отёл случится нынче, в это утро.

Вначале я как молодой ветеринар всего лишь с двухлетним стажем сильно беспокоился и даже позвонил в столицу своему наставнику профессору Акшалову Досану. Тот тогда немного помолчал, тяжело дыша в трубку, а затем спросил: «Что же говорят старожилы?». Я ответил: «Аксакалы недоумевают». Тогда он сказал: «В ваших местах можно ожидать любую непредсказуемую аномалию». Потом через три дня он позвонил мне сам и сказал каким-то странным голосом: «Мурат, советую тебе завести дневник и записывать всё, что встретишь на практике и, вообще, всё, что будет происходить в вашем ауле. Записывай всё до мелочей...». Я так и сделал, но вёл дневник нерегулярно. И в последнее время за проклятой текучкой вообще забыл о дневнике. И вот вчера вечером, осматривая тех коров, которые вынашивали своих телят такой же срок, как верблюдицы – верблюжат, я почувствовал вину перед своим учителем и всей ветеринарной наукой. Вспомнив слова своего наставника: «Медицина лечит человечество, а ветеринария – кормит человечество», – дал себе слово вновь взяться за дневник.

Когда я с этими мыслями направлялся к навесу, ко мне присоединился скотник Жоламан, кивнув в ответ на приветствие, он заскоружными тёмными пальцами стал сворачивать самокрутку из пожелтевшего от времени обрывка газеты. Почему-то он делал самокрутки только из газет, и притом только старых. Новые он оставлял в сторону, говоря: «Пусть дух из них улетучится». Видимо, он имел в виду типографскую краску. Махорка у него была крепкая, едкая. И такой некурящий человек, как я, просто задыхался рядом с ним.

– Вон Пеструшка отелилась, я принял, – сказал он бесстрастным голосом, затягиваясь. И на его дублёном резкими степными ветрами лице не промелькнуло ни одной искорки чувств.

– Ну и как? – поинтересовался я, напрасно ожидая ответа на свой вопрос. Между тем мы вплотную подошли к коровам. Краешком глаза я всё-таки заметил, что скотник чем-то удручён. Он слегка пожал плечами, чего за ним никогда не водилось. Пеструшка, рыжая с белым, стоявшая с краю, дрожала мелкой, странной дрожью. Рядом, на соломе, копошились телята. Вначале мне показалось, что их очень много, но, подойдя ближе и приглядевшись, я вздрогнул. Телёнок порывался подняться и встать на тонкие ножки, но головы – их было целых три, тянули его тощее тело к земле, покачиваясь на тонких длинных шеях, точь-в-точь как цветочки на длинных стебельках. Каждая из голов тянула в свою сторону, и мне вспомнился трёхголовый змей из сказок...

– Айдахаром отелилась Пеструшка, – хмыкнул Жоламан, дымя самокруткой, и в голосе его было сомнение, неверие тому, что случилось, на его морщинистом лице и в раскосых глазах было безмерно детское удивление и в то же время какая-то брезгливость. Простые люди не любят и опасаются всяких отклонений от нормы. Теперь же он с какой-то иронией смотрел на меня, будто посмеиваясь и говоря: «Ну как, ветеринар, ты отнесёшься к этому чуду-юду?». А я, холодея от нахлынувших мыслей, сел возле Пеструшки на перевёрнутое ведро.

– Вон и Марта, бедняжка, мается! – эти слова Жоламана вернули меня к действительности. И я, встав с ведра, побрёл ко второй корове, чтобы облегчить

её страдания. Но Марта, молодая рыжая белоголовая первотёлка, будто ожидавшая нашего участия, поднатужилась, и тут же появилась крупная голова телёнка. «Бычок», – определил я. Ещё одна потуга, и телёнок вывалился на солому. Он стал тут же сучить ножками, пытаясь подняться. Желая ему помочь, подвести к корове, чтобы та, обливав своё потомство, успокоилась, я заметил, что и этот – с изъёмом. Всё брюхо у него было безволосое, но это ещё полбеды, оно было прозрачное. И сквозь эту странную «кожу» просвечивали все внутренности. И я вспомнил соседку Айжан, покончившуюся с собой после родов. Родила она, оказывается, по рассказам старушек, страшную двойню. Рожала дома, опасаясь идти в роддом, где её не погладили бы по головке, ведь в наших краях медики вот уже как несколько лет ввели запрет на рождаемость, а недавно, оказывается, его узаконила Всемирная конференция медиков, прошедшая в столице. Но, как говорит Жоламан, «бабы есть бабы», им разве запретить рожать, как нельзя запретить расцветать цветам, расти траве, течь ручьям?.. И стали в нашем ауле все рожать тайком, дома. Тем более, что среди детей было много уродов. Их никому не показывали, стыдясь, растили тайком, ведь родную кровь не выкинешь, а убить его – рука не поднимется. И сколько горя затаилось в глазах таких женщин, что больно смотреть было на них. Многие не понимали, в чём дело, считали, что сами виноваты, ведь не все знали, что народ нашего аула, а может быть, и всей округи, обречён. И я, как ветеринар, как человек, сведущий в биологии, знал об этом, но не мог уехать в другое место, не мог покинуть, подобно всем моим аульчанам, родных насиженных мест, где ступали ноги наших дедов и отцов, где покоился прах предков. Часто со страхом, с замиранием сердца я наблюдал за своими собственными детьми, боясь обнаружить в их облике, поведении нечто такое, что было бы чуждым, противоестественным и не укладывающимся в обычные рамки...

... Третья чёрная корова по кличке Фиалка лежала на боку и часто мотала головой. Я ввёл в яремную вену стимулятор, а затем, на всякий случай, и антибиотика, но всё это не помогало, она издыхала, и я ничем не мог помочь ей. А ведь она не первотёлка, это был её четвёртый отёл...

Только четвёртая, светло-серая Белка, чувствовала себя относительно лучше и, тупо уставившись в бревенчатую стену напротив, жевала корм, никак не реагируя на наше присутствие. Она находилась в каком-то странном оцепенении. Но, прослушав её сердце, я тут же изменил первоначальный предполагаемый диагноз. Дела у неё были плохи. И температура была высокой, настолько высокой, что навряд ли сможет выжить. Отелиться-то Белка всё-таки отелилась, но, правда, слепым, безглазым телёнком, который так и не смог подняться на ноги, да и сама корова издыхала в ужасных муках и страданиях. В то утро я замучился, как никогда в жизни. Было жалко бедных животных, но ещё больше – людей, самого себя. Чем же мы провинились перед судьбой? Наша Родина тут, и на неё пал роковой выбор безжалостных и страшных сил, которые породили эту бесконечную цепь страданий и мучений. Неужели для спасения целого мира от атомного пекла должны мы нести на себе крест страданий, и нашими жизнями искупятся все грехи человечества?!

К половине шестого весёлый балагур, шофёр Арсен, привёз доярок, и те начали утреннюю дойку. Только телятница Камиля, присматривающая за коровами под навесом, со слезами на глазах убирала за ними. Её несколько не поразило вид «аномальных телят», девушка будто ожидала увидеть такое.

У меня сильно разболелась голова. Страшно невыносимая боль жжала её как бы обручем, и я с удовольствием подставил её под струю холодного душа, радуясь, что уговорил начальство соорудить для доярок и скотников эту санитарную комнату. В половине восьмого утра я выехал с фермы. Надо было успеть позавтракать и попасть к девяти на планёрку в конторе.

На развилке, где дорога от фермы соединяется с широкой асфальтовой, идущей от районного центра, я остановил мотоцикл и долго смотрел на запад, где ещё более буйно, чем раньше, клубились чёрные тучи. Предчувствие какой-то неминуемой беды сжало мою грудь. Там именно находился тот самый дьявол, то чудовище, которое днём и ночью стояло страшной, грозной тенью над нами, отравляя всё наше существование. Даже грудные дети начинали плакать при его грохоте и рычании. Иногда нам казалось, что мы уже привыкли к его беснованиям, но всё беды, которые он начал творить в последнее время, вызывали у нас гнев, который становился всё более и более сильным, превращаясь в неукротимую ненависть, похожую на изнурительную и неизлечимую болезнь.

Самым ужасным здесь было то, что народ был одурочен настолько, что отцы наши гордились тем, что на их земле совершенствуется оружие обороны и что они тоже, якобы, причастны к большому делу...

Затем, увидев все последствия проделок «бесноватого» дьявола, они стали побаиваться его, а когда между ними, живущими в этих краях, и другими, проживающими далеко, встал запрет, в душах людей стал нарастать гнев огромной силы, который, я уверен в этом, перерастёт в нечто безликое, страшное, неотвратимое, станет одной из ипостасей народной мести и возмездия. И такая диалектика вполне естественна, разве можно прощать кому бы то ни было, пусть даже самому богу, вырождение поколений, когда твой ребёнок рождается не способным существовать в этом прекрасном мире, разве можно прощать за то, что ты не можешь ступить по той земле, где была пролита кровь твоих прадедов, защищавших её, где покоится их священный прах. И эта земля, ежедневно, ежедневно подвергавшаяся осквернению, так близка и недоступна? Отец мой, умирая в прошлом году от рака пищевода, мечтал испить воды из родника своего детства Молдир-Булака, рождающегося в самом сердце гор Дегелена. Он, бедняга, до последнего вдоха надеялся, что вода из того родника исцелила бы его... И мне, единственному сыну, который обязан беспрекословно выполнять волю родителей, легче было привезти воду из Миссисипи или Темзы, чем из Молдир-Булака... Старожилы уверяют, что сам Дегелен оседает из года в год, разрушаясь и превращаясь в прах. Какие уж там родники... Даже возле нашего аула после очередного взрыва бесследно исчезают родники и водоёмы, а в километрах пяти от нас, в суглиннике появилось страшное чёрное озеро, которое народ называет «озером смерти», «мёртвым озером». Трое детей, по неведению искупавшись в нём, когда оно только появилось, умерли ужасной смертью в невероятных муках. В течение одного дня у них у всех выпали волосы, тела покрылись ужасными гнойными язвами, всё время их мучила смертельная жажда. Прожили они после того рокового купания всего три дня, но это была трагическая отсрочка. Один из мальчиков, Есим, был сыном моего близкого друга Даукена, жена его от горя всего на несколько месяцев пережила своего единственного сына, а у друга голова посела на одну ночь.

Некоторые уехали подальше от родных мест, но многие не захотели бросать могилы предков. Все надеялись, что наше народное государство наконец вспомнит о заложниках оружия обороны для страны, позаботится о дальнейшем улучшении их жизни...

Солнце, цепляясь своими золотыми лучами за края белых перистых облаков, поднялось на изрядную высоту над горизонтом, теперь же оно согревало своим благодатным теплом всё окружающее. И я решил по дороге утолить жажду из артезианской скважины, находившейся недалеко от дороги, и заодно намочить всё ещё ноющую голову. Тут я вспомнил, что на ферме все без исключения – и доярки, и скотники, и водители – жаловались на головную боль. Странно всё это...

Как-то к нам приехали молодые мелиораторы из области, они бурили во многих местах, желая, по их словам, определить запасы подземных вод. Видимо, они толком так ничего и не определили, но эту скважину, день и ночь хлещущую холодной и прозрачной водой, так и оставили посреди степи, как памятник мелиораторскому труду. Теперь вода из самых глубоких недр земли била фонтаном и щедро разливалась по степи, образуя озёра, которые постепенно превращались в болото. Правда, местные мелиораторы пытались было поливать этой водой окрестные поля, но вскоре отказались от этой затеи, и единственным предназначением скважины осталось утоление жажды проезжающими путниками.

Остановив мотоцикл и оставив его на обочине дороги, я прошёл мимо старой камеры, лежащей неподалёку от скважины, и пустых бутылок, поставленных в ряд. Некоторые проезжающие имели обыкновение делать тут привал и распивать спиртное. Я подошёл ближе к струе, бьющей отвесно вверх. То ли мне показалось, то ли на самом деле было так, но она была вдвое выше прежнего, и даже вода была не такая чистая и прозрачная, как прежде. Приглядевшись повнимательнее, я обнаружил, что действительно время от времени струя обрета-ла ржавый оттенок. Меня всего передёрнуло: вода становилась похожей на кровь. Стало неприятно, и я понял, что пить такую воду больше не решусь. Обозревая окрестность вокруг скважины, я ужаснулся – в трёх метрах с северной её стороны лежало невиданное омерзительное существо. Это нечто или некто напоминало огромного питона, только было каким-то белёсым, бесцветным. Свернувшись тугими кольцами, чудовище издавало тихое шипение и ритмично покачивало ужасной безглазой головой с тремя красными, странно пульсирующими рогами, а из круглой пасти свешивались белые шевелящиеся полоски не то языка, не то вентурностей, одним словом, чего-то неведомого.

Вначале остановившийся было как вкопанный, опомнившись, я попятился и тут же заметил, что скважину – с той стороны, где лежало это чудовище, – неровным полукругом окольцовывает зазубренная трещина. «Видимо, этот гад выполз из неё», – мелькнуло у меня в голове. Находясь под сильным впечатлени-ем от увиденного, я не заметил, как почти вплотную к скважине подкатила лег-ковая машина Амира – учителя географии из нашего аула. Злые языки болтали, что со своими домочадцами он в течение десяти лет сидел на воде и хлебе, чтобы приобрести автомобиль. Это вполне можно было допустить, ведь зарплата учи-телей у нас не так уж высока, чтобы покупать что-либо существенное, но на самом Амуре это вынужденное голодание вряд ли сказалось. Лицо его лоснилось и блестело, как и круглые стёкла очков в светлой металлической оправе; за стёк-лами очков на тебя оценивающе смотрели узкие острые глазёнки; короткие ноги, комично семена, несли, нет, катили его круглое тельце с круглым брюшком. Всем своим видом он являл собой олицетворение благополучия и процветания. Амир, важно кивнув мне головой, прошагал к скважине, за ним, щебеча, чинно следо-вали его пять-шесть отпрысков, и замыкала шествие измождённая тощая суп-руга с цветастым платочком на голове, концы которого были завязаны на за-тылке. Тёмное истощённое лицо, глубоко ввалившиеся глаза, неизменно тёмные круги под глазами, безмолвная, кроткая и молчаливая. Она преподавала в шко-ле литературу, но была такой забитой и безвольной, что вызывала к себе лишь жалость и сострадание.

– Как дела, Мурат, что-то неважно ты сегодня выглядишь? – обратился ко мне Амир как всегда нарочито небрежно, и подал знак семейству. Те с благо-словения родителя ринулись к воде. Но тут раздался такой пронзительный крик,

что я и сам не заметил, как невольно присел возле мотоцикла. Кричала Умитжан, жена Амира, и я поразился, откуда и как могла эта слабая, хрупкая и покорная женщина издать такой мощный крик. Её маленькое, с кулачок, личико сморщилось ещё больше, с головы сбился платок, обеими руками она держалась за трясущиеся щёки, тонкая фигурка вот-вот переломится надвое. Все детишки застыли с разинутыми ртами, и только самый младшенький заревел во весь голос.

Женщина с ужасом смотрела на чудовище, и все взоры тоже обратились в ту сторону. И оно, будто почувствовав всеобщее внимание, зашевелилось и стало распрямляться. Наконец, его туловище приняло вертикальное положение, и оно, опираясь на кончик хвоста, стало вровень со струёй воды, бьющей вверх, и трёхугольная голова стала покачиваться высоко в небе.

Амир опомнился первым. Схватив в охапку первых под руку подвернувшихся детей, девочку лет семи и мальчика лет четырёх, побежал к машине, а Умитжан, словно загипнотизированная, всё стояла, смотрела на чудовище и кричала. И тут случилось ужасное. Чудовище резко плашмя опало на женщину, будто внезапно переломившийся у основания столб, и накрыло её всем своим туловищем. После того жуткого глухого удара не последовало ни единого звука, только перерубленное неведомой силой, будто перерезанное лучом лазера надвое тело странным образом не стало истекать кровью, не пролилось её даже капельки, а стало тут же чернеть на глазах. Чудовище заодно задело и малыша, самого маленького, который упал возле машины, и тот задёргался в конвульсиях.

Всё это произошло в считанные секунды в лучах обычного осеннего солнечного утра. Кругом безмятежно шелестели хлеба на полях, из земли, как и раньше, вверх устремлялись тугие струи воды, которые тут же дождём осыпались на землю, переливаясь в лучах солнца в разноцветную радугу.

Бедняга Амир, посадив уцелевших детишек в машину и бросив погибших жену и ребёнка, умчался в сторону аула. За ним бросился и я, невольно оглянувшись, увидел, что чудовище протискивает своё белёсое туловище в трещину.

В каком-то угаре я приехал домой. Мне казалось, что всё это – сон, что на самом деле ничего не случилось. В то же время какая-то невыносимая боль не давала мне покоя: «Ты тоже виноват в случившемся, почему не взял себя в руки, не опомнился, не предупредил их о чудовище, тогда бы они были живы...». Я корил себя за то, что растерялся, не собрался. Оставив мотоцикл у ворот, прошёл в беседку в саду и, прямо в сапогах, повалился на деревянную кровать. «А может, всё это мне просто померещилось?». В этой беседке мы обычно отдыхали в послеобеденные часы. Находившаяся в тени яблонь и груш и вся увитая цветами, она располагала к покою и тишине. А кровать, устланная мягкими стёганными одеялами, была широкой, и всё наше небольшое семейство свободно умещалось на ней. Мы любили в этой беседке вслух читать книжки, пить чай и есть виноград, кисти которого свисали совсем близко, в двух шагах от нас.

Мы с Салимой очень любили свой сад, так как каждый кустик, каждый цветочек в нём был посажен нашими руками и взлелеян нами.

– Муратжан, что с тобой? – даже встревоженное, лицо жены было прекрасно, и это я заметил, несмотря на всю свою растерянность.

– Понимаешь, Салима, бред какой-то преследует меня с утра, какая-то мистика... – начал было рассказывать я, но мои слова были прерваны сильным грохотом, земля под ногами заходила ходуном и стала раскачиваться, жуткий гул, исходящий из-под земли, стал затмевать и заволакивать сознание, сильная боль заставила схватиться за головы. «Опять этот проклятый дьявол беснуется», – мелькнуло у меня в голове. Салима опомнилась первой, она опрومتью

бросилась в дом, за ней побежал и я. Наши дети, как и многие другие малыши в округе, во время таких гулов и землетрясений, видимо, испытывали что-то ужасное, а может, чувствовали какие-то волны или звуки, которые не воспринимали мы, взрослые. Пока не прекращались колебания почвы, они непрерывно скулили, да, да, именно скулили, иначе никак не назовёшь тот звук, который они издавали во время взрывов.

«Уеду, уеду куда глаза глядят, хоть на край земли, в тундру, в тайгу, лишь бы не знать этих колебаний, не ощущать дрожи страданий родной земли, не слышать этого детского скулёжа. В такие моменты в глазах детей я видел тупой животный страх, и это бесило меня. Но я знал, что не смогу уехать отсюда. Как же оставить эту землю, где жили мой отец, дед, прадед и все предки до сотого колена, они ещё в незапамятные времена отдавали за неё свою жизнь. И неужели наши руководители так жестоки и, наконец, так неразумны и глупы, что будут долго испытывать наше терпение? Сейчас под землёй взрывают, а раньше, ещё детьми, мы любовались алым заревом поднимающегося над землёй громадного гриба...

Весь наш аул тогда на время увезли в другие края. Нам старыми деньгами дали по 500 рублей, помню, как мать радовалась этой незначительной сумме, покупала отрезы, чай, сахар в магазине чужого аула, на окраине которого тогда мы жили в наспех поставленных, закопчённых и дырявых юртах. Через два месяца вернувшись в свой аул, мы почувствовали нечто чуждое в нём: везде лежала белёсая пыль, похожая на лёгкий пепел; все оставшиеся в живых собаки и кошки облезли, и шерсть на них висела клочьями. Наш пёс Ушар приплёлся к нам в первый же день по возвращении, на нём не было живого места, шерсть его облезла, а на розовой голой коже было много открытых гнойничков. Пожил он всего недели две, мучился сильно, хотя мы его заботливо отпаивали молоком...

Отгнав мрачные воспоминания, которые плотной чередой обступали меня при каждом толчке, мы с Салимой вывели детей из дому в беседку, и они немного успокоились. Прекратились подземный гул и колебания почвы.

Жена принесла чай, горячий куырдак, но завтракать я не мог. Перед глазами маячили то трёхголовый телёнок, то смерть Умитжан, которая всё ещё казалась мне нереальной, и картина вновь до мельчайших подробностей разворачивалась перед моими глазами. Вот её сморщенное личико, узкие дрожачие губы. Вот она лежит, перерубленная надвое. Вот Амир с окаменевшим лицом бежит с детьми к машине – всё это крутилось и крутилось перед моими глазами.

Салима была тоже чем-то встревожена, может быть, она переживала, что я так внезапно занемог. Она сказала, показав на северную часть неба:

– Смотри, Мурат...

В просвете между ветвями яблонь на ярко-голубом фоне неба ворочались какие-то странные тучи. Они уже изрядно приблизились к аулу, от них до самой земли простирались чёрные стены, закрывающие всё на горизонте. Уже на севере не было видно остатков священных Дегеленских гор, только блестящая какая-то глянцевая, как бы атласная, чёрная завеса. Она вроде остановилась, но края её окаймляли весь горизонт уже почти вкруговую с севера и юга.

– Сидите тут, а если что, идите в дом, а я – на планёрку в контору.

– А если что? – не поняла Салима моих слов.

– Ну, если заметите что-нибудь необычное... – бросил я уже на ходу, открывая скрипучую калитку, и тут у меня невольно промелькнула чисто житейская мысль: «Петли бы надо смазать, а то скрип от них ужасный». И мне почему-то стало легче. Отступила тревога, немного оттаял лёд неизвестности, сковывающий моё сердце.

Глава II

Воздушные корни

В конторе все совхозные специалисты были уже в сборе. Каждый сидел на своём обычном месте, как всегда, вокруг стола заседаний в кабинете директора. Только на самом краю ближе к двери сидел участковый Самат с фуражкой в руках. На его по-детски простодушном лице застыло выражение удивления, а чёрные круглые глаза растерянно смотрели то на одного, то на другого. У всех на лице была какая-то озабоченность. Только директор совхоза Кыдыргали, высокий худой мужчина со светлым, аскетично-бесстрастным лицом, был спокоен, как всегда. Его карие, слегка раскосые глаза щурились больше обычного. Багровое круглое лицо главного бухгалтера Сатыбалды, сидевшего по правую руку директора, сегодня отекло пуще прежнего. Белки его чёрных навывкате глаз налились кровью, казалось, его вот-вот хватит апоплексический удар.

После того, как я занял своё место у окна, директор неторопливо обвёл глазами всех присутствующих и тихо заговорил:

– Сегодня по нашему аулу ползут весьма странные слухи...

– Но ведь это – не только слухи! – истеричным голосом перебила директора молодой экономист Загиба, чего за ней никогда не водилось. Перебивать старшего, тем более директора, у нас считалось верхом неприличия. Но Загиба, нисколько не смутившаяся, вопросительно смотрела на нас, её веснушчатое лицо зарделось, а большие, чуть раскосые карие глаза возбуждённо сверкали. И тут я вспомнил, что она живёт по соседству с учителем географии Амиром.

– С утра нет связи ни с районом, ни с соседним совхозом, а с областью – и подавно. Только вот радики работают, да и то с перебоями, – сообщил Шакир, секретарь комсомольской организации.

– Успокойтесь, товарищи, возможно, всё это – временные явления, – директор старался говорить как можно убедительнее, но ноздри его тонкого носа трепетали, выдавая его душевное смятение и волнение. – Очевидец событий у скважины – Мурат, он, может быть, расскажет нам, что там произошло.

Все присутствующие уставились на меня. И тут вдруг такая страшная неимоверная усталость обуяла всё моё существо, что откуда-то вновь нахлынула боль утраты чего-то дорогого, но чего же? Может, душевного покоя? Стараясь унять эту боль, я стиснул голову руками и просидел в таком состоянии невесть сколько времени, пока не успокоился. Все терпеливо ждали, пока я приду в себя. И только когда Шакир, тронув меня за плечо, предложил мне стакан воды, я окончательно пришёл в себя. Я сам удивился своей мимолётной слабости, со мной никогда такого не бывало. И начал я рассказывать обо всём по порядку, только почему-то умолчал о странной чёрной туче, окружавшей горизонт со всех сторон, хотя мысль о ней всё время вертелась у меня в голове.

После моего рассказа все, потрясённые, притихли. Тишину нарушил директор, обратившийся к участковому Самату:

– Самат, тебе придётся поехать туда, оцепить скважину колючей проволокой, а может, залить ту трещину бетоном, с собой возьми трёх рабочих из стройбригады.

– Я тоже поеду, – встал с места главный инженер совхоза Кайсар, плотный и крепкий мужчина с жёсткими, торчащими вверх, подстриженными под «ёжик» волосами. Он славился среди аульчан настойчивостью и непримиримостью характера. Директор не возражал против его поездки. Самат с Кайсаром уехали за рабочими, а мы все снова удручённо замолкли.

Паузу тишины нарушила зам. главного бухгалтера Адия-апай:

– Всё так странно...

Но директор нетерпеливо перебил её, чего с ним раньше никогда не бывало:

– Странно – не то слово, наверняка, мы и сами не понимаем, что же случилось на самом деле, вполне возможно, что наше положение критическое. Наверяд ли кто из нас в состоянии объяснить всё происходящее. Всякая связь с внешним миром прервана, даже радио молчит. Признайтесь, почти у всех сейчас головные боли, а то, что произошло у скважины – это просто бред, фантастика. Кто ещё хочет сказать?

Тут дверь директорского кабинета распахнулась настежь, и в кабинет влетела секретарша Роза:

– Теперь отказали все рации! – выпалила она, остановившись в дверях.

– Ну что ж, нам остаётся только ждать, – заключил директор после её слов.

Я всем своим существом, наверное, как и все, почувствовал надвигающуюся опасность, но откуда она придёт и можно ли её избежать, не мог себе ясно представить...

– Подождём, посмотрим, – повторил парторг Карим, полный седеющий мужчина лет пятидесяти, он был новичком в нашем ауле, только месяц назад получил назначение в наш совхоз.

– Может, Самат с Кайсаром принесут нам какую-нибудь весть, – счёл нужным вставить слово главбух Сатыбалды.

Его слова были настолько неуместны, что мы все удивлённо посмотрели на него.

– А как же семьи? – нерешительно спросила Загипа. Видимо, молодой экономист боялась за свою полуторогодовалую дочь, которая осталась под прищотом 85-летней свекрови.

– Телефон же пока работает, звоните, узнавайте, как там у вас дома, – сказал директор, и Загипа убежала в соседний кабинет.

Все снова замолчали. Я повернулся к окну и, будто ненароком, бросил взгляд в сторону своего дома, который хорошо просматривался отсюда. Вроде всё было спокойно. Вон Салима вышла, чтобы развесить во дворе детское бельё. Затем, привычным жестом пригладив волосы, вошла на веранду, «Ну, а с мамой что?» – подумал я и направился было к двери, чтобы из соседнего кабинета позвонить домой к брату, у которого жила мама, как в дверь влетела донельзя взлохмаченная Загипа. Она всегда сооружала витиеватые причёски из своих длинных волос, они выбились и теперь висели вдоль её лица длинными неаккуратными прядями. Лицо её было бледным, а и без того большие глаза буквально расширились от ужаса. «Крысы, крысы!», – прокричала она и, хлопнув дверью, выбежала из кабинета. Послышался стук входной двери и, выглянув в окно, мы увидели, что бежит она по направлению к своему дому, на другую окраину аула.

Все молчали, растерянные. И тут я невольно взял инициативу в свои руки:

– Шакир, позвони, пожалуйста, домой Загипе, может, что случилось, и требуется наша помощь?

Шакир был намного моложе меня, он повиновался без слов. Трубку, видимо, взяла золовка Загипы Асель, выпускница прошлого года. Не поступив в институт, она временно работала в детском саду нянечкой и сегодня была дома.

– Крысы, говоришь, громадные, с собаку?! – кричал в трубку Шакир, затем обречённо снова стал набирать номер, видимо, прервалась связь. И мы послали вдогонку Загипе Шакира, так как муж молодой экономистки совхозный механик Ахмет уехал в командировку в областной центр, и дома не было мужчин.

Хотя уже был десятый час утра, никто из жителей села не шёл в контору с просьбами, что случалось каждый день, и это было тоже странно.

Вдруг на столе директора заверещал телефон.

– Алло, алло, это ты, Фатима? – закричал он в трубку. – Что случилось? Корни? Какие корни? Дети где? Ну что ты смотришь? Убегай! Я сейчас! – бросил он на ходу, и через минуту мы увидели его бегущим к машине, но, видимо, его шофёр куда-то отлучился, и директор, от досады махнув рукой, побежал к мосту: дом его был за речкой.

– Знаете что, – сказал Сатыбалды, – видимо, всем нам надо спешить к своим родным и близким. Нападают-то вроде с тыла, – попытался он шутить, но никто не стал реагировать на его натянутую шутку.

– Здесь тоже должен кто-то оставаться, – пытался я урезонить загалдевших специалистов и работников конторы, но Адия-апай прервала меня:

– Мурат, ты живёшь ближе всех к конторе, как наведишь своих, быстрее сюда возвращайся, а мы пойдём по домам.

– Придётся, – согласился я, и отпустил всех. Посмотрев в окно и увидев, как каждый из них спешит домой, я вернулся к столу и тут подумал: «А ведь будет лучше, если Салима с детьми придут сюда. И мне спокойней, в то же время буду постоянно поддерживать со всеми связь, и жена с детьми будут в безопасности».

Набрав свой домашний номер, я объяснил жене всю ситуацию, вначале она не соглашалась, но я уговорил её. И успокоился только тогда, когда она и дети перешагнули порог конторы. Тут снова нас качнуло, я чуть не полетел со стула. Сидящий на ковре директорского кабинета Заур упал на спину от неожиданности и громко засмеялся. И я почему-то опять подумал, что тут гораздо надёжней, чем дома. Салима тщетно пыталась дозвониться до брата. Из окон директорского кабинета обзор был почти круговым, но никто с утра, кроме работников конторы, не прошёл по этой дороге, на улице не было видно ни собак, ни кошек... Контора стояла на пригорке, и это тоже меня вполне устраивало. Но для того, чтобы Салима и дети находились тут, необходим был запас пищи, вода же поступала по водопроводу. Продукты я решил принести из дома.

Салима подошла ко мне сзади и обняла за плечи:

– Мурат, почему ты нас позвал сюда и где остальные ваши работники?

Я ей рассказал обо всём. Дети стали играть в прятки под директорским столом заседаний, а я рассказывал своей жёнушке обо всём, что слышал и видел с утра. И я невольно восхитился трезвостью её ума: она ничуть не удивилась и не растерялась, услышав обо всём этом. Только сказала то, о чём я и сам думал:

– Мурат, у нас же вовсе нет продуктов...

– Не беспокойся, я принесу всё, что нужно: и продукты, и отцовское охотничье ружьё.

Салима молча согласилась со мной, она тоже понимала, что иметь оружие в данный момент под рукой просто необходимо.

А на улице тем временем всё ещё не было ни души. Взглянув на часы, я увидел, что они остановились. Тщетно Салима пыталась их завести, мои наручные часы и часики Салимы тоже не работали. Открыв раму, я высунул голову, но, тут же инстинктивно отпрянув, быстро захлопнул окно. То ли мне показалось, то ли это было на самом деле, по моему лицу на какое-то мгновение скользнуло что-то липкое, не то мягкие и тёплые щупальца, не то мокрая паутинка, одним словом, нечто вроде корней. И всё же я успел увидеть, что весь западный горизонт, как северный и южный, – в чёрном кольце глянцевых туч, которые тёмной, такой же блестящей завесой спускаются прямо до земли. А солнце, поднимавшееся всё выше и выше с востока, стояло над такой же чёрной стеной и казалось нереальным.

Тут я увидел подъезжающий к конторе УАЗик главного инженера. За рулём сидел сам Кайсар, рядом с ним был Самат. Они вышли из машины и я понял, что они чем-то сильно потрясены. Одежда на Кайсаре была изорвана и висела клочьями, а лицо Самата было залито кровью. Оставив машину у ворот, они через весь двор побрели в сторону конторы. Но тут произошло нечто очень странное. Самат исчез, будто растворился на глазах. Мы с Салимой были очевидцами этого непонятного явления. Вскрикнув, Кайсар с опаской протянул руку в ту сторону, где исчез Самат, а потом, чего-то испугавшись, упал ничком и пополз в нашу сторону. Я побежал открывать ему дверь и на какой-то миг ощутил на лице те же невидимые корни-щупальца.

Усадив его в кресло, дал ему воды, и Салима, осмотрев странные рваные раны на его теле, побежала в приёмную в поисках аптечки первой помощи.

Заур и Зауре во все глаза смотрели на раненого Кайсара, и мой сын, шепелявя, спросил:

– Папа, дядя Касал на войне побывал?

– Нет, он просто упал, – попытался я объяснить, но мой мальчик с сомнением покачал головой, казалось, даже дети чувствовали необычность происходящего.

– Всё это ужасно и необъяснимо, – начал было рассказывать взволнованный Кайсар о случившемся, но я его успокоил, сказав, что выслушаем потом. Но инженер не унимался, отдышавшись, он стал рассказывать.

До скважины они добрались без особых приключений. Повезли с собой песок, цемент, намереваясь заделать ту трещину. Но где уж там... Того чудовища там не было, но какие-то неведомые громадные твари, не то муравьи, не то бескрылые осы напали на них, и, видимо, если их укус приходился на голову или в область шеи, то становился смертельным для человека. Все трое рабочих из строительной бригады стали их жертвами. Кайсару и Самату еле удалось отбиться от этих тварей...

– Хорошо, что я успел прихватить ломик из машины, не то и нам бы конец, – рассказывал Кайсар.

Тут зазвонил телефон – это Кыдыргали сообщал, что благополучно добрался до дома, но им во дворе досаждали какие-то невидимые корни-паутины. И, вообще, если судить по его словам, всюду творится что-то необъяснимое, вдали бегают какие-то неведомые чудовища, поэтому они, люди, сидят взаперти и выжидают. Мы, в свою очередь, рассказали ему о пережитом. Всё происходящее было, несомненно, странным и непонятным явлением. Появление откуда-то этих не то паутинок, не то корней, чудовища у скважины, смерть Умитжан, вдобавок ко всему прибавилось и исчезновение на ровном месте Самата. Мы с Кайсаром вышли на улицу и попытались выяснить издали, куда он исчез, но всё безрезультатно. Камни, которые мы бросали в то место, так же бесследно исчезали...

Потом Кайсар тщетно пытался связаться со своими соседями, но те не отвечали, как и телефоны детского сада, где директором работала его жена.

Наконец, он не выдержал и решил выяснить, что же случилось с его домашними и соседями, нам оставалось только на словах предостеречь его от всяких случайностей.

– Непременно свяжусь с вами по телефону, – обещал он, – сначала заеду в детский сад, думаю, что наконец что-нибудь прояснится. Должен же, в конце концов, остальной мир как-то помочь нам!

Выходя из конторы, он, обернувшись, сказал:

– Наш аул со всех сторон окружают какие-то чёрные блестящие стены, они находятся гораздо ближе, чем естественный горизонт.

– Кайсар, – сказала Салима робко, – ты бы снял с себя куртку...

Мы все были настолько потрясены тем, что творится вокруг, что даже не заметили, что вместо куртки на нём висят лохмотья. Он, нервно засмеявшись, снял с себя это подобие одежды и бросил в мусорную корзину для бумаг.

Из окна мы с трепетом наблюдали, как он осторожно пробирается к своей машине, то и дело смахивая нечто с шеи, с лица, отмахиваясь руками. Видимо, его беспокоили невидимые «воздушные корни», но, кроме неудобств, они пока никому не причинили зла. В руках он держал черенок швабры, которую, по-видимому, прихватил в коридоре. Ею он тыкал перед собой. Наконец, подошёл к тому месту, где странным образом исчез Самат – я отметил его по двум небольшим камням, лежащим почти параллельно. Тут конец черенка исчез, Кайсар с усилием стал дёргать его на себя. Его движения были бы в нормальной обстановке даже смешными, настолько он был похож на мима, имитирующего борьбу с невидимой силой. Но мы с Салимой замерли в тревоге. Вырвать конец швабры ему было не под силу, он отпустил черенок, и он весь провалился в невидимое поле или в нечто другое, которому мы не могли найти объяснения.

Кайсар, обернувшись к нам, обречённо развёл руками, мол, ничего не мог поделать.

– Похоже на провалы в пространстве... – тихо сказала Салима. Она в детстве увлекалась, да и сейчас почитывала фантастическую литературу, и я посмеивался над ней, но эти её слова в данную минуту не показались мне смешными. Ведь я, убеждённый реалист, каковым себя считал, не мог бы толком объяснить все те явления, которые происходили с утра прямо у меня на глазах...

Тем временем Кайсар добрался до машины. Махнув нам рукой, он поехал в сторону парка, за ним находился детский сад.

– Мурат, нам, наверное, нужно созвониться со всеми, у кого имеются телефоны, узнать обстановку, – предложила Салима. Я, обняв свою практичную жёнушку, согласился с ней и стал набирать номера телефонов, согласно алфавиту, по телефонному справочнику. Тем временем Салима уложила уснувших прямо на полу детей в широкие кресла в углу, подальше от окон, которых мы в данный момент сильно опасались...

Разговаривать по телефону я не любил, поэтому жена забрала у меня трубку и выслушала Загипу, номер которой она набрала. По её словам, экономист подошла к телефону несколько запыхавшаяся. Они, оказывается, уже целый час вместе с Шакиром бьются с огромными крысами, которые стаями разгуливали по двору и нападали на людей. Также она сообщила, что Шакир потерял много крови, так как одна из крыс отхватила у него два пальца.

– Огромные крысы, – сообщил мне Шакир, когда Салима по его просьбе передала мне трубку, – каждая размером с крупную овчарку, и такие нахальные! Но ничего, мы отбились... Мурат, как ты думаешь, откуда они взялись? И, не дождавшись моего ответа, он возбуждённо продолжил: «Уложил их штук шесть, а может, и больше, в руках у меня всё-таки вилы были. Но я заметил, что они временами становятся какими-то вялыми, это и помогло нам. Двое из них посреди двора исчезли бесследно, заинтересовавшись этим явлением, я бросил туда одну из дохлых крыс, так она тоже исчезла. Мы заметили то место...

– А воздушные корни там у вас есть?

– Корни, говорил ты? Да, что-то липкое и неприятное есть, но в пылу сражения на это не обратили внимания. Загипа говорит, что её тошнит от них. Пальцев, конечно, жалко, зараза, отхватила указательный и средний на левой руке. Да, хорошо, хоть на левой, но крови я потерял много, я и сам не подозревал, что такой кровеобильный.

Посоветовав им держаться, я положил трубку, и телефон тут же затрещивал. Кайсар удручённым голосом сообщил, что в здании детского сада пусто, ни

души. На полу в беспорядке валяются игрушки, одежда, посуда. Во дворе на асфальте – засохшие капли крови, но куда подевались все дети, воспитатели и, вообще, весь персонал – неизвестно. Теперь Кайсар поехал к себе домой, пообещав позвонить от соседей. Не успел я положить трубку, как телефон снова зазвонил. Звонила Катипа – жена главбуха Сатыбалды. По её словам, муж, придя домой, напился до чёртиков и с дробовиком в руках всё пытался бежать на улицу, грозился перестрелять всю нечисть, что развелась во дворе. И только недавно он уснул после того, как Катипа всыпала ему в стакан с вином снотворное. Но не это беспокоило Катипу, мужа она утихомирила, а то, что старший сын Арсен, полчаса тому назад ушедший в туалет в конце огорода, всё не возвращается. Она пыталась выглянуть во двор, чтобы позвать его, но что-то липкое и невидимое тут же пристаёт к лицу, а во дворе, действительно, бегают громадные крысы и пауки. Вначале она, слушая мужа, решила, что у него началась белая горячка, но теперь убедилась, что он был прав. Закончив свой довольно бессвязный рассказ, просила ей помочь. Я обещал ей прийти на помощь.

Следующей позвонила секретарша Роза, она кричала, плакала, одним словом, у неё была истерика. Мы так ничего и не смогли от неё добиться, к тому же внезапно прервалась связь. Мы ничего не поняли и оставались в тревожном состоянии. Снова позвонил Кайсар. Голос у него был какой-то неживой, бесцветный. Его дом исчез, исчез целиком вместе с огородом и садом, с пристройками, как будто там его и не было никогда. Дома соседей стояли целёхоньки, как ни в чём не бывало, а жилища Кайсара будто и не существовало.

– Мурат, я, наверное, с ума сошёл, – закончил он свой телефонный монолог. – Или же всё это вижу во сне. Все трое спим – и ты, и Салима, и я, и все мы одновременно видим этот кошмарный сон...

После Кайсара позвонила полуслепая тёща главного агронома, она сообщила, что Касен что-то долго не возвращается из конторы, дочь лежит в больнице, и она беспокоится о внуках, которые сегодня пошли в школу, и ещё она добавила, что сегодня на улице происходит что-то ужасное – она чувствует это всем своим нутром. От её слов у нас тоже похолодело внутри, и она же надоумила нас позвонить в школу. Сегодня занятия ещё не начались, ведь завтра будет первый звонок, но сегодня, видимо, все классы собрались для встречи с какой-то приезжей знаменитостью. Ни в директорской, ни в учительской телефон не отвечал. Видимо, встреча шла в актовом зале, и все были там.

От Карима и Адии-апай и парторга всё не было вестей. В их районе ремонтировали уже третий день электросвязь и поэтому телефоны там не работали.

Глава III

Дыра в неизвестность

Дети всё ещё спали. Но они скоро проснутся и попросят есть, а нам нечего им дать. Кроме того, я обещал помочь соседке Катипе в поисках её пропавшего сына.

– Салима, я схожу домой за продуктами, а ты посиди пока с детьми.

– А вдруг не вернёшься, я боюсь...

– Не бойся, всё будет в порядке. – Я утешал жену, но у самого на душе было муторно, была какая-то зыбкая неуверенность. Всё так переменялось в нашем до обыденности спокойном ауле. – Понимаешь, если я не схожу за продуктами и за всем необходимым, мы долго не продержимся. Я возьму тачку, нагрузу её и совершу несколько рейсов. Тут недалеко, ты будешь смотреть из окна. Главное, наметить первый путь, а там всё будет нормально. Мне кажется, что нам лучше

пока тут побыть. Кругом нет деревьев, обозрение круговое, с другой стороны контора в данный момент как штаб.

– Хорошо, только скорей возвращайся. Я буду ждать, а если что с тобой случится, то я умру!

– Нет, нам обоим одновременно нельзя умирать. Если даже что со мной случится, ты должна жить, выжить ради детей, ради их будущего...

Поцеловав жену и спящих детей, вооружившись ломиком, найденным в подсобном помещении, я вышел из конторы.

Всё та же сонная тишина царила на безлюдных улицах аула. Но я сразу почувствовал, что обстановка не та, что прежде. Невидимые, назойливые «воздушные корни» преследовали повсюду. По печальному опыту исчезновения Самата я знал, что существуют невидимые провалы в безвестность. Поэтому прежде, чем сделать следующий шаг, я ощупывал ломиком пространство впереди себя. Два или три раза я натёкался на них. Они настойчиво втягивали в себя мой ломик, но я резким движением вытягивал его, поэтому моё «оружие» оставалось при мне. И я тут же камешками отмечал свой путь, чтобы при возвращении не угодить в них. И всё же меня не покидала мысль, а вдруг эти «провалы» каким-то образом перемещаются, являются блуждающими? Всё это, конечно, требовало бдительности на обратном пути. А ведь когда Салима с детьми пришла в контору, таких каверз ещё не было.

До своего дома, находящегося в метрах трёхстах от конторы, добрался без особых приключений. Скрип калитки, как ни странно, снова успокоил меня. И тут я простоял минут пять. Обернувшись в сторону конторы, помахал рукой Салиме. На самом деле я не различал её с такого, казалось бы, небольшого расстояния. Проклятая близорукость! Я не видел вещи в трёх шагах от себя. Тут же обругал себя за то, что до сих пор не удосужился приобрести очки. Любую опасность лучше, конечно, приметить издали, только тогда можно её предупредить.

Двор моего дома, до мелочей знакомый мне, где каждая вещь сделана была мною, каждый гвоздь забит моими руками, сегодня выглядел каким-то отчуждённым. Снова я почувствовал, что в окружающем нас мире что-то сильно изменилось. Но что?

Первым делом я решил обойти весь двор. Сделал это с большими предосторожностями, тыкая ломиком впереди себя. Но провалов, какие я встретил на пути и возле конторы, я тут не обнаружил. Каким-то чутьём я осознал, что нечто неладное было возле колодца. Подойдя ближе, я вздрогнул. Оттуда прямо на меня уставился чей-то холодный пристальный взгляд. Что-то темнело возле ручного насоса. И вдруг это тёмное, величиной с крупную овечку, пошло мне навстречу, вернее, побежало. Это был громадный паук на шести или восьми членистых лапах, подгибающихся при каждом шаге. Вначале я растерялся от неожиданности, а затем чуть не побежал. Но оцепенение, в которое вверг меня страх, резко остановило меня. И это, наверное, спасло меня.

Я успел отразить нападение, которое паук совершил мгновенно. Мой ломик проткнул его выпирающее чёрно-белое полосатое брюхо, и из мерзкой твари на бетон двора хлынула желтовато-зеленоватая вонючая жидкость. Всё ещё смотря на меня в упор своими красными глазами, паук на расстоянии вытянутой руки, медленно перебирал многочисленными мохнатыми лапами, которые, подогнувшись, уронили мерзкое тело на землю. Было как-то дико, что я даже непроизвольно захохотал, затем, заметив это за собой, одёрнул себя. Всё-таки это очень странно, когда в собственном дворе приходится убивать столь невиданное доселе чудовище. Меня чуть не стошнило. Но инстинкт самосохранения был ещё так силён, и я, опасаясь других нападений, быстро отступил назад. И

тут же я ужаснулся, увидев, как три-четыре огромных не то крыс, не то каких-то других существ величиной с большого дога, вышли из тени, где был колодец, и набросились на издыхающего паука, тут же разрывая его на части. А одна из них, видимо, самая нахальная, побежала ко мне. Я выставил перед собой ломик и стал махать им. Первый удар пришёлся по её морде. Она испустила тонкий, скрипучий визг наподобие ультразвука и, повернувшись, побежала прочь, оставляя на сером бетоне капельки крови.

Переживая все эти сложные перемены, я даже забыл, что всё время на лицо налипали какие-то корни. Правда, в некоторых местах они были вроде толще, но разрывались легко и не причиняли ощутимого вреда. В сарай я проник без особых злоключений, открыл дверь и выкатил тележку. Оставив её перед верандой, вошёл в дом. Но и в доме своём я был настороже, чем чёрт не шутит! В большие хозяйственные сумки я сложил из холодильника провизию. Но тут что-то внезапно обожгло мне шею, и я испуганно отпрянул в сторону. Успокоило меня то, что в руках я держал нож. Вчера вечером мы зарезали барана, и я не успел разделать тушу, поэтому с ножом в руке намеревался спуститься в подвал. В воздухе висели какие-то белёсые, почти прозрачные ленты, я взмахнул ножом, и они, отсечённые, упали на пол, истекая светло-жёлтой слизью. Петли эти принадлежали чему-то, вернее, кому-то серому и бесформенному, в данный момент уходящему от меня через трещину в стене. Видимо, дом был повреждён во время одного из толчков. Через всю кухню на стене шла вертикальная – от пола до потолка – трещина. И я возблагодарил судьбу за то, что Салима и дети находились вместе со мной в конторе.

Спустившись по лестнице подвала, я прикрыл люк, чтобы какая-нибудь нечисть не последовала вслед за мной. В темноте нащупал столик со свечами, электричества уже не было, спички, которые не скоро зажглись, так как немного отсырели, и вскоре колеблющийся неясный свет озарил внутренности подвала. Здесь всё вроде было в порядке. Запасы продуктов лежали нетронутые. Набрав в сумку всё необходимое и погасив свечу, осторожно приподнял люк. Снова я заметил исчезающую в трещину тёмную тень, но никто на меня нападать не собирался. Вооружившись топориком, я несколько раз выносил на тачку продукты, так как сумки были тяжёлые, а одной рукой много не унесёшь. Захватил я также примус и бидон с керосином, это на случай, если в конторе кончится запас газа. В нашей конторе была небольшая столовая – последнее новшество, введённое нашим директором. Прихватил я также отцовское ружьё. Нагрузив тачку всем необходимым, я покатил её впереди себя, уже ориентируясь по камешкам, оставленным мной для приметы.

Когда я благополучно добрался до конторы, Салима радостно бросилась мне на шею, а проснувшиеся дети бросились к яблокам, выкатившимся из повалившейся сумки.

– Никто не звонил? – спросил я, отдышавшись.

– Звонил Кайсар, сказал, что скоро приедет. Ему ведь теперь и идти-то некуда! Обещал по дороге заехать в школу. Теперь телефон не работает, отключился. Не знаю, почему.

Мы с Салимой молча смотрели друг на друга, и только теперь оценили весь ужас нашего положения. Во-первых, мы не знали, что же случилось, в конце концов, во-вторых, куда девался весь остальной мир, кроме нас и нашего совхоза?.. Радио молчало, телевизор не работал, связи с внешним миром не было. А потом для нас загадкой, страшным кошмарным сном было появление всех этих странных чудовищ, ям-провалов. Что же делать дальше, что предпринять? Вдобавок ко всему теперь отключился телефон. И я стал упрекать себя за бездействие, за то, что, пока была связь, не собрал в конторе

активную часть населения, чтобы сконцентрировать силы, выработать хоть какую-то тактику и стратегию к действию...

– Салима, я, пожалуй, схожу к Сатыбалды, это ведь совсем недалеко. Я обещал Катипе помощь. У них куда-то Арсен подевался...

– Мурат, а я одна боюсь...

– Не бойся, сиди тут и следи за связью. Если кто позвонит, записывай... Кроме того, пока я приду, у тебя, надеюсь, будет готов ужин. – Есть я несколько не хотел, сказывались волнения дня, и сказал я об ужине только потому, что Салима при малейшем упоминании о том, что кто-то из нас голоден, моментально забывала о всех других тревожностях.

– Знаешь, Мурат, у меня тут не вся посуда, ни шумовок, ни черпака...

– Необходимую посуду возьму у Катипы. – Салима боялась лишний раз отпустить меня домой, после того, как я ей рассказал про ту трещину на стене.

К тому времени к дому Сатыбалды я пробирался со всеми предосторожностями, неторопливо и тщательно отмечая все провалы на пути. Я их обкладывал большими и малыми камнями. Это отнимало много времени, но гарантировало безопасный путь в будущем. Толчков подземных больше не ощущалось, и я интуитивно предполагал, что появление новых чертовщин именно с ними связано. Во время всей этой кошмарной канители у меня было наготове ружьё, перекинутое через плечо, к тому же я держал в руках железный прут, которым нащупывал ямы-провалы.

Сатыбалды, будучи главным бухгалтером, отгрохал себе настоящий дворец, а не дом. Всё-таки тридцать лет держать в руках все финансы одного хозяйства – дело нешуточное. Как говорится, «державший в руках мёд хоть палец себе обмакнёт». Или, как бывало сказывал мой дед: «Имеющий огромный каравай будет всегда сыт, откусывая хоть по малому кусочку».

Добрался я до жилища главного бухгалтера без особых приключений. К липким и довольно назойливым «воздушным корням» я почти привык. По крайней мере, ощутимого вреда от них не было, и я хладнокровно относился к их прикосновениям, как к неизбежному злу. Уже входя в калитку, я осознал, что в нашем ауле отсутствует всякая живность, которой прежде так и кишели его улицы. Ни кошек, ни собак, ни коров, ни овец, даже кур и тех нет. Нет даже ни ворон, ни воробьёв, ни мух, их, видимо, полностью заменила вся эта непотребная мерзость. И ещё, каким-то таинственным образом исчезла тревога, исходившая со стороны Дегелена, наоборот, она как будто разлилась вокруг, повсюду. А дети успокоились. После тех мощных толчков исчез постоянный гул, слабые и сильные толчки и нечто такое, что вызывало постоянную тревогу, думаю, нечто вроде инфразвука. А ведь за последнюю неделю они стали почти невыносимыми, действовали на нервы даже самых крепких людей.

Во дворе Сатыбалды было действительно полно всякой нечисти, но я умел уже лихо отражать довольно вялые атаки огромных пауков, крыс и ещё чего-то ужасного, что имело кровавую морду и какие-то несуразные кривые подгибающиеся конечности. У порога Катипа буквально втянула меня в дом, схватив за ворот моей ветровки, и быстро захлопнула дверь.

Катипа, женщина средних лет, резко отличалась внешне от своего полного, обрюзглого супруга. У Сатыбалды глаза постоянно были налиты кровью, а буйная шевелюра некогда смоляно-чёрных волос перемежалась с густой проседью и казалась покрытой пылью. А про Катипу говорили, что она в юности была первой красавицей аула. Взял её Сатыбалды из далёкого горного аула. Да и сейчас она выглядела гораздо моложе своих сорока семи лет, на светлом, без морщин лице сияли огромные чёрные глаза, брови, изогнутые ровной тонкой дугой,

немного приподнимались у висков. Прямой нос был с безукоризненно красивыми ноздрями. Только тонкие поджатые губы всё впечатление портили. Может быть, в юности они не были столь скорбно поджатыми, может, не были такими тонкими, как теперь. Бесконечные попойки мужа, да и сама болтливая и неуёмная, она в конце концов, превратилась в сварливую и нервную женщину.

– Сатыбалды всё ещё спит, – сообщила она, хотя я сразу это понял, потому что по всему дому раздавался его мощный храп. – Спать он будет долго, так как я всыпала ему самую допустимую большую дозу снотворного.

– А как же Арсен?

– Не вернулся ещё, – и её тонкие губы скорбно поджались, и она будто сразу как-то постарела, а в голосе появились умоляющие нотки, – помоги, Мурат, ты ведь мне – почти что брат. С самого детства я знаю тебя.

– Да, да, я помогу, чем смогу, – сказал я и попросил воды. Только сейчас я понял, что меня давно уже мучает жажда. – Заходи в комнату, – пригласила Катипа, и я вошёл в самую ближайшую дверь. Дом у Сатыбалды был двухэтажный, со множеством комнат. Но, видимо, чувствуя приближение какой-то беды, все домочадцы собрались в той, которая была ближе всех ко входной двери.

В комнате сидели на кроватях, стульях и просто на ковре, расстеленном на полу, шесть девушек. Никого из них я раньше не видел, ни с кем из них я не был знаком. Но при виде лиц некоторых из них я просто содрогнулся от ужаса. Они были одна уродливей другой. По аулу давно уже ходили слухи, что Сатыбалды, кроме своего единственного сына Арсена, имеет ещё дочерей, но никто никогда их не видел. Сатыбалды был тихим пропойцей. Пил он всегда в одиночку и, говорят, методически избивал свою жену. А Катипа, хоть и слыла большой сплетницей и одной из самых болтливых баб в ауле, но никогда ни единым словом не обмолвилась о своих дочерях. Все видели, что она часто ходила на сносях, но никто не знал и не ведал, куда девались её дети. Может быть, их тайну знали только фельдшер нашего аула Абдолла и его жена, медсестра Зайда, но они тоже никогда ни о чём не говорили. Может быть, они молчали не оттого, что жалели Сатыбалды и Катипу, а получили сверху инструкцию молчать, кто знает... Но я сам был неоднократно свидетелем того, как приезжие врачи из областного центра, а то и из столицы, вместе с Абдоллой посещали дом Сатыбалды. Теперь же я понял причину его беспробудного пьянства, мне стало его глубоко жаль, хотя его я презирал за воровство и нечистоплотность.

– Вот они, мои красавицы, полюбуйся! – горестно промолвила Катипа, показав на дочерей. – Теперь уж нечего их скрывать и девать их мне некуда, всё-таки родные. И стала называть их по именам, при произношении некоторых имён девочки осмысленно оглядывались то на меня, то на мать. Хотя многие их черты отличались неповторимым уродством, но у всех были прекрасные чёрные глаза их матери.

– Это старшая – Фарида, видишь, у неё горб, волчья пасть, не может ходить. Она на два года младше Арсена, а ему уже скоро семнадцать.

У следующей, Фатимы, были скрюченные ноги и руки, отсутствовал подбородок, и так у каждой – своё неповторимое уродство. Мне было жаль этих несчастных девочек до слёз, самой младшей из которых было всего лишь три года, как и моей Зауре.

– Врачи уверяли, что они такими рождаются потому, что их отец пьёт, а он говорил, что пьёт оттого, что они такими рождаются. И я не верю врачам. Это всё – дело рук проклятых военных! – погрозила Катипа кулаком на запад.

– Ладно, Катеке, я пойду, поищу Арсена.

Катипа захотела сопровождать меня, и я еле уговорил её остаться дома. Она должна была быть с детьми, да и Сатыбалды может проснуться, дорогу я знаю, вооружён.

Провалов во дворе Сатыбалды я не обнаружил. Возле колодца на меня набросилась огромная чёрная крыса величиной с овчарку, она всё время издавала звук, похожий не то на хрип, не то на хрюканье. Пришлось прикончить её выстрелом из ружья. На звук выстрела испуганно выглянула Катипа, и мне пришлось успокоить её, подняв руку с тростью.

Самое странное, теперь уже я не испытывал к этой обстановке, ко всем этим неожиданным появлениям чудовищ ничего особенного. Во мне появилось какое-то хладнокровие. Недаром в народе бытует пословица: «После трёх дней пребывания привыкнешь и к могиле своей...». Трёх дней не прошло ещё, лишь первый день близился к вечеру, такой длинный, мучительно растянутый, но я уже приобрёл кое-какие навыки для самообороны. И я понимал: что бы ни случилось с нашим миром, куда бы нас ни забросило, от нас самих зависит, выживем ли мы, будет ли будущее у наших детей.

На узенькой бетонной тропке, проложенной до конца огорода в сторону туалета, я не заметил ничего особенного. Только когда уже почти вплотную подошёл к деревянной будке, обнаружил немного в стороне от неё небольшой провал. Он был с ладонь, я точно очертил его своей тростью, сюда юноша провалиться не мог. «А что, если его растерзали эти чудовища?» – мелькнула у меня мысль. Но я отогнал её. Как бы парень ни был застигнут врасплох, он всё-таки оказал бы сопротивление, к тому же он был не из робкого десятка, и как я помнил, посещал кружки не то дзюдо, не то каратэ... По крайней мере, в случае борьбы остались бы следы или обрывки одежды... Небольшой провал был прямо под тополем, и я, задумавшись, уронил в него свою трость, вернее, провал с силой втянул её, и я от неожиданности разжал руку и выпустил.

Открыв будку, я отшатнулся, чуть не угодив во вновь обнаруженный провал. Вся задняя стенка будки полностью отсутствовала. На её месте зияла тёмная бездна, на поверхности которой мерцали сине-голубые искорки, подобные небольшим звёздочкам, их было великое множество по краям рваной дыры, а в середине, там, где зияла тёмная всепоглощающая безвестность, их было много. Мне почудилось, что оттуда повеяло потусторонним миром. Это было похоже на неведомую дверь в безвестность. Что там скрывалось, мне, видимо, не дано было знать. Открыв настежь дверь будки и немного отойдя назад по бетонированной тропинке, я поднял с земли спёкшийся комок глины и с силой бросил в ту дыру. Тут же раздался звук, напоминающий всхлип, и голубые искорки на миг порозовели. Комок глины улетел неведомо куда, а дыра обрела своё прежнее состояние. Неровная, будто рваная по краям, окаймлённая частыми мерцающими голубыми искорками, которые постепенно редели посередине.

И тут я поймал себя на ощущении, не на мысли, а именно на ощущении, на желании пойти и перешагнуть края той дыры. Но тут краем глаза заметил где-то сбоку движение и, отпрянув от будки, резко повернулся. Дверь закрылась, и я очутился лицом к лицу с огромным пауком. Он был серый, весь в фиолетовых прожилках. Фасеточные чёрные глаза, если, конечно, это были глаза, смотрели на меня тупо, и я даже не отражался в них. Подняв передние лапы, он накиннул на меня пульсирующие, тёплые петли, так напоминающие щупальца спрута, и я содрогнулся. У себя в доме, в трещине на стене кухни, я тоже ведь видел нечто подобное.

Но у меня уже была сноровка. Я быстро выхватил из кармана ветровки охотничий нож и перерезал петли, из которых тут же стала сочиться какая-то слизь. А паук, видимо, почувствовав опасность, стал отступать и исчез за стеблями ещё не убранной кукурузы. Сухие кукурузные стебли ещё долго шуршали, пока паук продирался сквозь них.

Осмотревшись и убедившись, что никакая опасность мне больше не угрожает, я пошёл в сторону дома Сатыбалды.

Катипа долго плакала, когда я ей рассказал про ту дыру в будке уборной. И я угрюмо молчал, не пытаясь утешать её, чувствовал, что женщине необходимо выплакаться, хоть как-то разрядить туго натянутые нервы. Ведь теперь на её плечах – дом, муж-пьяница, больные от рождения беспомощные дочери. Увидев, что мать плачет, девочки тоже стали скулить, и Катипа, решительно выморкавшись в платок, перестала плакать и прикрикнула на дочерей. Те тоже притихли, испуганно прижимаясь друг к другу.

– Видимо, мой Арсен угодил в ту проклятую дыру, – предположила печальным голосом Катипа. – И я кивнул, соглашаясь с ней. – Что же теперь делать? – вслух стала размышлять она, видно было, что такие размышления у неё бывают довольно часто. Мне оставалось только сказать:

– Катеке, надо ждать, надеяться, у тебя на руках семья, может, судьба будет благосклонна, и Арсен вернётся... – но, видно, в моём голосе было больше неуверенности, чем оптимизма.

На лице у бедной женщины промелькнула тень безнадежного отчаяния и, видимо, такой привычно знакомой ей тоски, что она уже свыклась с ними, как с этими родными и беспомощными собственными детьми, что у меня защемило сердце.

– Продукты у тебя пока есть, Катеке?

– Да, есть.

– Тогда я пойду, узнаю, как другие. С тобой будем связь держать, ты не переживай... Дел-то у вас, конечно, предостаточно, вот только как Сатеке проснётся, больше не давайте ему спиртного, не то, не дай бог, в такой ситуации всё может случиться.

У меня опять защемило сердце, когда эта уже немолодая женщина, испытывавшая так много горя, подняла на меня свои прекрасные глаза:

– Скажи, Мурат, вот ты – образованный парень, учился в институте, как ты думаешь, что же случилось с нашим аулом?

– Не знаю, Катеке, у меня пока только предположения, связи с внешним миром нет: ни с районом, ни с областью, а со столицей – и подавно... Но, думаю, нас не оставят в беде, должны помочь, хотя бы попытаются связаться с нами...

– А я всё думаю, что во всём вина того дьявола – Айдахара проклятого! – погрозила Катипа в сторону полигона кулаком. – А вот Сатыбалды мой без спиртного со страха свихнётся, ты не знаешь, какой он слабый да беспомощный. Это у него только вид такой грозный. Если он всё случившееся осознает трезвым умом, до смерти перепугается...

– Ничего, как говорится, «чужая душа – потёмки». Может, он наконец образумится, придёт в себя, станет настоящим хозяином дома...

– Эх, был бы Арсен, тогда другое дело, а теперь... – безнадежно махнула рукой Катипа.

Уходя из дома Сатыбалды, я почувствовал безмерную жалость к этой мужественной женщине. А ведь только недавно я считал её болтливой легкомысленной женщиной...

Выйдя за калитку дома Сатыбалды, я увидел, что вечереет, а также почувствовал едва уловимую перемену в самой атмосфере. Липких паутинок в воздухе стало меньше, зато все открытые части тела – шею, лицо, руки – стало покалывать, будто било тело слабым током. А всякая нечисть – крысы, пауки и другие – будто взбесились, настолько они стали агрессивными. В двух пауков я разрядил ружьё, одну крысу прикончил прикладом. А уже на полпути к конторе появились

«голубые бестии», как их я окрестил. Они летали, нет, витали в воздухе. Представляли они собой все вместе как бы одну голову, прикрытую капюшоном, лиц не было видно, но глаза их светились каким-то странным, как бы потусторонним светом, что наводило страх на человека. Когда эти «бесноватые призраки» касались меня во время полёта, я чувствовал нечто вроде мгновенного ожога. «Бестии» не боялись ни ружья, ни палки, только когда я кричал на них, они, колыхаясь, отлетали в сторону, как будто их туда относил поток воздуха. Убедившись в том, что они просто безвольно летают в воздухе, я, набрав полные лёгкие воздуха, стал дуть на них изо всей силы, они теперь, колыхаясь, маячили вдали.

Когда я наконец добрался до конторы, то насмерть перепуганная Салима моментально кинулась ко мне на шею со слезами. Дети тоже бросились ко мне. Оказывается, их сильно напугал мой крик. Успокоив их, я не спеша поужинал. Несмотря на все неудобства и мытарства, моя жёнушка не разучилась готовить.

– Пришёл Кайсар, даже не поев, сразу же уснул в соседнем кабинете, я ему туда раскладушку поставила, – сообщила мне жена, наливая чай.

В директорском кабинете с плотно задёрнутыми шторами, в тепле и уюте, я почувствовал себя гораздо лучше. Дети играли под длинным столом на ковре с разноцветными кубиками и весело смеялись. И я успокоился. Утешил себя тем, что, по крайней мере, моя собственная семья не пострадала. Отогнал от себя подальше тревогу о матери, Кайсар наверняка побывал у неё. Она живёт у старшего брата, на другом конце аула, там же, где и Кайсар. С такими мыслями я прилёг на ковёр возле играющих детей и уснул. Салима подложила мне под голову свою шерстяную кофту, и я с сонной благодарностью потёрся небритой щекой об её мягкую, такую заботливую руку...

Глава IV

События развиваются

Проснулся я довольно поздно. Солнце стояло уже высоко. Вначале я думал, что всё ещё сплю, лежал, глядя на крышку стола снизу. Я лежал на ковре с крупными рисунками, который так часто видел под ногами в директорском кабинете, потрогал длинные ворсинки – реально. С того места, где я лежал, был виден край портрета руководителя нашего советского государства. Мне стало тошно от этой реальности. Затем на меня роем нахлынули воспоминания – события вчерашнего дня, невероятные, зловещие и странные.

– Мурат, проснулся? Вставай, завтрак уже готов! – сказала бодрым, звонким голосом моя чудная жёнушка Салима. – Хорошо, что я догадалась наполнить водой всю имеющуюся посуду, в кранах сегодня нет воды.

«Весёленькое сообщение», – подумал я.

Наскоро умывшись над раковиной – Салима поливала мне воду из чайника – я сел за стол. Из соседнего кабинета пришёл Кайсар, более опрятный, чем вчера, но всё же подавленный.

Видимо, Салима успела его приодеть, но настроения у джигита совсем не было.

– Как дела? – вымученно улыбнулся он, пожимая мою руку. Я пожал плечами, он сел напротив.

Заур и Зауре тоже вскарабкались на стулья в дальнем конце длинного стола заседаний. Я невольно улыбнулся при виде своих детишек. Глазёнки у Заура сверкали любопытством. Новая обстановка, домой почему-то не идём, тут же с нами дядя Кайсар...

За завтраком я обстоятельно, не торопясь, рассказал обо всех событиях прошедшего дня Салиме и Кайсару. Он в свою очередь поведал мне о своих приключениях:

– Не найдя своего дома, я решил, что сошёл с ума. Но тут же собравшись с силами, осмотрелся. Знаете, самое удивительное то, что дом моего западного соседа Шарипа теперь стоял вплотную стена к стене к дому моего соседа с восточной стороны Кудайбергена! Будто они испокон веков стояли так рядышком и между ними и в помине не было моего дома! А ведь в середине на шестнадцати сотках земли с садом, огородом, баней и пристройками должен был стоять мой дом! А его не было! Будто корова языком слизнула и рогами нацепила друг на друга заборы моих соседей. Я и тогда не знал, что мне думать, и сейчас не знаю. Может быть, я всё ещё сплю? Странно всё это и непонятно!

Ну, короче, я зашёл к соседу Шарипу. А там, о боже, горе, слёзы – сосед скончался. Его паук прикончил. Никто не сумел мне толком рассказать, как всё это случилось. Я помог похоронить Шарипа в его же огороде, хотя его мать настаивала на том, чтобы везти сына на кладбище. Но я уговорил её. Во-первых, в той стороне, где кладбище, к аулу очень близко подошли низкие чёрные тучи, а что там происходит, никому ещё неизвестно, да и небезопасно так удаляться от дома женщинами и детям, к тому же кругом эти твари рыскают. Мать Шарипа прочитала над могилой молитву, затем я отвёл его плачущую жену Кымбат и мать в дом, по пути остервенело отбиваясь от крыс и всякой нечисти. Когда наконец я стал расспрашивать их о судьбе своего дома и близких, то они, на время забыв о своём горе, стали изумлённо разглядывать приблизившийся к ним дом Кудайбергена. Ничего от них не добившись, я позвонил сюда и пошёл к Кудайбергену. Но те мне даже дверь не открыли. Даже сам Кудайберген не верил, что это я, Кайсар, до того они были напуганы и удручены. Сосед всё выпытывал у меня то одно, то другое, заставлял махать руками, приседать, и думаю, что он всё равно не поверил в моё реальное существование. Да и сами знаете, что вид у меня был не ахти какой. На мне костюм висел ключьями, рубашка тоже была разодрана в лохмотья. Да и вообще, на беднягу Кудайбергена и его жену всё происходящее подействовало не лучшим образом. Сосед сказал, что его жена Кульзия ещё со вчерашнего дня прячется под кроватью и ни за какие пряники не хочет вылезать оттуда. Детей у них, как вы знаете, нет. Они, конечно, толком не могли понять происходящее, не сумели мне объяснить вразумительно, куда подевался мой дом и все мои домочадцы...

Потом я, Мурат, поехал к твоим. Крепись, друг мой, твоего дома, вернее, дома твоего брата, тоже не оказалось на месте. Исчез. Будто и не было его никогда. Соседи тоже ничего не знали. Тогда я решил заглянуть в школу. Ну, об этом вы уже знаете, я же звонил вам. Но – школа исчезла! На её месте – небольшой, ранее не виданный здесь пустырь, заросший бурьяном. Кроме осколков битого стекла да разного старого тряпья, по которым ползали всевозможные гады, не было ничего. Тогда я поехал в машиноремонтную мастерскую, чтобы заправиться бензином. И знаете, всё там было вроде как и прежде, но что-то неуловимое было не так, сам я это не видел, но чувствовал. Там особенно много было ям-провалов. Я их почти полностью обследовал и отметил, что самые большие из них были диаметром в три метра. Затем, как во сне, приехал сюда и не в состоянии даже поужинать, уснул. Вот и всё.

Я также рассказал Кайсару о своих злоключениях, и мы стали обсуждать свои дальнейшие действия.

– Прежде всего нам необходимо узнать, какая территория находится под властью или воздействием этого неведомого нам наваждения, – сказал я Кайсару и жене, – и вообще, нам следует узнать, что же случилось с нашим аулом, да и

со всем миром в целом. Но для этого только наши с тобой действия недостаточны, Кайсар. Салима не в счёт, она будет обеспечивать возможную связь по телефону с другими, смотреть за детьми, в общем, на ней наше с тобой теперь совместное хозяйство. И вообще, контора теперь будет штаб-квартирой всего аула. Нам с тобой, в первую очередь, необходимы помощники. А для этого, во-первых, нам нужно обойти все уцелевшие дома нашего аула и найти людей, которые смогли бы нам помочь. Заодно мы узнаем, сколько всего людей, необходима ли кому-нибудь наша помощь. Во-вторых, мы из отобранных людей сколотим временные, а может, и постоянные отряды, которые вначале обследуют тот квадрат местности, который им будет выделен. В-третьих, мы попали, а это уже ясно, в чрезвычайные обстоятельства, поэтому для выяснения всех минусов и плюсов нашего положения необходимо сообща выработать план действий. Нам надо выбраться из этой ситуации, в крайнем случае, выжить, не то мы все поодиночке будем пропадать в ямах-провалах, становиться добычей всех этих чудовищ, которых и зверьми не назовёшь. Кроме того, для координации наших действий нам нужен начальник. Может, сам директор снова возьмёт на себя свои полномочия?

Кайсар добавил:

– Кроме того, надо выяснить наличие техники, бензина, топлива и прочего. Если мы действительно оторваны от всего мира, то их нам будет брать неоткуда, тогда следует всё экономить.

– А все эти провалы нельзя будет как-нибудь отметить? – робко предложила Салима.

– Ты права, мы их все заметим, ведь в некоторые из них можно и вместе с машиной угодить... – сказал Кайсар. – Да, да, Мурат, ещё нам нужно оружие!

– Ты прав, оружие нам необходимо...

Мы решили тут же, не откладывая дела в долгий ящик, объехать дома аула, но Салима настояла, чтобы мы привезли ещё продуктов. Она любила делать большие запасы, и я всегда размышлял, хорошее это качество или плохое, а сегодня пришёл к выводу, что неплохое.

Доехали мы до нашего дома довольно быстро на машине Кайсара, старательно объезжая все ямы-провалы, которые я заметил ещё вчера. Почти все разгуливающие во дворе твари попрятались, только огромное существо с длинными усищами бросилось на нас. Когда я разглядел его, даже мороз по коже прошёл. Это был таракан огромных размеров. Как известно, в деревенских домах тараканы не водятся, и я их видел только в городе, но откуда взялся этот, да ещё таких размеров?

В доме всё вроде было в порядке, только некоторые вещи в тёмных углах испускали голубоватое сияние. «Не дай бог, радиация», – высказал свои соображения Кайсар, поёжившись, у меня тоже всё внутри похолодело. Если действительно так обстоят дела, то в наших условиях невозможно будет лечить людей.

Собирать продукты вдвоём было гораздо легче. Кайсар меня подстраховывал от разных неожиданностей, а я складывал в сумки и относил в машину все вещи, которые отметила Салима в своём списке. Старались брать почти всё, что попадалось под руку, теперь нашим домом, нашей обителью была контора, и я с болью в сердце оглядывал наш такой только недавно уютный дом.

В подвале всё было по-прежнему. Самое удивительное – то, что продукты не портились. Даже не посоленная и не подготовленная к вялению баранина оставалась свежей. Мы взяли всё мясо, захватили побольше овощей, фруктов, муки и крупы и доставили всё это в контору. Помещение бывшей кассы решили сделать складом, потому что окна её были забраны решёткой. Изнутри мы закрыли окно фанерой. Салима на скорую руку переоборудовала кабинет комсорга под кухню, а кабинет парторга – в столовую.

Мы с семьёй решили остаться в кабинете директора, а Кайсар в кабинете главного бухгалтера – Сатыбалды. Весь первый этаж, да и другие комнаты второго этажа оставались свободными. Кто знает, может, нам всем аулом придётся тут жить... За хлопотами наступил обед, и только после полудня мы выехали из конторы. Решили в первую очередь добраться до отдалённых домов за речкой, где жила экономист Загипа. По дороге мы вспомнили, что сегодня – первое сентября, но, по иронии судьбы, сонная и равнодушная улица пылилась сама по себе, а не под ногами детей, шагающих в школу. Садясь в машину, я заметил, что солнце обрело какой-то изумрудный оттенок. Кайсар также подтвердил мои наблюдения. Было такое чувство, будто между светилом и нами кто-то неведомый поставил зелёное бутылочное стёклышко. Когда проехали немного, то Кайсар сказал, что он вроде стал различать на глаз провалы. Он показал на мутноватое, еле заметное облако не то дыма, не то пыли, повисшее прямо над дорогой, будто образуя отвесную вертикальную стену вокруг невидимых окружностей. Выйдя из машины, мы действительно убедились, что это – провалы, с таким открытием для нас отпала надобность вслепую находить провалы. Мы уже научились их видеть.

Речка Мардары, разделявшая наш аул почти по прямой, была довольно многоводной, с водоворотами, но подъехав к мосту, мы убедились, что она почти обмелела. На дне поблёскивали только небольшие лужицы. Жёлтый придонный ил, отложения гальки и песчаника, спутанные чёрные водоросли. Что-то отвратительное и постыдное было в этом обнажённом дне пересохшей речки. Неестественность этой картины ещё подчёркивалась тем, что по наносам песка и галечника, утопая в иле, разгуливали пауки, крысы и ещё какие-то неведомые существа, атакующие друг друга, грызущиеся и пожирающие останки рыб, мальков и ещё чего-то. Мы с Кайсаром долго тут не стали задерживаться и переехали мост. По дороге встречались безмолвные, будто стоящие в ожидании чего-то, дома. Никто не выглядывал из их окон, которые были задёрнуты изнутри занавесками. Но мы не стали заходить в них, так как решили начинать с конца аула и объехать все дома по порядку, регистрируя количество оставшихся жителей и записывая их проблемы и нужды. Начали с самого крайнего дома, где проживал бывший парторг колхоза, ныне пенсионер Ермек со своей женой Самигой. Их единственный внук Азат учился в Москве в Авиационном институте. Сын и невестка лет десять назад погибли в железнодорожной катастрофе. Ермек – бывший фронтовик, участник Курского сражения – пользовался большим авторитетом среди аульчан. Его все уважали, зачастую шли за добрым советом, поделиться радостью или горем. Но в последние годы он тяжело заболел. У совхозных активистов всё руки не доходили, чтобы его навестить, и только председатель рабочкома Куляш на забывала поздравить ветерана, одарив его неизменным букетом красных гвоздик. Она их специально выращивала летом в своём саду для такого случая, а зимой – в оранжерее. Сам я не видел аксакала вот уже года два.

Небольшой его домик стоял на самой окраине аула. Дальше шли кукурузные поля, которые нынче выглядели довольно зловеще, растения с ещё не сорванными початками полегли, будто по ним прошло стадо слонов. Невольно бросив взгляд за поле, я вздрогнул. Чёрная глянцевая стена находилась тут будто на расстоянии вытянутой руки. От неё исходило нечто чужеродное, зловещее, неземное. Я заметил, что Кайсар тоже со страхом смотрел в ту сторону.

Покосившийся забор стариковского дома был тоже местами повален и вымазан чёрной слизью. Дверь небольшого обшарпанного домика, в стенах которого местами обвалилась штукатурка, была заперта изнутри. И я почувствовал стыд. Ведь мы, здоровые и молодые, не беспокоились, не вспоминали об этом

всеми уважаемом человеке. Были равнодушными ко всему, радовались каждому прожитому дню, нас беспокоили только меркантильные, такие мелкие заботы. Ежедневно созывали собрания, проводили летучки, бегали, суетились, принимали и выполняли планы, жили от одной кампании до другой; а этот человек из нашего же круга, из нашего же окружения, словно выпал оттуда и стал никому не нужным осколком из кружившегося калейдоскопа нашего бытия, и никому нет дела до того, каково сейчас ему живётся, что его волнует, да и есть ли у него душа?..

Мы с Кайсаром долго стучали в дверь и когда, наконец, приняли решение выломать её, кто-то изнутри неуверенной рукой стал поднимать щеколду и откидывать крючок. Видимо, эти действия открывающему давались с большим трудом.

Мы вошли в тёмный коридор, где стоял полумрак. Затхлый, застоявшийся воздух ударил нам в ноздри и не знаю, как Кайсар, но меня чуть не стошнило. Немного освоившись с темнотой, мы увидели, что перед нами в нижнем белье, шатаясь и держась за стену, стоял Ермек-аксакал. Мы подхватили его и повели в комнату. Тут было светлее, и мы увидели, что вид у старика был ужасный. Седые, видимо, давно не мытые волосы от грязи и пота сваялись, местами они выпали, и виднелись островки розовой кожи. Некогда ясные глаза запали, а густые брови над ними стали ещё кустистее. На лице были язвы, из которых сочилась сукровица. В комнатах – запах давно не проветриваемого помещения. Увидев нас, старик слабо улыбнулся и стал падать, держась за стену. Мы подхватили его и уложили на смятую постель.

Вода в доме нашлась только на доньшке ведра. Мы дали её старику, немного отпив, он открыл глаза:

– Я знал, что кто-нибудь да придёт! – сказал он слабым, шелестящим шёпотом.

– А где Самига-апа? – спросил Кайсар старика, наклоняясь над его ухом, думая, что тот плохо слышит. Но слух у аксакала был нормальным, – он просто ослабел от жажды и голода.

– Вчера утром пошла к соседям за водой, у них во дворе колодец, а наш что-то пересох, и вот не возвратилась... Я хотел выйти во двор, но, увидев каких-то огромных тварей, заперся. Думал, старуха придёт, открою. Но её что-то долго нет... – Старик, видимо, изрядно устал от такой длинной речи и, не договорив, задремал. Знаками объяснившись с Кайсаром, мы пошли на кухню. Там нашли молоко, масло и крупу. Кайсар на газовой плитке быстро приготовил манную кашу. Мы решили покормить старика и забрать его с собой. Салима присмотрит за ним, да и мы тоже будем помогать. А тут без старухи для него не было никакого смысла оставаться.

Поев немного каши и выпив молока, старик снова впал в забытье. Мы решили пока не тревожить его, дать ему отдых, и направились к соседям, узнать, что и как у них, заодно поискать старуху. Но там весь двор оказался ямой-провалом, так мы решили потому, что над домом и огородом висело то знакомое облако не то дыма, не то пыли. Палка, которую я туда бросил со всего размаху, тут же исчезла бесследно. Двери и окна дома были раскрыты настежь.

– Мурат, помоги, – услышал я голос Кайсара и увидел, как он, лихо загнав крысу размером с большую собаку за плетень, взялся за огромный бульжник, лежавший под низеньким деревцем клёна. Мы вдвоём притащили его поближе к провалу и, раскачав, бросили. Вначале раздался какой-то всхлип, затем что-то ухнуло, и бульжник исчез. И тут дом с раскрытыми настежь окнами и дверьми, покачавшись будто на неустойчивом фундаменте, резко накренился и, кувыркнувшись, исчез вместе с двором, пристройками, деревьями, растущими возле

него. Зато дом дальнего соседа приблизился к жилищу старика Ермека, а забор очутился прямо перед нашим носом. Всё это произошло так быстро и неожиданно, что мы невольно вздрогнули. «Вот каким образом исчезли школа, дом Кайсара, дома моих брата и родственников», – понял я. О том же самом, видимо, подумал и Кайсар. Лицо его потемнело, губы скорбно сжались, и я ободряюще похлопал его по плечу. Он благодарно сверкнул мне глазами в ответ. Мы снова вошли в дом аксакала Ермека. Он ни о чём не расспрашивал. На наше предложение поехать с нами молча согласился.

У Кайсара был восьмиместный служебный УАЗик. Сзади между сидениями мы поместили раскладушку, вынесли подбитые шерстью одеяла, подушки и соорудили для старика удобную постель. Кайсар вынес бессильного старика, я сзади подстраховывал их от разных тварей.

По соседству с аксакалом Ермеком жила старуха Малика. Говорят, что она в молодости была писаной красавицей, но от былой красоты не осталось и следа. Лицо её было жутко обезображено страшной болезнью – она вдавила некогда красивый, с лёгкой горбинкой, нос глубоко в переносицу, рассыпала по её некогда белому гладкому лицу с нежным румянцем ужасные щербинки, и теперь она выглядела страшнее самого смертного греха. Сколько я себя помню, она всегда жила совсем одна, а про былую её красоту говорили старики да старухи, нам же с трудом верилось в то, что эта уродливая старуха когда-то была внешне прекрасной. Говорили, что у неё была крепкая дружная семья – муж, три сына, но все они погибли на войне, и теперь единственным утешением старухи Малики была красная звёздочка, которую когда-то прибили пионеры на ворота её дома, накануне какого-то юбилея и потом совершенно забыли о ней. Никто в последнее время не заходил к ней, кроме старухи Ермека Самиги, но и она в связи с болезнью старика находилась больше возле него, поэтому Малика стала сторониться людей. Многие обходили её дом стороной, избегали встречи с ней, когда она приходила в магазин за самым необходимым или получала на почте пенсию – свою или на погибших мужа и сыновей.

Открыв скрипевшую на все лады калитку, мы услышали как кто-то скрипучим голосом, ужасно фальшивя, напевал слова «Шили озен камыс-ай» – «Речка, поросшая камышом и чиём». «Шили озен камыс-ай, енди есен бол, таныс-ай», – выводил кто-то режущим слух фальцетом.

Зайдя во двор, мы увидели старуху Малику, безобразнее, чем прежде, так как лицо её залепило чем-то чёрным. Дико и бессмысленно глядели её налитые кровью глаза.

Сидела она в окружении всяких тварей: пауков, крыс, тараканов и ещё чего-то копошащегося и... гладила, ласкала их поочерёдно. То она гладила огромную рыжую крысу по безобразному огрызку хвоста, и та довольно верещала, то хлопала паука между огромными фасеточными глазами и тот, ласкаясь, тёрся об старуху, то теребила огоромного таракана за длинные его усища. Перед каждой тварью, а их было штук десять, она поставила по посудине, в которых лежали кусочки мяса и ещё чего-то. Старуха кормила их, и это выглядело довольно омерзительно. Сама она, как заведённая, механически повторяла одну и ту же строчку:

«Шили озен камыс-ай, енди есен бол таныс-ай» – «Речка, заросшая камышом, живи теперь долго, мой новый знакомый».

Увидев нас с Кайсаром, она с воплем набросилась на нас: – Вон, исчадия ада! – вид у неё был страшен, распущенные седые волосы развевались за плечами, лохмотья её грязной одежды висели на ней клочьями. Мы в страхе бросились к машине. У бедной старухи, видимо, вконец помутился разум и попадаться в её руки нам вовсе не хотелось. Быстро сев в машину, мы уехали, а сами

потом ломали голову, как же получилось так, что эти ужасные твари, бросающиеся на людей, поедающие других слабых существ, раздирающие друг друга, так присмирели рядом с полоумной старухой и вели себя как ручные домашние животные. Всё это было для нас загадкой, как и всё случившееся с нашим аулом.

Ермек-аксакал чувствовал себя неважно, когда мы доставили его к Салиме. Устроив его в одной из комнат первого этажа и наскоро подкрепившись чаем с баурсаками, мы снова поехали в обход.

Следующим был дом Загипы. Муж её Арсен, совхозный механик, был мастером на все руки – столяром, плотником – и отстроил себе такой дом, что все восхищались им. Двухэтажный, с резными наличниками и круговой верандой, был самый видный и красивый не только в округе, но и во всём совхозе. Загипа увидела нас в окно и быстро впустила в дом. Раньше гордая, дерзкая на язычок, эгоистичная, она сильно изменилась за эти два дня. Бросившись к нам, стала обнимать нас и плакать. Коричневые веснушки на её светлом лице проступили ещё явственней, а глаза стали ещё более круглыми.

– Проходите, проходите, – суетилась она. А ведь джигиты говорили, что она за порог не пускает дружков своего мужа... Всё-таки испытания так меняют людей...

Тут же стоял наш комсорг Шакир, который ещё вчера вместе с ней ушёл из конторы. Тонкая его шея за это время будто стала ещё тоньше, а в больших, слегка раскосых глазах застыло немое удивление. Жёсткие, упрямые его волосы непокорно падали ему на глаза, и он откидывал их нетерпеливым движением головы.

– Знаешь, Мурат, – сообщил он с большим недоумением, – я не нашёл своего дома.

Я молча с сочувствием пожал ему руку. Ведь его дом находился рядом со школой, а Кайсар там был, всё видел... Шакир пытался нам что-то рассказать, но тут заплакала Сауле – дочь Загипы, и её свекровь позвала нас в гостиную, на второй этаж. Спокойная, добрая, в белом кимешеке, она нисколько не изменилась за эти дни. И я почему-то почувствовал гордость за неё. Я встретил только троих, нисколько не изменившихся за эти дни. Это – мои дети, Заур и Зауре, затем – эта старушка. Дети есть дети, когда рядом родители – им больше ничего не надо. А эта женщина обладала сильной волей – всё тот же спокойный взгляд добрых умных глаз, плавная, неторопливая походка и массивные браслеты с чудесными узорами. А ведь чего только не пережила она на своём веку! Смутные голодные тридцатые годы, тяжкие военные и смерть своей многочисленной родни и детей после всех этих ядерных взрывов... Даже чай у Зейнеш-аже был такой же густой и вкусный, как в былые времена. Я невольно предался воспоминаниям: Гайни, средняя дочь Зейнеш-аже, была моей ровесницей. С её именем были связаны самые светлые и чистые воспоминания моего детства. Ведь я любил её нежной и чистой первой любовью. Умерла моя черноокая Гайни в восьмом классе от белокровия. И с тех пор ни одна девушка не затронула моего сердца, пока я не встретил Салиму. Оттого я и женился так поздно...

Мне всегда казалось, что Зейнеш-аже знала про мои чувства к Гайни. Но как бы то ни было, после встречи с этой женщиной я всегда находил успокоение души, какое-то внутреннее умиротворение.

– Как здоровье, Муратжан? – спросила она, особо выделив меня среди других.

Я рассказал ей об исчезновении дома моего брата, о потере матери и всех родственников.

– О аллах, за что нам теперь эти испытания! – тихо возроптала Зейнеш-аже, перебирая узловатыми пальцами тёмные камешки чётка.

Мы, тоже подавленные всем случившимся, стали пить вкусный чай со сливками. Тут в доме всё казалось как прежде, но детская кроватка стояла в гостиной, а не в детской, и на руке у Шакира красовалась повязка с выступающим кровавым пятном. В глазах у Загипы были страх и ожидание...

Нет, всё переменилось, полетело к чёрту, или весь мир, кроме нашего аула, разлетелся в пух и прах, или нас забросило в иной мир этим проклятым взрывом, может быть, мы попали в потусторонний мир?..

Но что бы ни случилось, нам нужно искать выход из этого положения, выжить ради детей, ради их будущего. Выжить назло всем тем, кто превратил нашу жизнь в кошмарный ад, а нас самих – в подопытных кроликов.

Шакир хотел было поехать с нами, но мы оставили его здесь. Дом был прочный, крепкий, запасы продуктов солидные. Кто знает, в каких условиях находятся сейчас другие жители нашего аула, в конторе потом может не хватить места для других. Вон отвезли аксакала Ермека, ещё могут встретиться такие же больные, беспомощные и одинокие...

Когда собрались уходить, Зейнеш-аже, будто благословляя нас, положила свою тёплую мягкую руку мне на голову и сказала:

– Пусть вас хранят духи наших предков!

И я словно вновь обрёл утраченные силы. Почудилось мне, к моей измученной и мятежной душе как будто тихо присоединилась светлая и спокойная душа моей черноокой Гайни – неспетой песни моей теперь уже такой далёкой юности...

– Будем вас навещать почаще, – пообещали мы с Кайсаром напоследок.

Было уже далеко за полдень, и мы не знали, что со стариком, которого оставили на попечение Салимы, у него был жар, когда мы уходили. К тому же Салима нам сообщила, что запасы воды на исходе. И надо было решать, откуда теперь её брать. Речка, как известно, пересохла, да вода в ней и в былые времена была совсем непригодной для питья. Оставались колодцы. Но есть ли в них вода? Как мы уже заметили, во многих из них теперь обитали эти мерзкие твари...

Сначала решили со всеми предосторожностями осмотреть колодец возле конторы. Это был единственный наглухо закрытый колодец на ручном насосе. На наших тоже были такие насосы, но все они были вырыты в виде вертикальных прямоугольников, и противоположная сторона от насоса всегда была прикрыта крышкой или щитком. А конторский колодец находился в будке сторожа, в помещении, и мы надеялись, что вода в ней по крайней мере чистая. Мы с Кайсаром обнаружили, что с двух сторон будки имеются провалы, так что имелась опасность кувыркнуться в другое измерение или в потусторонний мир...

Мы со всеми предосторожностями стали качать воду. Но с хлопаньем откачивалась зловонная тёмно-коричневая жидкость неизвестного происхождения. Воды не было и в помине. Мы приуныли после всех этих попыток – если не найдём воду, то нам конец. «Что же делать?» – этот вопрос мучил нас всех. Но какое-то внутреннее чутьё обнадеживало, что всё будет в порядке, что мы непременно, чего бы это нам ни стоило, должны выжить...

Глава V

Надежда. Плечо друга

Сильно ныли конечности, ушибленные о металлические приборы, когда совершался переход. Постепенно приходя в себя, он первым делом подумал: «Получилось ли?». Хорошо, если всё удалось. Тогда он сможет помочь этим бедолагам. Не повезло им. Всем аулом, как они называют своё поселение, провалились

после очередных испытаний в другое измерение... Тут уж невольно пойдёшь на контакт. Хотя и непрямой, но косвенный. Сидеть и смотреть, как они погибают целой общиной...

Он и понятия не имел, одобрят ли его решение в Совете Галактики. Но один неопровержимый аргумент у него был: страдали люди, духовно порабощённые, не по своей воле попавшие под пяту более всесильных, более могущественных. И не такие уж они жалкие и примитивные, какими их хотели изобразить некоторые исследователи. Как-то действуют, стараются найти выход, помочь более слабым, пострадавшим. У них выдвигаются свои лидеры. Не такое уж они погибшее общество, какими пытаются изобразить их некоторые в Совете Галактики.

Да, ему могут возразить, что земляне измерения Ф-2, то есть человеческие существа – это самоубийцы, что они собственными руками уничтожают среду своего обитания, навлекая тем опасность и на другие, соседние измерения нашего многочисленного и многоликого мира. Но они так наивны. Сам не раз с ними общался посредством неофициального контакта в чисто исследовательских целях, и всё знаю. Знаю, что земляне называют аппараты – диски сегосяна (так называли себя соотечественники Сана) летающими тарелками. И всю свою сознательную жизнь он доказывал, что люди – наивные, простодушные существа, порой их даже можно назвать глуповатыми. Но никак не жестокими и не примитивными.

А этим людям, которые совсем не по своей воле попали в другое измерение, надо было помочь обязательно. Хотя бы создать для них элементарные условия для выживания, а затем, подключив к работе самых передовых учёных Галактики, найти средства, пути, чтобы вызволить их из этого критического измерения, где шансы на выживание всегда были крайне малы. Сана утешало то, что в результате взрыва открылись провалы, через которые, хотя и в одностороннем порядке, но без особого вреда, живые организмы попадали в родное его измерение, к сегосянам. С улыбкой он вспомнил, как его соотечественники хлопотали, стараясь разместить поудобней человеческих детей, которые со всеми своими воспитателями провалились к ним...

Переключив приборы на «невидимость», Сан в свободном полёте парил над аулом. Управление он передал автопилоту. «Всё-таки смог осуществить переход», – с удовлетворением думал он. До этого им удавалось это с большим трудом. Сказывалась полуоформленность этого измерения. Оглядев приборы, убедился, что они в порядке. Нажав на кнопку «восстановителя прошлого», поразился. Местность, расстилающаяся под ним и изобилующая только серыми и жёлтыми красками, вдруг на экране чудесного прибора внезапно ожила, затрепетала, как бабочка, расправившая свои чудесные и прекрасные разноцветные крылья. Приборы показывали: «200 лет назад». Всё внизу: холмы, взгорья, степь были покрыты яркой, изумрудной растительностью. То там, то тут, кучками теснились небольшие рощицы разнопородных деревьев, а холмы были сплошь покрыты густым и высоким кустарником. Множество речек, ручейков, берущих своё начало от студёных и прозрачных родников, паутиной покрывали всю поверхность земли. Воздух отличался чистотой и свежестью. Совсем не ощущалось никакой деятельности цивилизованных существ...

«Как всё-таки уничтожающе действует на экологию цивилизация на первых ступенях своего технологического развития», – подумал Сан. Он знал, что множество планет в Галактике именно на этой стадии своего развития погубили себя. Теперь же Галактический Совет опасался, что эта цивилизация людей тоже окажется такой же самоубийцей. Если они погубят себя, свой мир, то это всколыхнёт, вплоть даже до уничтожения, и соседние многочисленные измерения...

А такого нельзя допускать ни в коем случае. Земля была планета многослойного измерения. Родина множества уникальных и неповторимых цивилизаций...

Сан осторожно посадил свой диск возле поселения людей. На первых порах он мог помочь только водой и семенами. К тому же и сами люди не сидят, сложа руки, они стараются, помогают друг другу. Так что они хорошо выполняют первую заповедь всегалактического общества, членами которой ещё не были: «Выживай любыми доступными путями и протяни руку помощи собрату по разуму».

Если бы люди увидели Сана в его настоящем обличье, то перепугались бы. Это было чудище, с точки зрения человека. Оно имело множество конечностей, точнее – шесть, зелёная гладкая кожа обтягивала его круглую безволосую голову, огромные глаза без ресниц и век обладали круговым обзором... Но внешняя форма для жителей Всегалактического сообщества не имела особого значения. Для него самым важным критерием была разумность. А она в свою очередь рождала сострадание к ближнему, доброту, любовь к прекрасному. Только так, сообщая, отбрасывая все мелкие предрассудки, разум освобождал для себя жизненное пространство, преодолевая косную материю.

Сан, «замаскировав» возле самого большого здания поселения родник, тут же оставил мешков двадцать «пшеницы», так называли местные жители злак, который употребляли в пищу.

Убедившись, что всё в порядке, снова войдя в свой летательный аппарат, лёг в анабиоз. Обратный путь предстоял ещё более тяжёлый. Наяву он не смог бы выдержать переход в родное измерение...

***

Дневник ветеринара Мурата, который подобрали в пустыне учёные, тщетно пытавшиеся разобраться в загадке неведомо куда исчезнувшего аула, заканчивается на оптимистической ноте:

– Вроде мы всё предусмотрели. Хотя до сих пор не установлена связь с внешним миром, но продержаться всем аулом и выжить, по-моему, можно. Сегодня возле конторы мы обнаружили родник с чистой и прохладной водой, и радости нашей не было предела. Самое главное, вода имеется! Мы не стали морочить голову, пытаюсь выяснить, откуда она взялась. Всё в нашем мире стало таким непонятным и непредсказуемым. Тут же нашли мешки с пшеницей. Тоже странно! Невольно после такого начнёшь верить во всевышнего и потусторонние силы.

Но что бы это ни было, теперь наша небольшая община сможет весной засеять поля... А это уже верный шанс на выживание. Вокруг меня всё больше и больше сплываются молодые. Прежний совхозный актив как-то сам остался в стороне. Странно, что почти все они оказались такими беспомощными людьми... И только молодёжь беспокоится о будущем, предлагает свои идеи. И потому нам некогда отвлекаться. И я стал очень мало записывать. А следовало бы больше, потому что у нас растут дети и им интересно будет узнать, как мы заново обживали наш так внезапно изменившийся мир... А ведь трудности научили нас многому, и многое мы стали воспринимать иначе. Но самое главное – мы поняли, что наша судьба в наших собственных руках...

Андрей ЛОПАТИН

Жезл сержанта Палкина

В городке N не было человека и, наверное, собаки, которые не знали бы инспектора ГИБДД сержанта Палкина. Здоровенный верзила, двух метров росту, наводил панику и ужас на всех автоводителей. Даже детей, впервые садившихся на велосипед, пугали Палкиным. Отвертеться от него, не откупившись взяткой, было нереально. За долгие годы службы в его волосатые лапы попало столько купюр, что иному банку не стыдно позавидовать. Даже милицейское начальство, завидев на дороге своего Палкина, сбрасывало газ, выключало маячок и поглядывало на знаки.

Первое время, однако, находились наивные, незадачливые смельчаки, которые думали, что у них-то всё в порядке. Некоторые с показным равнодушием и пренебрежением подавали ему документы, не выходя из машины. Но Палкин дело своё знал отлично.

– Всё ли у вас имеется? – спрашивал он сначала мелодичным, задушевым голосом.

– А как же! – самонадеянно отвечал смельчак. – И аптечка, и знак аварийной остановки, и огнетушитель, и страховка, и техосмотр!

– Это хорошо... – уже не мелодично, но ещё душевно продолжал Палкин. – Давление в шинах какое?

– А хрен его знает! – отвечал смельчак, но уже настоорожившись.

– Надо бы измерить, – предлагал Палкин.

– Чем? – удивлялся тот.

– Как это чем?... – голос инспектора звучал уже недружелюбно.

Тучи над водителем сгущались. Его охватывало внезапное беспокойство.

– У меня нет манометра...

– Что значит нет?... – появлялись басовые нотки. – Аварийный знак, аптечка, огнетушитель есть, а манометра нет! Непорядок, товарищ водитель!

Водителю уже стыдно становилось сидеть в машине перед стоящим инспектором. Он виновато выходил из машины.

– Извините, товарищ сержант... Не приобрёл ещё... Не успеваю следить за новыми законами... Каждый день, блин, меняются!

Тут голос Палкина превращался в громогласный бас, оглушавший до звона в ушах.

– Будем составлять протокол! Это сегодня серьёзная статья!

После таких слов редко у кого штаны оставались сухими. Смелчак шарил в карманах и вздыхал облегчённо, когда спасительная купюра окazyвалась в лапах Палкина.

После многие стали ездить с манометрами. А также: с компасами, с пылесосами, с нивелирами, с дефибрилляторами и ещё бог знает с чем. Один, говорят, ездил с аквалангом. А другой возил с собою прицеп – там было всё для любого случая, но и это не спасало его.

Палкинские тучи сгущались над водителями, никакого житья не было от его разоряющих лап. Многие не выдерживали напряжения и, завидев его, врезались в столб. Место, где стоял Палкин, всегда обозначалось поваленными заборами, деревьями, киосками и столбами.

Только потом, по прошествии лет, все как будто смирились и успокоились. Проезжая мимо него, каждый машинально доставал деньги и, как это бывает около святых мест на дороге, где бросают монеты и привязывают ленточки, протягивал ему положенную купюру. Процесс упростился до совершенства.

Но однажды случилось непредвиденное. В стране затеялась реформа: милиция становилась полицией. Когда началась аттестация, Палкин не смог ответить на тестовые вопросы экзамена. А они были пустяковые: «Какой рукой обязан брать взятку инспектор ГИБДД, правой или левой?». Палкин замешкался и ответил: «Обеими». Оказывается, правильно было: «Левой, так как инспектор должен быть суеверным, а то денег в доме не будет». Завалил он и второй простой вопрос: «Что должен предпринять инспектор, если увидит, как начальник ГИБДД г. Мерзляков на спущенном колесе, в нетрезвом виде едет с любовницей с дачи по встречной полосе? 1. Отдать честь. 2. Расчистить встречную полосу. 3. Помочь поменять запаску». И тут Палкин замешкался, ответил: «Позвонить его теще».

В общем, выгнали его в шею, кому он нужен в обновлённой полиции с такими знаниями!

С тех пор Палкин загрустил не на шутку. И даже, говорят, на этой почве вроде того... немного тронулся умом. Никто не мог понять, отчего на привычных местах нет дорогого инспектора. Некоторые даже соскучились и, проезжая мимо этих святых мест, кидали в окно деньги – так, на всякий случай.

Но Палкин не стал засиживаться дома. Он не забросил свои обязанности, которые, как он считал, даны ему Всевышним. В один прекрасный день он снова появился на дороге. С самодельным жезлом, сделанным из скалки, которую отобрал у жены. Формы на нём не было. Да и зачем форма, если его и так все знали в лицо.

Теперь он стал появляться всюду, как призрак, его даже видели вдали от городка, с разрисованной скалкой в руке. И не нашлось ни одного водителя, который бы не остановился на его жест и не подал положенную купюру!

Не только у дороги дежурил Палкин. Однажды ночью он явился на глаза молодой парочке, занимавшейся в машине любовью посреди глухого леса... Говорят, эту парочку потом доставили в больницу и разнимали операционным путём.

Так продолжалось до тех пор, пока его не вычислили и не повязали санитары.

Теперь Палкин бодрствует в городской психбольнице. Но и здесь он не забывает свои обязанности. Он ходит по коридору со скрученным в виде жезла журналом...

Недавно по этому коридору ПНД № 1 шагал Лев Иванович, пожилой терапевт. Он шёл в гости к своему другу, психиатру Сергею Петровичу, и был в приподнятом настроении. Но одна неотступная мысль всё же следовала за ним. Он тоже автолюбитель, правда, неважный: рассеянный, невнимательный, безалаберный. У его машины недавно отказал ручной тормоз и перегорела лампочка поворотника, но он так и ездит. Как и все, немало денег он отдал Палкину за своё многолетнее вождение. «Ничего, завтра машину загоню в автосервис и сделаю», – думал он, больше всего боясь встречи с ним...

И тут он вдруг останавливается. Он не верит своим глазам. Дорогу ему преграждает сам инспектор Палкин, вытянув журнальный жезл. Увидев его, Лев Иванович начинает дрожать как осиновый лист, на лбу его выступают капли пота, лицо тут же белеет.

– Товарищ сержант... – умоляет он. – Я обязательно устраню все недостатки! В самое ближайшее время!

– Лев Иванович! – настойчиво басит Палкин. – Я вам верю, но по долгу службы требую: предъявите для начала ваши права и документы!

Лев Иванович, похлопав себя по груди, холодеет: в карманах ничего не прощупывается. Он обречённо вздыхает, тело его как будто становится мягче.

– Кажется, забыл дома... Память проклятая! Но я могу позвонить жене, и она мигом привезёт!

– Не надо, Лев Иванович! Вы как ребёнок, ей-богу! Сколько же можно вас прощать? – Палкин сверлит глазами. – О, да вы, оказывается, употребляли?... А ну, в трубочку дышите! – и подносит скрученный журнал к носу Льва Ивановича.

Тот старается дышать как можно слабее. Палкин ехидно улыбается, делает паузу и громогласно объявляет:

– Будем составлять протокол!

– Секунду... – Лев Иванович даже приседает и дрожащими руками шарит в карманах. Найдя несколько спасительных купюр, он протягивает их и облегчённо вздыхает: – Вот, это всё, сколько есть... возьмите...

Но в коридоре кто-то из медсестёр уже замечает эту сцену и бежит к Сергею Петровичу.

Через несколько минут санитары тащат сопротивляющегося Палкина в ординаторскую. Они прижимают его руки к спине, затем надевают смирительную рубашку. Та же медсестра держит наготове шприц. Палкин старается вырваться и устрашающим голосом, что есть мочи, орёт на медиков:

– У вас огнетушителей нет! Сколько ещё прощать? Будем составлять протокол!

Про литературу

Жил-был литератор. Звали его Лёха. Писал он много и все свои шедевры обязательно рассылал по журналам. Год так рассылал, другой, а на третий задумался – надоело ему посещать сайты журналов, не видя себя в списке авторов.

– Несправедливо! – негодовал он. – По ночам не сплю, от творчества на двадцать килограмм похудел, а они что?.. Какие ответы присылают! «Займитесь лучше бегом», «Примите холодный душ», «Выучите алфавит», «Не читайте себя на ночь», «Не слушайте жену и тещу», «Отключите Интернет», «Из-за вашей почты уволился третий редактор»!

Что делать дальше, литератор не знал. Но зуд и муки творчества не давали покоя.

А какие это были муки! Проснётся, бывало, среди ночи, озарённый находкой, и вскрикнет: «Эврика!». Жена испуганно спросит: «Что, дорогой, что случилось?..». А он: «Дурочка, тебе всё равно не понять, сколько я искал этот образ! Сейчас только нашёл! Вот он: нос у неё был пяточком! У героини моей нос был именно – пяточком!». Тут же соскочит и бежит записывать в тетрадку. Потом ещё долго не спит, а засыпая, всё повторяет: «пяточком, пяточком...».

Наконец настал день, когда литератор отважился нанести визит редакторам самолично. Захотелось ему посмотреть на этих недоступных очкариков. А чтобы идти не с пустыми руками, он специально написал рассказ «Про жену». Для пущей важности он даже раздел её и, как художник, списал образ.

Утром, выпив чашечку кофе, литератор перекрестился, сплюнул через плечо и отправился в первую редакцию.

– Литература должна быть литературной! – сказал ему пожилой редактор. – А у вас что? Пишете о своей героине: «ухо у неё шевелилось»! Хотя бы какую-нибудь художественность изобразили, например: «Уши её трепетали, как листья молодой капусты». А вот здесь: «Полные бёдра в колготках»! Ну, скажите, зачем вам понадобились колготки, да ещё китайские? И дальше... у неё не «грудь», а «сиськи десятого размера»! Это не литературно! Где вы такое видели?

– У жены, – ответил литератор, недоумевая, – у неё всё литературно.

На другой день литератор принёс исправленный текст.

– Что вы от меня хотите? – совсем рассердился редактор. – Снова принесли мне сиськи, только теперь пятнадцатого размера! Нет, нет и нет! Меня этим не купить! Староват уже!

Сплюнул литератор от досады и пошёл к другому редактору.

– Литература должна быть правдивой, – сказал ему другой редактор помоложе, – наш журнал строго реалистического направления. А у вас что? Где вы видели, чтоб у собственной жены сиськи были десятого размера? Всем давно известно, что десятого бывают только у чужих жён!

– Это как же?.. – обиделся литератор, – ведь я самолично списывал, да у моей Аннушки...

– Вот приведите свою жену, её и опубликуем! А так – извините, нет, нет и нет!

Загрустил литератор. Сплонуть уже и слюны не осталось. Но к нему пришла заманчивая идея: «А может... в редакцию журнала фантастики сходить? Может, там сиськи оценят?».

Редактор почесал затылок на серебристом шлеме, потом снял его с головы и сказал:

– Нет! С такими земными данными в космос отправлять вашу героиню нецелесообразно. В повышенном гравитационном поле при длительном контакте с предметами астрального мира в момент прохождения их через лучи X эти две биологические составляющие могут вызвать волну, которую уловят враждебные цивилизации...

Долго слушал литератор его речь, потом обречённо встал и тихо вышел на улицу... «В редакцию поэзии! – мелькнула новая догадка. – Там ещё я не был!».

Худая как тростинка редактор-поэтесса нахмурила брови.

– Что-то не рифмуется «колготки» и... – она покраснела, – и «сиськи»! Где тут поэзия и кто поэт?

– Главная героиня. Она в моём рассказе поэтесса!

– Где вы видели тучных поэтесс? И с таким бюстом! Поэзия женщину истощает! Это только прозаики бывают упитанными. Хотите похудеть – станьте поэтом! – она гордо приоткрыла под пиджаком едва заметный намёк груди и добавила: – Обижаете вы нас, автор! И всю поэзию в моём лице!

Совсем было отчаялся литератор. Но в городе оставалась ещё одна редакция – журнала «Железнодорожный путь». «А чего мне выбирать?.. Может, там улыбнётся счастье?».

Редактор встретил приветливо.

– У вас статья?

– Да! Про сиськи.

Он внимательно ознакомился и сказал:

– Ну что вы! Мы одну Анну уже раздавили паровозом, а вы хотите, чтобы ещё грех на себя взяли... – тут он сделал паузу и закатил глаза, – а впрочем... какого, пишете, размера сиськи?.. Десятого?.. Заманчиво... Надо подумать... А может, её в рубрику «Электросетевые коммуникации»?.. Нет, не подходит... А если в «Подвижные сцепки»?.. Ей-богу, материалчик-то интересней...

У литератора даже в горле запершило: вот она, эта счастливая минута, как она близка! Но редактор вдруг опустил глаза и отрезал:

– Нет! Если бы у неё талия была в три обхвата, то можно было бы в рубрику «Крупногабаритные цистерны»! А так – извините, не могу.

– Что же мне делать? – упал духом литератор.

– А сходите-ка к издателям, – посоветовал он на прощание. – Говорят, сиськи им позарез сегодня нужны.

С последней надеждой литератор ступил на порог крупного издательства.

– Так-так-так! – пройдясь по кабинету с листками в руках, заинтересовался розовощёкий издатель. – Это интересно! Десятого размера! Где ж вы раньше-то были?

– По редакциям журналов ходил...

– Где-где?.. И вам, конечно, сказали «не литературно» и везде отфутболили?

– Везде...

– Это и немудрено. Не вы первый и не вы последний, с кем они так обошлись. Ну ничего... – он задумался, – скоро перестанут ломаться: посидят на чёрном хлебе и сами начнут всем звонить! Чёртово племя!

Тут он громко рассмеялся:

– Сиськи им не литературно! Ишь какие цацы!

Потом присел на кресло рядом с литератором.

– Вот что, дорогой Лёха, какие ещё рассказы у вас есть? Для отдельной книги этого будет маловато.

– Много ещё есть. Про тещу есть. Про рыбалку, где видел русалку.

– Замечательно! Но желательно ещё повесть написать. Или этот рассказ растянуть. Сколько времени потребуется? Не менее 8 авторских листов нужно.

– Я быстро пишу, – едва выговорил литератор от радости, – за три ночи настрою!

– Вот и лады, – сказал издатель и, подумав, посоветовал: – Желательно бы в повести отразить любовный треугольник: вы, жена и теща.

Он ещё подумал и ещё посоветовал:

– И хорошо бы включить внезапное возвращение тестя из тайги. Двустволка у тестя есть? А лучше с мечом Джедая. В общем, побольше фантазии – будет бестселлер! Я знаю, что надо читателю.

Литератор чувствовал себя на седьмом небе, когда вышел на улицу. Проходя обратно мимо редакций журналов, он невольно плевался. Откуда-то снова появилась слюна. Глядя на их двери, он уже не скрывал негодования: «Не литературно! Ишь, какие цацы! Ещё позвоните мне!».

г. Чита.

Адрес редакции: Республика Казахстан, 010000,
г. Астана, пр. Победы, 56 (112), кв. 13.

Телефон/факс: (7172) 39-38-06.

Телефон корпункта в Алматы 8-701-337-45-55.

Сайты: www.niva-kz.narod.ru

www.niva.ucoz.kz

E-mail: gundarev@hotmail.com

Редакция знакомится с письмами читателей, как правило,
не вступая в переписку.

Рукописи не возвращаются и не рецензируются.

Авторы опубликованных материалов несут ответственность
за подбор и точность приведённых фактов, цитат,
экономико-статистических данных, имён собственных
и прочих сведений.

Мнения авторов могут не совпадать с точкой зрения редакции.

Рукописи в редакцию направляются на дисках
или CD-дисках и распечатанные на белой бумаге.

Корректор **И. Н. Юзупанова.**

Набор и вёрстка **Ю. В. Богдановой.**

Технический редактор **В. А. Богданов.**

Собственник:

ТОО «Редакция казахстанского литературно-художественного
и общественно-политического журнала «Нива».

Журнал основан **В. Р. Гундаревым**
и впервые зарегистрирован 12.12.1990 г.
Первый номер вышел 17.04.1991 г.

Свидетельство о переучёте № 3518-Ж.
Выдано Министерством культуры, информации и общественного
согласия Республики Казахстан 27.01.2003 г.

Сдано в набор 12.12.2012 г.

Подписано к печати 12.01.2013 г. Формат 70 x 100 1/16.

Уч.- изд. л. 20, 00. Тираж 1000. Цена свободная.

Заказ № 209.

Номер набран и свёрстан
в ТОО «Редакция казахстанского литературно-художественного
и общественно-политического журнала «Нива».

Типография ТОО «Жаркын Ко».
010000, г. Астана, пр. Абая, 57/1.